84(2=411.2)5
К92

А. Купринъ.

СУЛАМИѲЬ.

ТОМЪ 5

Московское Книгоиздательство.

905

166
1

А. КУПРИНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1917.

Дар

А. КУПРИНЪ.

СУЛАМИѲЬ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

13579

7125-9-1
МУК «ЦБС»
г. Вологда

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.
1917.

Центр писателя
В.И. Белова

84(2·411.2)5 я 44
К 92

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

НА ПЕРЕЛОМѢ.

(КАДЕТЫ).

I.

Первыя впечатлѣнія.—Старички.—Прочная пуговица.—Что такое масляна.—Грузовъ.—Ночь.

— Эй, какъ тебя!.. Новичокъ... какъ твоя фамилія?

Буланинъ даже и не подозрѣвалъ, что этотъ окрикъ относится къ нему—до того онъ былъ оглушенъ новыми впечатлѣніями. Онъ только что пришелъ изъ пріемной комнаты, гдѣ его мать упрашивала какого-то высокаго военнаго въ бакенбардахъ быть поснисходительнѣе на первыхъ порахъ къ ея Мишенькѣ. «Ужъ вы, пожалуйста, съ нимъ не по всей строгости,—говорила она, гладя въ го же время безсознательно голову сына:—онъ у меня гакой нѣжный... такой впечатлительный... онъ совсѣмъ на другихъ мальчиковъ не похожъ». При этомъ у нея было такое жалкое, просящее, совсѣмъ непривычное для Буланина лицо, а высокій военный только кланялся и позвякивалъ шпорами. Повидимому, онъ торопился уйти, но, въ силу давнишней привычки, продолжалъ выслушивать съ равнодушнымъ и вѣжливымъ терпѣніемъ эти изліянія материнской заботливости...

Двѣ длинныя рекреаціонныя залы младшаго возраста были полны народа. Новички робко жались вдоль стѣнъ и сидѣли на подоконникахъ, одѣтые въ самые разнообразные костюмы: тутъ были желтыя, голубыя

и красныя косоворотки-рубашки, матросскія курточки съ золотыми якорями, высокіе до колѣнъ чулки и сапожки съ лаковыми отворотами, пояса широкіе кожаные и узкіе позументные. «Старички» въ сѣрыхъ коломянковыхъ блузахъ, подпоясанныхъ ремнями, и такихъ же панталонахъ, сразу бросались въ глаза и своимъ однообразнымъ костюмомъ и, въ особенности, развязными манерами. Они ходили по-двое и по-трое по залѣ, обнявшись, заломивъ истрепанныя кепи на затылокъ; нѣкоторые перекликались черезъ всю залу, иные съ крикомъ гонялись другъ за другомъ. Густая пыль поднималась съ натертаго мастикой паркета. Можно было подумать, что вся эта топочащая, кричащая и свистящая толпа нарочно старалась кого-то ошеломить своей возней и гамомъ.

— Ты оглохъ, что ли? Какъ твоя фамилія, я тебя спрашиваю?

Буланинъ вздрогнулъ и поднялъ глаза. Передъ нимъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ, стоялъ рослый воспитанникъ и разсматривалъ его сонным, скучающимъ взглядомъ.

— Моя фамилія Буланинъ,—отвѣтилъ новичокъ.

— Очень радъ. А у тебя гостинцы есть, Буланинъ?

— Нѣтъ...

— Это, братецъ, скверно, что у тебя нѣтъ гостинцевъ. Пойдешь въ отпускъ—принеси.

— Хорошо, я принесу.

— И со мной подѣлись... Ладно?...

— Хорошо, съ удовольствіемъ.

Но старичокъ не уходилъ. Онъ, повидимому, скучалъ и искалъ развлеченія. Вниманіе его привлекли большія металлическія пуговицы, пришитыя въ два ряда на курточкѣ Буланина.

— Ишь ты, какія пуговицы у тебя ловкія,—сказалъ онъ, трогая одну изъ нихъ пальцемъ.

— О, это такія пуговицы...—суетливо обрадовался Буланинъ.—Ихъ ни за что оторвать нельзя. Вотъ попробуй-ка!

Старичокъ захватилъ между своими двумя грязными пальцами пуговицу и началъ вертѣть ее. Но пуговица не поддавалась. Курточка шилась дома, шилась на ростъ, въ расчетѣ нарядить въ нее Васеньку, когда Мишенькѣ она станетъ мала. А пуговицы пришивала сама мать двойной провощенной ниткой.

Воспитанникъ оставилъ пуговицу, поглядѣлъ на свои пальцы, гдѣ отъ нажима острыхъ краевъ остались синіе рубцы, и сказалъ:

— Крѣпкая пуговица!.. Эй, Базутка,—крикнулъ онъ пробѣгавшему мимо маленькому бѣлокурому, розовому толстяку,—посмотри, какая у новичка пуговица здоровая.

Скоро вокругъ Буланина, въ углу, между печкой и дверью, образовалась довольно густая толпа. Тотчасъ же установилась очередь. «Чуръ, я за Базуткой!»—крикнулъ чей-то голосъ, и тотчасъ же остальные загалдѣли: «А я за Миллеромъ! А я за Утконосомъ! А я за тобой!»—и покамѣстъ одинъ вертѣлъ пуговицу, другіе уже протягивали руки и даже пощелкивали отъ нетерпѣнія пальцами.

Но пуговица держалась, попрежнему, крѣпко.

— Позовите Грузова!—сказалъ кто-то изъ толпы.

Тотчасъ же другіе закричали: «Грузовъ! Грузовъ!» Двое побѣжали его разыскивать.

Пришелъ Грузовъ, малый лѣтъ пятнадцати, съ желтымъ, испитымъ, арестантскимъ лицомъ, сидѣвшій въ первыхъ двухъ классахъ уже четыре года,—одинъ изъ первыхъ силачей возраста. Онъ, собственно, не шелъ, а влачился, не поднимая ногъ отъ земли и при каждомъ шагѣ падая туловищемъ то въ одну, то въ другую сто-

рону, точно плылъ или катился на конькахъ. При этомъ онъ поминутно сплевывалъ сквозь зубы, съ какой-то особенной кучерской лихостью. Расталкивая кучку плечомъ, онъ спросилъ сиплымъ басомъ:

— Что у васъ тутъ, ребята?

Ему разсказали, въ чемъ дѣло. Но, чувствуя себя героемъ минуты, онъ не торопился. Оглядѣвъ внимательно новичка съ ногъ до головы, онъ буркнулъ:

— Фамилія?..

— Что?—спросилъ робко Буланинъ.

— Дуракъ, какъ твоя фамилія?

— Бу... Буланинъ...

— А почему же не Савраскинъ? Ишь ты, фамилія-то какая... лошадиная.

Кругомъ услужливо разсмѣялись. Грузовъ продолжалъ:

— А ты, Буланка, пробовалъ когда-нибудь маслянки?

— Н... нѣтъ... не пробовалъ.

— Какъ? Ни разу не пробовалъ?

— Ни разу...

— Вотъ такъ штука! Хочешь, я тебя угощу?

И, не дожидаясь отвѣта Буланина, Грузовъ нагнулъ его голову внизъ и очень больно и быстро ударилъ по ней сначала концомъ большого пальца, а потомъ дробно костяжками всѣхъ остальныхъ, сжатыхъ въ кулакъ.

— Вотъ тебѣ маслянка, и другая, и третья!.. Ну, что, Буланка, вкусно? Можетъ быть, еще хочешь?

Старички радостно гоготали. «Ужъ этотъ Грузовъ! Отчаянный!.. Здорово новичка маслянками накормилъ».

Буланинъ тоже силился улыбнуться, хотя отъ трехъ маслянокъ ему было такъ больно, что невольно слезы выступили на глазахъ. Грузову объяснили, зачѣмъ его звали. Онъ самоувѣренно взялся за пуговицу и сталъ ее съ ожесточеніемъ крутить. Однако, несмотря на то, что онъ прилагалъ все бо́льшія и бо́льшія усилія, пуго-

лица продолжала упорно держаться на своемъ мѣстѣ. Тогда, изъ боязни уронить свой авторитетъ передъ «малышами», весь красный отъ натуги, онъ уперся одной рукой въ грудь Буланина, а другой изо всѣхъ силъ рванулъ пуговицу къ себѣ. Пуговица отлетѣла съ мясомъ, но толчокъ былъ такъ быстръ и внезапенъ, что Буланинъ сразу сѣлъ на полъ. На этотъ разъ никто не разсмѣялся. Можетъ быть, у каждаго мелькнула въ это мгновеніе мысль, что и онъ когда-то былъ новичкомъ, въ такой же курточкѣ, сшитой дома любимыми руками.

Буланинъ поднялся на ноги. Какъ онъ ни старался удержаться, слезы все-таки же покатились изъ его глазъ, и онъ, закрывъ лицо руками, прижался къ печкѣ.

— Эхъ ты, рёва-корова!—произнесъ Грузовъ презрительно, стукнулъ новичка ладонью по затылку, бросилъ ему пуговицу въ лицо и ушелъ своей разгильдяйской походкой.

Скоро Буланинъ остался одинъ. Онъ продолжалъ плакать. Кромѣ боли и незаслуженной обиды, какое-то странное, сложное чувство терзало его маленькое сердце,—чувство, похожее на то, какъ будто бы онъ самъ только что совершилъ какой-то нехорошій, непоправимый, глупый поступокъ. Но въ этомъ чувствѣ онъ, покамѣстъ, разобраться не могъ.

Страшно медленно, скучно и тяжело, точно длинный сонъ, тянулся для Буланина этотъ первый день гимназической жизни. Были минуты, когда ему начинало казаться, что не пять или шесть часовъ, а по крайней мѣрѣ полмѣсяца прошло съ того грустнаго момента, какъ онъ, вмѣстѣ съ матерью, взбирался по широкимъ каменнымъ ступенямъ параднаго крыльца и съ трепетомъ вступилъ въ огромныя стеклянныя двери, на которыхъ мѣдь блестѣла съ холодной и внушительной яркостью...

Одинокій, точно забытый всѣмъ свѣтомъ, мальчикъ

разсматривалъ окружавшую его казенную обстановку. Двѣ длинныя залы—рекреаціонная и чайная (онѣ раздѣлялись аркой)—были выкрашены снизу до высоты человѣческаго роста коричневой масляной краской, а выше—розовой известкой. По лѣвую сторону рекреаціонной залы тянулись окна, полузадѣланныя рѣшетками, а по правую—стеклянныя двери, ведущія въ классы; простѣнки между дверьми и окнами были заняты раскрашенными картинами изъ отечественной исторіи и рисунками разныхъ звѣрей, а въ дальнемъ углу лампада теплилась передъ огромнымъ образомъ св. Александра Невскаго, къ которому вели три обитыя краснымъ сукномъ ступеньки. Вокругъ стѣнъ чайной залы стояли черные столы и скамейки; ихъ сдвигали въ одинъ общій столъ къ чаю и завтраку. По стѣнамъ тоже висѣли картины, изображавшія геройскіе подвиги русскихъ воиновъ, но висѣли настолько высоко, что, даже ставши на столъ, нельзя было разсмотрѣть, что подъ ними подписано... Вдоль обѣихъ залъ, какъ разъ посреди ихъ, висѣлъ длинный рядъ опускныхъ лампъ съ абажурами и мѣдными шарами для противовѣса...

Наскучивъ бродить вдоль этихъ безконечно-длинныхъ залъ, Буланинъ вышелъ на плацъ—большую квадратную лужайку, окруженную съ двухъ сторонъ валомъ, а съ двухъ другихъ—сплошной стѣной желтой акаціи. На плацу старички играли въ лапту, другіе ходили обнявшись, третьи съ вала бросали камни въ зеленый отъ тины прудъ, лежавшій глаголемъ шагахъ въ пятидесяти за линіей валовъ; къ пруду гимназистамъ ходить не позволялось, и чтобы слѣдить за этимъ—на валу во время прогулки торчалъ дежурный дядька.

Всѣ эти впечатлѣнія рѣзкими, неизгладимыми чертами запали въ память Буланина. Сколько разъ потомъ, за всѣ семь лѣтъ гимназической жизни, видѣлъ онъ и эти коричневыя съ розовымъ стѣны, и плацъ съ чах-

лой травой, вытоптанной многочисленными ногами, и длинные узкіе коридоры, и чугунную лѣстницу—и такъ привыкъ къ нимъ, что они сдѣлались какъ бы частью его самого... Но впечатлѣнія перваго дня все-таки не умирали въ его душѣ, и онъ всегда могъ вызвать чрезвычайно живо передъ своими глазами тогдашній видъ всѣхъ этихъ предметовъ,—видъ, совсѣмъ отличный отъ ихъ настоящаго вида, гораздо болѣе яркій, свѣжій и какъ будто бы наивный.

Вечеромъ Буланину, вмѣстѣ съ прочими новичками, дали въ каменной кружкѣ мутнаго сладкаго чаю и половину французской булки. Но булка оказалась кислой на вкусъ, а чай отдавалъ рыбой. Послѣ чая дядька показалъ Буланину его кровать.

Спальня младшаго возраста долго не могла угомониться. Старички въ однѣхъ рубашкахъ перебѣгали съ кровати на кровать, слышался хохотъ, шумъ возни, звонкіе удары ладонью по голому тѣлу. Только черезъ часъ сталъ затихать этотъ кавардакъ и умолкъ сердитый голосъ воспитателя, окликавшаго шалуновъ по фамиліямъ.

Когда же шумъ совершенно прекратился, когда отовсюду послышалось глубокое дыханіе спящихъ, прерываемое изрѣдка соннымъ бредомъ, Буланину сдѣлалось невыразимо тяжело. Все, что на время забылось имъ, что заволоклось новыми впечатлѣніями,—все это вдругъ припомнилось ему съ безпощадной ясностью: домъ, сестры, братъ, другъ дѣтскихъ игръ—кухаркинъ племянникъ Савка и, наконецъ, это дорогое, близкое лицо, которое сегодня въ пріемной казалось такимъ просящимъ. Тонкая, глубокая нѣжность и какая-то болѣзненная жалость къ матери переполнили сердце Буланина. Ему припомнились всѣ тѣ случаи, когда онъ бывалъ съ нею недостаточно нѣженъ, непочтителенъ, порою даже грубъ. И ему представлялось, что если бы теперь, какимъ-ни-

будь волшебствомъ, увидѣлся онъ съ матерью, то онъ сумѣлъ бы собрать въ своей душѣ такой запасъ любви, благодарности и ласки, что его хватило бы на многіе и многіе годы одиночества. Въ его разгоряченномъ, взволнованномъ и подавленномъ умѣ лицо матери представлялось такимъ блѣднымъ и болѣзненнымъ, гимназія такимъ неуютнымъ и суровымъ мѣстомъ, а онъ самъ такимъ несчастнымъ, заброшеннымъ мальчикомъ, что Буланинъ, прижавшись крѣпко ртомъ къ подушкѣ, заплакалъ жгучими, отчаянными слезами, отъ которыхъ вздрагивала его узкая желѣзная кровать, а въ горлѣ стоялъ какой-то сухой колючій клубокъ... Онъ вспомнилъ также сегодняшнюю исторію съ пуговицей и покраснѣлъ, несмотря на темноту. «Бѣдная мама! Какъ старательно пришивала она эти пуговицы, откусывая концы нитки зубами. Съ какою гордостью во время примѣрки любовалась она этой курточкой, обдергивая ее со всѣхъ сторонъ...» Буланинъ почувствовалъ, что онъ совершилъ сегодня утромъ противъ нея нехорошій, низкій и трусливый поступокъ, когда предлагалъ старичкамъ оторвать пуговицу.

Онъ плакалъ до тѣхъ поръ, пока сонъ не охватилъ его своими широкими объятіями... Но и во снѣ Буланинъ долго еще вздыхалъ прерывисто и глубоко, какъ вздыхаютъ послѣ слезъ очень маленькія дѣти. Впрочемъ, не онъ одинъ въ эту ночь плакалъ, спрятавшись лицомъ въ подушку, при тускломъ свѣтѣ висячихъ лампъ съ контръ-абажурами.

II.

Заря.—Умывалка.—Пѣтухъ и его рѣчь.—Учитель русскаго языка и его странности.—Четуха.—Одежда.—Цынки.

— Тра-та-та, тра-та-та, та, та, та, та...

Буланинъ только что собирался съ новенькой сѣтью и съ вѣрнымъ Савкою итти на перепеловъ... Внезапно

разбуженный этими пронзительными звуками, онъ испуганно вскочилъ на кровати и раскрылъ глаза. Надъ самой его головой стоялъ огромный, рыжій, веснушчатый солдатъ и, приложивъ къ губамъ блестящую мѣдную трубу, весь красный отъ натуги, съ раздутыми щеками и напряженной шеей, игралъ какой-то оглушительный и однообразный мотивъ.

Было шесть часовъ ненастнаго августовскаго утра. По стекламъ сбѣгали зигзагами капли дождя. Въ окна виднѣлось хмурое сѣрое небо и желтая чахлая зелень акацій. Казалось, что однообразно-рѣзкіе звуки трубы еще сильнѣе и непріятнѣе заставляютъ чувствовать холодъ и тоску этого утра.

Въ первыя минуты Буланинъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и какъ могъ онъ очутиться среди этой казарменной обстановки, съ длинной анфиладой розовыхъ арокъ и съ правильными рядами кроватей, на которыхъ подъ сѣрыми байковыми одѣялами ежились спящія фигуры.

Потрубивъ добрыхъ пять минутъ, солдатъ отвинтилъ у своей трубы мундштукъ, вытряхнулъ изъ нея слюну и ушелъ.

Дрожа отъ холода, воспитанники бѣжали въ умывалку, обвязавшись вокругъ пояса полотенцемъ. Всю умывалку занималъ длинный узкій ящикъ изъ красной мѣди съ двадцатью подъемными стержнями снизу. Вокругъ него уже толпились воспитанники, нетерпѣливо дожидаясь очереди, толкаясь, фыркая и обливая другъ друга. Всѣ не выспались; старички были злы и ругались хриплыми, сонными голосами. Нѣсколько разъ, когда Буланинъ, улучивъ минутку, становился подъ кранъ, кто-нибудь сзади бралъ его за воротъ рубашки и грубо отталкивалъ. Умыться ему удалось только въ самой послѣдней очереди.

Послѣ чая пришли воспитатели, раздѣлили всѣхъ по-

вичковъ на два отдѣленія и тотчасъ же развели ихъ по классамъ.

Во второмъ отдѣленіи, куда попалъ Буланинъ, было двое второгодниковъ: Бринкенъ — длинный, худой остзеецъ съ упрямыми водянистыми глазами и висячимъ нѣмецкимъ носомъ, и Сельскій—маленькій, веселый гимназистъ, хорошенькій, но немного кривоногій. Бринкенъ, едва войдя въ классъ, тотчасъ же объявилъ, что онъ занимаетъ «камчатку». Новички нерѣшительно толпились вокругъ партъ.

Вскорѣ появился воспитатель. Его приходъ былъ возвѣщенъ Сельскимъ, закричавшимъ: «Тс... Пѣтухъ идетъ!..» Пѣтухомъ оказался тотъ самый воспный въ бакахъ, котораго вчера видѣлъ Буланинъ въ пріемной; его звали Яковъ Яковлевичъ фонъ-Шеппе. Это былъ очень чистенькій, добродушный нѣмецъ. Отъ него всегда пахло немного табакомъ, немного одеколономъ и еще тѣмъ особеннымъ не непріятнымъ запахомъ, который издаютъ мебель и вещи въ зажиточныхъ нѣмецкихъ семействахъ. Заложивъ правую руку въ задній карманъ сюртука, а лѣвой перебирая цѣпочку, висящую вдоль борта, и въ то же время то поднимаясь быстро на цыпочки, то опускаясь на каблуки, Пѣтухъ сказалъ небольшую, но прочувствованную рѣчь:

— Ну, такъ вотъ, господа... э... э... какъ бы сказать... я назначенъ вашимъ воспитателемъ. Да было бы вамъ извѣстно, что я имъ и останусь всѣ... весь... э... какъ бы сказать... всѣ семь лѣтъ вашего пребыванія въ гимназіи. Поэтому смѣю думать и надѣяться, что на васъ со стороны учителей или, какъ бы сказать... преподавателей—да, вотъ именно: преподавателей... не будетъ... э... не будетъ поступать неудовольствій и... какъ бы сказать... жалобъ... Помните, что преподаватели суть тѣ же ваши начальники, и кромѣ добра... э... э... какъ бы сказать... кромѣ добра, вамъ ничего не желаютъ...

Онъ помолчалъ немного и нѣсколько разъ подъ рядъ то поднимался, то опускался на цыпочкахъ, точно собираясь улетѣть (его за эту привычку, вѣроятно, и прозвали Пѣтухомъ), и продолжалъ:

— Да-съ! Такъ-то-съ. Намъ съ вами придется прожить вмѣстѣ очень и очень долгое время... потому и постараемся... э... какъ бы сказать... не ссориться, не браниться, не драться-съ.

Бринкенъ и Сельскій первые поняли, что въ этомъ фамильярно-ласковомъ мѣстѣ рѣчи надо засмѣяться. Слѣдомъ за ними захихикали и новички.

Бѣдный Пѣтухъ вовсе не обладалъ краснорѣчіемъ. Кромѣ постоянныхъ: э... слово-ериковъ и «какъ бы сказать», у него была несчастная привычка говорить риѳмами, и въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ употреблять одни и тѣ же выраженія. И мальчишки, съ ихъ острой переимчивостью и наблюдательностью, очень быстро подхватили эти особенности Пѣтуха. Бывало, по утрамъ, будя разоспавшихся воспитанниковъ, Яковъ Яковлевичъ кричитъ: «Не копаться, не валяться, не выспиживать!..» а цѣлый хоръ изъ-за угла, зная заранѣе какая реплика слѣдуетъ далѣе, оретъ, подражая его интонаціямъ: «Кто тамъ выспиживаетъ?»

Окончивъ свою рѣчь, Пѣтухъ сдѣлалъ всему отдѣленію перекличку. Каждый разъ, встрѣтивъ болѣе или менѣе громкую фамилію, онъ, недурачивая, по своему обыкновенію, спрашивалъ:

— А вы не родственникъ такому-то?

И получивъ большею частью отрицательный отвѣтъ, качалъ головою сверху внизъ и говорилъ мягкимъ голосомъ:

— Прекрасно-съ. Садитесь-съ.

Затѣмъ онъ размѣстилъ всѣхъ воспитанниковъ на парты по-двое, при чемъ извлекъ Бринкена изъ «камчатки» на первую скамейку, и ушелъ изъ класса.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Буланинъ своего сосѣда, толстощекаго румянаго мальчика въ черной курткѣ съ желтыми пуговицами.

— Кривцовъ. А тебя какъ?

— Меня—Буланинъ. Хочешь, будемъ дружиться?

— Давай. У тебя родные гдѣ живутъ?

— Въ Москвѣ. А у тебя?

— Въ Жиздрѣ. У насъ тамъ садъ большой и озеро, и лебеди плаваютъ.

При этомъ воспоминаніи Кривцовъ не могъ удержать глубокаго, прерывистаго вздоха.

— А у меня есть собственная верховая лошадь,— Муцикъ зовутъ. Страсть какая быстрая, точно иноходецъ. И два кролика, ручные совсѣмъ, капусту прямо изъ рукъ берутъ.

Пѣтухъ опять пришелъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи дядьки, несшаго на плечахъ большую корзину съ книгами, тетрадями, перьями, карандашами, резинками и линейками. Книги уже были давно знакомы Буланину: задачникъ Евтушевскаго, французскій учебникъ Марго, хрестоматія Поливанова и священная исторія Смирнова. Всѣ эти источники премудрости оказались сильно истрепанными руками предшествующихъ поколѣній, черпавшихъ изъ нихъ свои знанія. Подъ зачеркнутыми фамиліями прежнихъ владѣльцевъ на холщевыхъ переплетахъ писались новыя фамиліи, которыя, въ свою очередь, давали мѣсто новѣйшимъ. На многихъ книгахъ красовались безсмертныя изреченія въ родѣ: «Читаю книгу, а вижу фигу» или

Сія книга принадлежитъ,
Никуда не убѣжитъ,
Кто возьметъ ее безъ спросу,
Тотъ останется безъ носу.

или наконецъ: «Если ты хочешь узнать мою фамилію, см. стр. 45». На 45 страницѣ стоитъ: «См. стр.

118», а 118-я страница своимъ чередомъ отсылаетъ любопытнаго на дальнѣйшіе поиски, пока онъ не приходитъ къ той же самой страницѣ, откуда началъ искать незнакомца. Попадались также нерѣдко обидныя и насмѣшливыя выраженія по адресу учителя того предмета, который трактовался учебникомъ.

— Берегите ваши руководства, — сказалъ Пѣтухъ, когда раздача кончилась: — не дѣлайте на нихъ различныхъ... э... какъ бы сказать... различныхъ неприличныхъ надписей... За утерянный или попорченный учебникъ будетъ наложено взысканіе-съ и будутъ удержаны... э... какъ бы сказать... деньги-съ... съ виновнаго-съ... Затѣмъ назначаю старшимъ въ классѣ Сельскаго. Онъ— второгодникъ и все знаетъ-съ, всякіе... какъ бы сказать... порядки-съ и распорядки-съ... Если вамъ будетъ что-либо непонятно или... какъ бы сказать... желательно-съ, извольте обращаться ко мнѣ черезъ него. Затѣмъ-съ...

Кто-то отворилъ двери. Пѣтухъ быстро обернулся и прибавилъ полушопотомъ:

— А вотъ и преподаватель русскаго языка.

Вошелъ съ классным журналомъ подъ мышкой длинноволосый блондинъ иконописнаго облика, въ поношенномъ сюртукѣ, такой высокій и худой, что ему приходилось невольно горбиться. Сельскій закричалъ: «Встать! Смирно!» и подошелъ къ нему съ рапортомъ: «Господинъ преподаватель, во второмъ отдѣленіи перваго класса N-ской военной гимназіи все обстоитъ благополучно. По списку воспитанниковъ тридцать, одинъ въ лазаретѣ, налицо двадцать девять». Преподаватель (его звали Иваномъ Архиповичемъ Сахаровымъ), выслушалъ это, изобразивши всей своей нескладной фигурой вопросительный знакъ надъ маленькимъ Сельскимъ, который поневолѣ долженъ былъ задирать голову кверху, чтобы видѣть лицо Сахарова. Затѣмъ

Иванъ Архиповичъ мотнулъ головой на образъ и буркнулъ: «Молитву!» Сельскій совершенно тѣмъ же тономъ, какимъ сейчасъ рапортовалъ, прочелъ «Преблагій Господи».

— Садитесь!—приказалъ Иванъ Архиповичъ и самъ влѣзъ на каѳедру (нѣчто въ родѣ ящика безъ задней стѣнки, поставленнаго на широкую платформу. Сзади ящика помѣщался стулъ для преподавателя, ногъ котораго, такимъ образомъ, классъ не видѣлъ).

Поведеніе Ивана Архиповича показалось Буланину болѣе чѣмъ страннымъ. Прежде всего онъ съ трескомъ развернулъ журналъ, хлопнулъ по нему ладонью и, выпятивъ впередъ нижнюю челюсть, сдѣлалъ на классъ страшные глаза. «Точь-въ-точь,—подумалось Буланину,—какъ великанъ въ сапогахъ-скороходахъ, прежде чѣмъ съѣсть одного за другимъ всѣхъ мальчиковъ». Потомъ онъ широко разставилъ локти на каѳедрѣ, подперъ подбородокъ ладонями и, запустивъ ногти въ ротъ, началъ нараспѣвъ и сквозь зубы:

— Ну-съ, орлы заморскіе... ученички развращенные... Что вы знаете? (Иванъ Архиповичъ неожиданно качнулся впередъ и икнулъ). Ничего вы не знаете. Рррвно ничего. И з-знать ничего не будете. Вы дома, небось, только въ бабки играли, да голубей гоняли по крышамъ? И прекра-а-асно! Чуд-десно! И занимались бы этимъ дѣломъ до сихъ поръ. Да и зачѣмъ вамъ грамотѣ-то знать? Не дворянское дѣло-съ. Учитесь не учитесь, а все равно корову черезъ «ѣ» изображать будете, потому... потому... (Иванъ Архиповичъ опять качнулся, на этотъ разъ сильнѣе прежняго, но опять справился съ собою), потому что ваше призваніе быть вѣчными Ми-тро-фа-ну-шка-ми.

Поговоривъ въ этомъ духѣ минутъ пять, а можетъ быть и болѣе того, Сахаровъ вдругъ закрылъ глаза и потерялъ равновѣсіе. Локти его разскользнулись, голо-

ва безпомощно и грузно упала на раскрытый журналъ, и въ классѣ явственно раздался храпъ. Преподаватель былъ безнадежно пьянъ.

Это случалось съ нимъ почти каждый день. Раза два или три въ мѣсяцъ онъ, правда, являлся трезвымъ, но эти дни считались роковыми въ гимназической *) средѣ: тогда журналъ украшался безчисленными «колами» и нулями. Самъ Сахаровъ бывалъ мраченъ и молчаливъ и за всякое рѣзкое выраженіе высылалъ изъ класса. Въ каждомъ его словѣ, въ каждой гримасѣ его опухшаго и краснаго отъ водки лица чувствовалась глубокая, острая, отчаянная ненависть и къ учительскому дѣлу, и къ тому вертограду, который онъ долженъ былъ насаждать.

Зато воспитанники безнаказанно пользовались тѣми минутами, когда тяжелый сонъ похмелья овладѣвалъ больной головой Ивана Архиповича. Тотчасъ же кто-нибудь изъ «слабенькихъ» посылался «стеречь» у дверей, наиболѣе предпріимчивые забирались на каѳедру, переставляли въ журналѣ баллы и ставили по своему усмотрѣнію новые, вытаскивали изъ кармана преподавателя часы и разсматривали ихъ, мазали ему мѣломъ спину. Впрочемъ, къ чести ихъ надо сказать, едва только сторожъ, заслышавъ издали тяжелые шаги инспектора, пускалъ условное: «Тсс... Толкачъ идетъ!..»—немедленно десятки услужливыхъ, хотя и безцеремонныхъ рукъ принимались тормошить Ивана Архиповича.

Проспавъ довольно долгое время, Сахаровъ вдругъ, точно отъ внезапнаго толчка, поднялъ голову, обвелъ классъ мутными глазами и строго проговорилъ:

— Откройте ваши хрестоматіи на 36-й страницѣ.

---

*) Конечно, въ настоящее время нравы кадетскихъ корпусовъ перемѣнились. Нашъ разсказъ относится къ той переходной эпохѣ, когда военныя гимназіи реформировались въ корпуса.

Всѣ открыли книги съ преувеличеннымъ шумомъ. Сахаровъ указалъ кивкомъ головы на сосѣда Буланина.

— Вотъ вы... господинчикъ... какъ васъ? Да, да, вы самый...—прибавилъ онъ и замоталъ головой, видя, что Кривцовъ нерѣшительно приподнимается, ища вокругъ глазами:—тотъ, что съ желтыми пуговицами и съ бородавочкой... Какъ ваше заглавіе? Что-съ? Ничего не слышу. Да встаньте же, когда съ вами говорятъ. Заглавіе ваше какъ, я спрашиваю?

— Фамилію говори,—шепнулъ сзади Сельскій.

— Кривцовъ.

— Такъ и запишемъ. Что у васъ тамъ изображено на 36-й страницѣ, милостивый мой государь, господинъ Кривцовъ?

— «Чижъ и голубь»,—прочелъ Кривцовъ.

— Возглашайте-съ.

Почти всѣ преподаватели отличались какими-нибудь странностями, къ которымъ Буланинъ не только привыкъ очень быстро, но даже научился ихъ копировать, такъ какъ всегда отличался наблюдательностью и бойкостью. Покамѣстъ въ продолженіе первыхъ дней онъ разбирался въ своихъ впечатлѣніяхъ, два человѣка поневолѣ стали центральными фигурами въ его міровоззрѣніи: Яковъ Яковлевичъ фонъ-Шеппе—иначе Пѣтухъ —и отдѣленный дядька Томашъ Ціотухъ, родомъ литвинъ, котораго воспитанники называли просто Четухой. Четуха служилъ, кажется, чуть ли не съ основанія прежняго кадетскаго корпуса, но на видъ казался еще очень бодрымъ и красивымъ мужчиной, съ веселыми черными глазами и черными кудрявыми волосами. Онъ свободно втаскивалъ каждое утро на 3-й этажъ громадную вязанку дровъ, и въ глазахъ гимназистовъ его сила превосходила всякіе человѣческіе предѣлы. Онъ носилъ, какъ и всѣ дядьки, куртку изъ толстаго сѣраго сукна, сшитую на манеръ рубахи. Буланинъ долгое время ду-

малъ, что эти куртки, отъ которыхъ всегда пахло щами, махоркой и какой-то ѣдкой кислятиной, выдѣлываются изъ конскаго волоса и потому мысленно называлъ ихъ власяницами. Изрѣдка Четуха напивался. Тогда онъ шелъ въ спальню, забирался подъ одну изъ самыхъ дальнихъ кроватей (всѣмъ воспитанникамъ было извѣстно, что онъ страшно боялся своей жены, которая его била) и спалъ тамъ часа три, подложивъ подъ голову полѣно. Впрочемъ, Четуха не былъ лишенъ своеобразнаго добродушія стараго солдата. Стоило послушать, какъ онъ, будя по утрамъ спящихъ воспитанниковъ и дѣлая видъ, будто сдергиваетъ одѣяло, приговаривалъ съ напускной угрозой: «Уставайтя! Уставайтя!.. А то я ваши булки зъимъ!.. Уставайтя!»

Первые дни Яковъ Яковлевичъ и Четуха только и дѣлали, что «пригоняли» новичкамъ одежду. Пригонка оказалась дѣломъ очень простымъ: построили весь младшій возрастъ по росту, дали каждому воспитаннику нумеръ, начиная съ праваго фланга до лѣваго, а потомъ одѣли въ прошлогоднее платье того же нумера. Такимъ образомъ, Буланину достался очень широкій пиджакъ, достигавшій ему чуть ли не до колѣнъ и необыкновенно короткія панталоны.

Въ буднее время, осенью и зимой, гимназисты носили черныя суконныя курточки (онѣ назывались пиджачками), безъ поясовъ, съ синими погонами, 8-ю мѣдными пуговицами въ одинъ рядъ и красными петлицами на воротникахъ. Праздничные мундиры носились съ кожаными лакированными поясами и отличались отъ пиджаковъ золотыми галунами на петлицахъ и рукавахъ. Прослуживъ свой срокъ, мундиръ передѣлывался на пиджакъ, и въ такомъ видѣ служилъ уже до истлѣнія. Шинели съ нѣсколько укороченными полами выдавались гимназистамъ для ежедневнаго употребленія подъ именемъ тужурокъ, или «дежурокъ», какъ ихъ называлъ

7185-9-1
Центр писателя В.И. Белова

Четуха. Въ общемъ, въ обыкновенное время младшіе воспитанники имѣли видъ чрезвычайно растерзанный и грязный, и нельзя сказать, чтобы начальство принимало противъ этого рѣшительныя мѣры. Зимою почти у всѣхъ «малышей» образовались на рукахъ «цыпки», т.-е. кожа на наружной сторонѣ кисти шершавѣла, лупилась и давала трещины, которыя въ скоромъ времени сливались въ одну общую грязную рану. Чесотка тоже была явленіемъ не рѣдкимъ. Противъ этихъ болѣзней, какъ противъ всѣхъ остальныхъ, принималось одно универсальное средство—касторовое масло.

III.

Суббота. — Волшебный фонарь. — Бринкенъ торгуется. — Мѣна. — Покупка.—Козелъ.—Дальнѣйшая исторія фонаря.—Отпускъ.

Съ поступленія Буланина въ гимназію прошло уже шесть дней. Настала суббота. Этого дня Буланинъ дожидался съ нетерпѣніемъ, потому что по субботамъ, послѣ уроковъ, воспитанники отпускались домой до 8½ ч. вечера воскресенья. Показаться дома въ мундирѣ съ золотыми галунами и въ кепи, надѣтомъ набекрень, отдавать на улицѣ честь офицерамъ и видѣть, какъ они въ отвѣтъ, точно знакомому, будутъ прикладывать руку къ козырьку, вызвать удивленно-почтительные взгляды сестеръ и младшаго брата—всѣ эти удовольствія казались такими заманчивыми, что предвкушеніе ихъ даже нѣсколько стушевывало, оттирало на задній планъ предстоящее свиданіе съ матерью.

«А вдругъ мама не пріѣдетъ за мной?—безпокойно, въ сотый разъ, спрашивалъ самъ себя Буланинъ.—Можетъ быть, она не знаетъ, что насъ распускаютъ по субботамъ? Или вдругъ ей помѣшаетъ что-нибудь? Пусть ужъ тогда бы прислала горничную Глашу. Оно, правда,

неловко какъ-то воспитаннику военной гимназіи ѣхать по улицѣ съ горничной, ну, да что ужъ дѣлать, если безъ провожатаго нельзя...»

Первый урокъ въ субботу былъ Законъ Божій, но батюшка еще не приходилъ.

Въ классѣ стоялъ густой, протяжный, неумолкающій гулъ, напоминавшій жужжаніе пчелинаго роя. Тридцать молодыхъ глотокъ одновременно пѣло, смѣялось, читало вслухъ, разговаривало...

Вдругъ, покрывая всѣ голоса, въ дверяхъ раздался сиплый окрикъ:

— Эй, малыши! Продаю волшебный фонарь! Совсѣмъ новый! Кто хочетъ купить? А? Продается по случаю очень дешево! Зам-мѣчательная парижская вещь!

Это предложеніе сдѣлалъ Грузовъ, вошедшій въ классъ съ небольшимъ ящичкомъ въ рукахъ. Всѣ сразу затихли и повернули къ нему головы. Грузовъ вертѣлъ ящикъ передъ глазами сидѣвшихъ въ первомъ ряду и продолжалъ кричать тономъ аукціониста:

— Ну, кто же хочетъ, ребята? По случаю, по случаю... Ей-Богу, если бы не нужны были деньги, не продалъ бы. А то весь табакъ вышелъ, не на что купить новаго. Волшебный фонарь съ лампочкой и съ двѣнадцатью зам-мѣчательными картинками... Новый стоилъ восемь рублей... Ну? Кто же покупаетъ, братцы?

Долговязый Бринкенъ поднялся съ своего мѣста и потянулся къ фонарю.

— Покажи-ка...

— Чего покажи? Смотри изъ рукъ.

— Ну, хоть изъ рукъ... а то въ ящикѣ-то не видно... Можетъ быть, что-нибудь сломано...

Грузовъ снялъ крышку. Бринкенъ сталъ осматривать фонарь настолько внимательно, насколько это ему позволяли руки Грузова, крѣпко державшія ящикъ.

— Трубка-то... треснула,—замѣтилъ нѣмецъ дѣловитымъ тономъ.

— Треснула, треснула! Много ты понимаешь, нѣмецъ, перецъ, колбаса, купилъ лошадь безъ хвоста. Просто распаялась чуть-чуть по шву. Отдай слесарю—за пятачокъ поправитъ.

Бринкенъ заботливо постучалъ грязнымъ ногтемъ по жестяной стѣнкѣ фонаря и спросилъ:

— А сколько?

— Три.

— Рубля?

— А ты, можетъ быть, думалъ—копейки? Ишь, ловкій, колбасникъ!

— Н-нѣтъ, я не думалъ... я такъ просто... Больно дорого. Давай лучше мѣняться. Хочешь?

Мѣна, вообще, была актомъ весьма распространеннымъ въ гимназической средѣ, особенно въ младшихъ классахъ.

Мѣнялись вещами, книжками, гостинцами, при чемъ относительная стоимость предметовъ мѣны опредѣлялась полюбовно обѣими сторонами. Нерѣдко мѣновыми единицами служили металлическія пуговицы, но не простыя, гимназическія, а тяжелыя, накладныя — буховскія, 1 и 2 сорта, при чемъ пуговицы съ орлами цѣнились вдвое, или стальныя перышки (и тѣ и другія употреблялись для игры). Также мѣняли вещи—кромѣ казенныхъ—на булки, на котлеты и на третье блюдо обѣда. Между прочимъ, мѣна требовала соблюденія нѣкоторыхъ обрядностей. Нужно было, чтобы договаривающіяся стороны непремѣнно взялись за руки, а третье, спеціально для этого приглашенное, лицо разнимало ихъ, произнося обычную фразу, освященную многими десятилѣтіями:

Чуръ, мѣна—
Безъ размѣна,

Чуръ, съ разъемщика не брать,
А разъемщику давать.

Своеобразный опытъ показывалъ, что присутствіе при мѣнѣ однихъ простыхъ свидѣтелей иногда оказывалось недостаточнымъ, если при ней не было разъемщика. Недобросовѣстный всегда могъ отговориться:

— А насъ разнималъ кто-нибудь?

— Нѣтъ, но были свидѣтели,—возражалъ другой мѣнявшійся.

— Свидѣтели не считаются,—отрѣзывалъ первый, и его доводъ совершенно исчерпывалъ вопросъ—дальше ужъ слѣдовала рукопашная схватка.

— Ну, что жъ? Будешь мѣняться? — приставалъ Бринкенъ.

Пальцы Грузова сложились въ символическій знакъ и приблизились вплоть къ длинному носу остзейца.

— На-ко-сь, выкуси.

— Я тебѣ дамъ банку килекъ и перочинный ножичекъ,—торговался Бринкенъ, отворачивая въ то же время голову отъ грузовскаго кукиша и отводя его отъ себя рукой.

— Проваливай!

— И три десятка пуговицъ. Всѣ накладныя и изъ нихъ четырнадцать гербовыхъ.

— А ну тебя къ чорту, перецъ. Отвяжись.

— И шесть булокъ.

— Пошелъ къ чорту...

— Утреннихъ булокъ. Вѣдь не вечернихъ, а утреннихъ.

— Полѣзь еще, пока я тебѣ въ морду не далъ!— вдругъ свирѣпо обернулся къ нему Грузовъ.—Брысь, колбасникъ!.. Ну, молодежь, кто покупаетъ? За два съ полтиной отдаю, такъ и быть...

Новички молчали, но по ихъ горящимъ глазамъ вид-

но было, какимъ высокимъ счастьемъ казалось имъ обладаніе рѣдкой игрушкой.

— Ну, послѣднее слово, ребята—два цѣлковыхъ!—крикнулъ Грузовъ, подымая высоко надъ головой футляръ и вертя имъ.—Самому дороже... Ну—разъ! два!

Въ это время его глаза встрѣтились съ напряженнымъ взглядомъ Буланина.

— А-а! Буланка!—кивнулъ ему головой Грузовъ.—Покупай фонарь, Буланушка.

Булановъ смутился.

— Я бы съ радостью... только...

— Что только? Денегъ нѣтъ? Да я сейчасъ и не требую. Въ отпускъ пойдешь?

— Да.

— Вотъ и возьми у родныхъ. Эки деньги—два рубля! Небось, два-то рубля тебѣ дадутъ? А? Дадутъ два рубля, Буланка?

Буланинъ и самъ не могъ бы сказать: дадутъ ему дома два рубля или нѣтъ. Но соблазнъ пріобрѣсти фонарь былъ такъ великъ, что ему показалось, будто достать два рубля самое пустое дѣло. «Ну, у сестеръ добуду, что ли, если мама не дастъ... Вывернусь какъ-нибудь»,—успокаивалъ онъ послѣднія сомнѣнія.

— Дома дадутъ. Дома мнѣ непремѣнно дадутъ, только...

— Ну, вотъ и покупай, и прекрасно,—сунулъ ему Грузовъ въ руки ящикъ.—Твой фонарь,—владѣй, Ѳаддей, моей Маланьей! Дешево отдаю, да ужъ очень ты мнѣ, Буланка, понравился. А вы, братцы,—обратился онъ къ новичкамъ:—вы, братцы, смотрите, будьте свидѣтелями, что Буланка мнѣ долженъ два рубля. Ну, чуръ, мѣна безъ размѣна... Слышите? Ты, гляди, не вздумай надуть,—нагнулся онъ внушительно къ Буланину.—Отдашь деньги-то?

— Ну, вотъ. Конечно, отдамъ.

— Забожись.

— Вотъ, ей-Богу, отдамъ, честное слово...

— Ладно... А то у насъ знаешь, какъ!..

И, поднеся къ лицу Буланина кулакъ, Грузовъ повернулся на каблукахъ и выплылъ изъ отдѣленія своей шатающейся походкой.

Новаго хозяина фонаря тотчасъ же окружили товарищи. Со всѣхъ сторонъ потянулись жадныя руки.

— А ну-ка, покажи фонарь, Буланка. Чего же ты его прячешь? Буланушка, дай посмотрѣть.

Фонарь сталъ переходить изъ рукъ въ руки, вызывая то завистливыя, то дѣловыя, то восторженныя, то критическія замѣчанія. Въ общемъ, однако, игрушка большинству очень понравилась: она обѣщала въ будущемъ всему отдѣленію много забавныхъ минутъ. Но самъ Буланинъ, слѣдившій ревнивыми глазами за фонаремъ, находившемся въ чужихъ рукахъ, въ то же время не ощущалъ въ себѣ ожидаемой радости,—въ рукахъ Грузова, издали, фонарь казался гораздо заманчивѣе и красивѣе.

— Ты смотри, Буланка, — посовѣтовалъ Сельскій, разглядывая на свѣтъ картинку, нарисованную на стеклянной пластинкѣ:—смотри, деньги-то непремѣнно принеси.

— Конечно, конечно, принесу.

— Смотри же... а то...

— А то что?—спросилъ шопотомъ Буланинъ, и его сердце сжалось отъ неяснаго предчувствія.

— Бить будетъ,—сказалъ Сельскій также шопотомъ.—Ты его не знаешь... Онъ отчаянный. Если не надѣешься достать денегъ, лучше ужъ поди къ нему въ перемѣнку и отдай назадъ фонарь.

— Нѣтъ, нѣтъ... зачѣмъ же? Я отдамъ... Что жъ...— залепеталъ Буланинъ упавшимъ голосомъ.

Послѣ словъ Сельскаго онъ сразу и окончательно охладѣлъ къ своей покупкѣ.

«И зачѣмъ мнѣ было покупать этотъ фонарь?—думалъ онъ съ безполезной досадой.—Ну, пересмотрю я всѣ картинки, а дальше что же? Во второй разъ даже и не интересно будетъ. Да и дастъ ли мама два рубля? Два рубля! Цѣлыхъ два рубля! А вдругъ она разсердится, да и скажетъ: знать ничего не знаю, раздѣлывайся самъ, какъ хочешь. Эхъ, дернуло же меня сунуться!»

Пришелъ батюшка. Въ обоихъ отдѣленіяхъ перваго класса училъ не свой, гимназическій, священникъ, а изъ посторонней церкви, по фамиліи Пещерскій. А настоятелемъ гимназической церкви былъ о. Михаилъ, маленькій, сѣденькій, голубоглазый старичокъ, похожій на Николая Угодника, человѣкъ отмѣнной доброты и душевной нѣжности, заступникъ и ходатай передъ директоромъ за провинившихся—почти единственное лицо, о которомъ Буланинъ вынесъ изъ стѣнъ корпуса свѣтлое воспоминаніе.

Пещерскій собственно даже и не былъ священникомъ, а только дьякономъ, но его все равно величали «батюшкой». Это былъ гигантъ, весь ушедшій въ гриву черныхъ волосъ и въ густую, огромную бородищу, при чемъ капризная судьба, точно насмѣхъ, дала ему, вмѣсто крѣпкаго баса, тоненькій, гнусавый и дребезжащій дискантъ. Вокругъ его темныхъ глазъ—большихъ, красивыхъ, влажныхъ и безсмысленныхъ—всегда лежали маслянистые коричневые круги, что придавало его лицу подозрительный оттѣнокъ не то елейности, не то разврата. Про силу Пещерскаго въ гимназіи ходило множество легендъ. Говорили, что очень часто массивные дубовые стулья не выдерживали тяжести его огромнаго тѣла и ломались подъ нимъ. Разсказывали также, что въ старшихъ классахъ, говоря

о различныхъ дарахъ, ниспосылаемыхъ небомъ человѣку, онъ прибавлялъ: «Внимайте, юноши, съ усердіемъ слову Божію, и вы будете такъ же щедро взысканы, какъ и я». И будто бы при этихъ словахъ Пещерскій вытаскивалъ изъ кармана мѣдный пятакъ и тутъ же, на глазахъ изумленной аудиторіи, свертывалъ его въ трубочку.

По чѣмъ ужъ дѣйствительно его Господь не взыскалъ, такъ это краснорѣчіемъ. Объяснялъ онъ свой предметъ медленно, тягуче, скучно, съ безконечными «гм...» и «эге...», съ повтореніями одного и того же слова. Подъ его монотонное пиликанье невольно слипались глаза, и голова сама собой опускалась на грудь, особенно, если урокъ происходилъ послѣ завтрака. Воспитанники его не любили, несмотря даже на его легендарную силу, которая въ гимназіи цѣнилась выше всѣхъ даровъ, ниспосылаемыхъ небомъ человѣку. Въ немъ чувствовался лицемѣръ. Онъ ставилъ хорошія отмѣтки, но часто жаловался на воспитанниковъ инспектору. Кромѣ того, онъ «за всякую малость» записывалъ провинившихся въ классный журналъ, что исполнялъ каллиграфическимъ почеркомъ, очень многословно и витіевато. Однажды онъ записалъ Буланина за «кощунство, свиноподобіе и строптивость». Свиноподобіе заключалось въ невычищенныхъ сапогахъ, строптивость—въ незнаніи урока, а кощунство—въ томъ, что кто-то изъ отдѣленія назвалъ Пещерскаго «Козломъ»,—кто именно, осталось неизвѣстнымъ.

На этотъ разъ урокъ казался Буланину особенно длиннымъ. Только что пріобрѣтенный фонарь не давалъ ему покоя:

«А что будетъ, если мама не дастъ двухъ рублей? Тогда уже, навѣрное, одними маслянками не отдѣлаешься,—размышлялъ Буланинъ.—Да, наконецъ, какъ я рѣшусь сказать ей о своей покупкѣ? Конечно, она

огорчится. Она и безъ того часто говоритъ, что средства у насъ уменьшаются, что имѣніе ничего не приноситъ, что одной пенсіи не хватаетъ на такую большую семью, что надо беречь каждую копейку, и т. д. Нѣтъ, ужъ лучше послушаться совѣта Сельскаго и отвязаться отъ этого проклятаго фонаря».

Но вдругъ, точно искра, блеснуло въ головѣ Буланина тревожное опасеніе, и даже сердце у него заёкало отъ испуга... А что если его испортили, передавая изъ рукъ въ руки? Вдругъ растащили картинки или погнули что-нибудь? Тогда Грузовъ обратно ни за что уже не приметъ...

Онъ поспѣшно, дрожащими руками, поднялъ крышку своего столика и, поддерживая ее головой, сталъ осматривать фонарь.

Нѣтъ, все въ порядкѣ... Трубка немного расходится по спаю, но это такъ и было... всѣ слышали, на все отдѣленіе можно сослаться... И картинки всѣ въ цѣлости—двѣнадцать штукъ... Вотъ еще лампочку надо осмотрѣть.

— Что это вы тамъ у себя въ столикѣ дѣлаете?— вдругъ услышалъ Буланинъ тоненькій голосъ Пещерскаго.

Онъ вздрогнулъ и быстро опустилъ крышку. Козелъ медленно подходилъ къ нему съ самымъ ласковымъ выраженіемъ лица, то собирая въ кулакъ свою густую бороду, то распуская ее вѣеромъ.

— Я... я... ничего... Я ничего не дѣлаю.... право, ничего,—залепеталъ Буланинъ.

— Что у васъ тамъ?.. Покажите,—сказалъ Козелъ, дѣлая внезапно строгіе и мутные глаза и кивкомъ головы указывая на парту.

— Право же, ничего, батюшка! Ей-Богу, ничего... Я просто... я книжку искалъ.

Бормоча эти несвязныя слова, Буланинъ крѣпко дер-

жался за края крышки, но Козелъ съ настойчивымъ, хотя и мягкимъ, усиліемъ потянулъ ее вверхъ и вытащилъ волшебный фонарь.

— Такъ это вы говорите—ничего? А еще божитесь! Божиться вообще нехорошо, а для прикрытія лжи и подавно... Я вамъ здѣсь слово Божіе объясняю, а вы въ игрушечки играетесь. Нехорошо. Очень нехорошо... Очень, очень нехорошо.

— Батюшка, позвольте... отдайте... Батюшка, я никогда не буду больше... Отдайте, пожалуйста,—взмолился Булапинъ.

— Сынъ мой,—произнесъ Козелъ, дѣлая вдругъ свой голосъ необыкновенно нѣжнымъ, и его влажные глаза опять стали кроткими:—сынъ мой, я съ удовольствіемъ отдалъ бы вамъ вашу... вашу штучку... она мнѣ ни на что не нужна, но...—на этомъ «но» Козелъ повысилъ голосъ и прижалъ ладони къ груди:—но, подумайте сами, имѣю ли я право это сдѣлать? Могу ли я скрывать ваши дурные поступки отъ лицъ, коимъ непосредственно ввѣрено ваше воспитаніе? Нѣтъ!—Онъ широкимъ жестомъ развелъ руки и съ негодованіемъ затрясъ бородой.—Я не могу принять этого на свою совѣсть, положительно не могу... нѣтъ, нѣтъ, и не просите... не могу-съ...

Въ залѣ рѣзко и весело прозвучала труба, играющая отбой *). Воспитанники высыпали изъ всѣхъ четырехъ отдѣленій шумной, безпорядочной гурьбой. Въ теченіе десяти минутъ «перемѣнки», полагавшейся между двумя уроками, надо было успѣть и напиться, и покурить, и сыграть цѣлую партію въ пуговки, и подзубрить урокъ. Густая толпа обступила большую мѣдную, съ тремя кранами, вазу, наполненную водой. Около этой

*) Передъ каждымъ урокомъ горнистъ или барабанщикъ играетъ сборъ, а послѣ урока—отбой.

вазы всегда была привязана на цѣпи тяжелая оловянная кружка, но ею обыкновенно никто не пользовался. Каждый нагибался къ одному изъ крановъ, бралъ его въ ротъ, и, напившись такимъ образомъ, уступалъ свое мѣсто слѣдующему. Второклассники, наполнивъ «капернаумъ» и разбившись тамъ на кучки, курили подъ прикрытіемъ сторожа, поставленнаго у дверей.

Буланинъ не выходилъ изъ отдѣленія. Онъ стоялъ у окна, задѣланнаго рѣшеткой, и разсѣянно, съ стѣсненнымъ сердцемъ глядѣлъ на огромное военное поле, едва покрытое скудной желтой травой, и на дальнюю рощу, виднѣвшуюся неясной полосой сквозь сѣрую пелену августовскаго дождя. Вдругъ кто-то закричалъ въ дверяхъ:

— Буланинъ! Здѣсь нѣтъ Буланина?

— Здѣсь. Что нужно?—обернулся тотъ.

— Ступай скорѣе въ дежурную. Пѣтухъ зоветъ.

— Батюшка нажаловался?

— Не знаю. Должно быть. Они между собой что-то разговариваютъ. Иди скорѣе!

Когда Буланинъ явился въ дежурную, то Пѣтухъ и Козелъ одновременно встрѣтили его, покачивая головами: Пѣтухъ кивалъ головой сверху внизъ и довольно быстро, что придавало его жестамъ укоризненный и недовольный оттѣнокъ, а Козелъ покачивалъ слѣва направо и очень медленно, съ выраженіемъ грустнаго сожалѣнія. Эта мимическая сцена продолжалась минуты двѣ или три. Буланинъ стоялъ, переводя глаза съ одного на другого.

— Стыдно-съ... совѣстно... Мнѣ за васъ совѣстно,— заговорилъ, наконецъ, Пѣтухъ.—Такъ-то вы начинаете ученіе? На урокѣ Закона Божія вы... какъ бы сказать... развлекаетесь... игрушечками занимаетесь. Вмѣсто того, чтобы ловить каждое слово и... какъ бы сказать... запечатлѣвать его въ умѣ, вы предаетесь пагубнымъ заба-

вамъ... Что же будетъ съ вами дальше, если вы уже теперь... э... какъ бы сказать... такъ небрежно относитесь къ вашимъ обязанностямъ?

— Нехорошо. Очень нехорошо,—подтвердилъ Козелъ, упирая на «о».

«Не пуститъ въ отпускъ»,—рѣшилъ въ умѣ Буланинъ, и Пѣтухъ, какъ бы угадывая его мысль, продолжалъ:

— Собственно говоря, я васъ долженъ безъ отпуска оставить...

— Господи-инъ капитанъ!—жалобно протянулъ Буланинъ.

— То-то вотъ—господинъ капитанъ. На первый разъ я ужъ, такъ и быть, не стану лишать васъ отпуска... Но если еще разъ что-либо подобное—помните, въ журналъ запишу-съ, взысканіе наложу-съ, подъ арестъ посажу-съ... Ступайте!..

— Господи-инъ капитанъ, позвольте мой фонарь.

— Нѣтъ-съ. Фонаря вы болѣе не получите. Сейчасъ же я прикажу дядькѣ его сломать и бросить въ помойную яму. Идите.

— Я-къ Як-личъ, пожалуйста...—просилъ Буланинъ со слезами въ голосѣ.

— Нѣтъ-съ и нѣтъ-съ. Идите. Или вы желаете (тутъ Пѣтухъ сдѣлалъ голосъ строже), чтобы и дѣйствительно... какъ бы сказать... оставилъ васъ на праздникъ въ гимназіи? Ступайте-съ.

Буланинъ ушелъ. Справедливость требуетъ сказать, что Пѣтухъ не сдержалъ своего слова относительно фонаря. Четыре года спустя Буланину по какому-то дѣлу пришлось зайти на квартиру Якова Яковлевича. Тамъ, въ углу гостиной, была свалена цѣлая горка игрушекъ, принадлежащихъ маленькому Карлушѣ—единственному чаду Пѣтуха,—и среди нихъ Буланинъ безъ труда узналъ свой злополучный фонарь. Онъ содержался въ

образцовомъ порядкѣ и, повидимому, могъ разсчитывать на почтенную долговѣчность въ бережливомъ нѣмецкомъ семействѣ. Но сколько горькихъ, ужасныхъ впечатлѣній вызвалъ тогда въ отроческой памяти Буланина видъ этого невиннаго предмета!..

Шестой урокъ на этотъ день былъ настоящей пыткой для новичковъ. Они совершенно не могли усидѣть на мѣстѣ, поминутно вертѣлись и то и дѣло съ страстнымъ ожиданіемъ оглядывались на дверь. Глаза взволнованно блестѣли, пальцы одной руки нервно мяли пальцы другой, ноги подъ столомъ выбивали нетерпѣливую дробь. Со всѣхъ сторонъ вопрошающія лица обращались къ лопоухому Страхову, сидѣвшему на задней скамейкѣ (у него одного во всемъ отдѣленіи были часы, вообще запрещенные въ гимназіи), и Страховъ, подымая вверхъ растопыренныя пятерни и махая ими, показывалъ, сколько еще минутъ осталось до трехъ часовъ.

Общее волненіе до такой степени сообщилось Буланину, что онъ даже позабылъ о несчастномъ фонарѣ и о связанныхъ съ нимъ грядущихъ непріятностяхъ. Онъ такъ же, какъ и другіе, суетливо болталъ ногами, тискалъ ладонями лицо и судорожно ерошилъ на головѣ волосы, чувствуя, какъ у него въ груди замираетъ что-то такое сладкое и немного жуткое, отъ чего хочется потянуться или запѣть во все горло.

Но вотъ раздаются звуки отбоя, и всѣ вскакиваютъ съ мѣстъ, точно подброшенные электрическимъ токомъ. Какъ бы ни былъ строгъ и педантиченъ преподаватель, какъ бы ни былъ важенъ объясняемый имъ урокъ, у него не хватитъ духу испытывать въ эту минуту выдержку учениковъ.—«Благодаримъ Тебе, Создателю»,—читаетъ на ходу, съ трудомъ пробираясь между скамейками, Сельскій, но никому даже и въ голову не придетъ перекреститься... Съ хлопаньемъ открываются и закрываются пюпитры, увязываются веревками книги и тетра-

ди, которыя нужно взять съ собою, а ненужныя какъ попало швыряются и втискиваются въ ящикъ.

Молитва кончена. Двадцать человѣкъ летятъ, сломя голову, къ дверямъ, едва не сбивая съ ногъ преподавателя, который съ снисходительной, но нѣсколько боязливой улыбкой жмется къ стѣнѣ. Изъ всѣхъ четырехъ отдѣленій одновременно вырываются эти живые, неудержимые потоки, сливаются, перемѣшиваются, и сотня мальчишекъ мчится, какъ стадо молодыхъ, здоровыхъ животныхъ, выпущенныхъ изъ тѣсныхъ клѣтокъ на волю...

Прибѣжать въ спальню, надѣть мундиръ, шинель и кепи, разложенные Четухою заранѣе по кроватямъ отпускныхъ,—дѣло одной минуты. Теперь остается пойти въ «дежурную», гдѣ уже сидятъ всѣ четыре воспитателя, и «явиться» Пѣтуху.

— Господинъ капитанъ, честь имѣю...

— А почему у васъ пуговицы не почищены?

Ахъ, эти проклятыя пуговицы! Опять нужно бѣжать въ спальню, оттуда въ умывалку. Тамъ на доскѣ всегда лежатъ два большихъ красныхъ кирпича.

Буланинъ быстро и крѣпко третъ ихъ одинъ о другой, потомъ обмакиваетъ мякоть ладони въ порошокъ и такъ торопливо чиститъ пуговицы, что обжигаетъ на рукѣ кожу. Больной палецъ дѣлается чернымъ отъ мѣди и кирпича, но мыться некогда, можно и послѣ успѣть...

— Господинъ капитанъ, честь имѣю явиться... Воспитанникъ I класса, II отдѣленія, Бу...

— А-а! Почистились? Хорошо-съ. А за вами пришли или прислали кого-нибудь?

О, Господи, опять ожиданія—вотъ мука!

Въ чайную залу, примыкающую къ дежурной, то и дѣло выходятъ снизу изъ пріемной дядьки и громогласно вызываютъ воспитанниковъ:

— Свергинъ, Егоровъ, пожалуйте, за вами пріѣхали; Бахтинскій—въ пріемную!

«Неужели обо мнѣ забыли дома?—шепчетъ въ тревогѣ Буланинъ, но тотчасъ же пугается своей мысли.—Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ: мама знаетъ, мама сама соскучилась... Ну, вотъ, идетъ снова дядька... Теперь ужъ навѣрно меня».

Сердце Буланина отъ ожиданія бьется въ груди до боли.

— За Лампарёвымъ пріѣхали,—возвѣщаетъ дядька равнодушнымъ голосомъ, и это равнодушіе кажется Буланину оскорбительнымъ, почти умышленнымъ.

«Это онъ нарочно такъ... видитъ, вѣдь, какъ мнѣ непріятно, и нарочно дѣлаетъ».

Наконецъ нервное напряженіе начинаетъ ослабѣвать. Его замѣняютъ усталость и скука. Въ шинели становится жарко, воротникъ давитъ шею, крючки рѣжутъ горло... Хочется сѣсть и сидѣть, не поворачивая головы, точно на вокзалѣ.

«Все кончено, все кончено,—съ горечью думаетъ Буланинъ:—я самый несчастный мальчикъ въ мірѣ, всѣми забытый и никому ненужный...»

Досадныя слезы просятся на глаза. Дядька выкликиваетъ все новыя и новыя фамиліи, но появленіе его уже не вызываетъ нетерпѣливаго подъема всѣхъ чувствъ: Буланинъ смотритъ на него мутными, неподвижными и злобными глазами.

И вотъ,—какъ это всегда бываетъ, если ждешь чего-нибудь особенно страстно,—въ ту самую минуту, когда Буланинъ уже собирается итти въ спальню, чтобы снять отпускную форму, когда въ его душѣ подымается тяжелая, удручающая злость противъ всего міра: противъ Пѣтуха, противъ Грузова, противъ батюшки, даже противъ матери—въ эту самую минуту дядька, отъ котораго Буланинъ нарочно отворачивается, кричитъ на всю залу:

— За Буланинымъ пріѣхали! Просятъ поскорѣе одѣваться!

И ужъ на этотъ разъ голосъ дядьки кажется Буланину не умышленно-равнодушнымъ, а веселымъ, сочувственнымъ, даже радостнымъ.

IV.

Тріумфъ Буланина.—Герои гимназіи.—Пари.—Мальчишка-сапожникъ.—Честь.—Опять герои.—Фотографія.—Уныніе.—Нѣсколько нѣжныхъ сценъ.—На шарапъ!—Куча мала!—Возмездіе.—Попрошайки.

Отпускъ былъ великолѣпенъ. Кепи, надѣтое набекрень, и черная военная шинель въ накидку привлекали на улицѣ всеобщее вниманіе. Всѣ, положительно всѣ: и тѣ, что ѣхали на извозчикахъ, и пѣшеходы, и пассажиры конокъ—съ почтительнымъ любопытствомъ и радостнымъ изумленіемъ глядѣли на Буланина (во всякомъ случаѣ ему такъ казалось). Въ ихъ взглядахъ онъ каждый разъ читалъ безмолвное восклицаніе: «Посмотрите, посмотрите—военный гимназистъ!.. Удивительно—такой молодой и уже носитъ военный мундиръ. Вѣдь у нихъ, говорятъ, ужасная строгость, и даже учатъ маршировать съ настоящими ружьями».

Дома, передъ младшей сестрой, а въ особенности передъ восьмилѣтнимъ Васенькой, Буланинъ старательно выдерживалъ внѣшнее достоинство и нѣсколько суровый тонъ молодчинищи-старичка.

Когда Васенька, прельщенный видомъ золотыхъ галуновъ, хотѣлъ ихъ потрогать немного пальцемъ, старшій братъ замѣтилъ ему недовольнымъ басомъ:

— Отстань! Чего лѣзешь? Испортишь мундиръ, а мнѣ послѣ достанется. «Кантенармусъ» новаго ни за что не выдастъ.

Эти новыя техническія слова, въ родѣ какъ «каптенармусъ», «ранжиръ», «правый флангъ», «горнистъ» и т. п., онъ особенно часто, иной разъ безъ всякаго повода, но съ очень небрежнымъ видомъ вставлялъ въ свой разговоръ, чѣмъ Зина и Васенька были окончательно подавлены. Онъ разсказалъ имъ также и про Грузова, и про его изумительную силу (вѣдь вечеръ воскресенья былъ еще такъ далеко!), и понятно, что въ довѣрчивыхъ, порабощенныхъ умахъ слушателей фигура Грузова приняла размѣры какого-то миѳическаго чудовища, чего-то въ родѣ Соловья-разбойника, съ «такими вотъ»— чуть ли не съ человѣческую голову величиной—кулаками.

— Это что еще!—продолжалъ Буланинъ удивлять свою маленькую аудиторію, и безъ того вытаращившую глазенки и разинувшую рты.—Это еще что-о! А вотъ у насъ есть воспитанникъ Солянка,—его, собственно, фамилія Красногорскій, но у насъ его прозвали Солянкой—такъ онъ однажды на пари съѣлъ десять булокъ. Понимаете ли, *малыши:* десять французскихъ булокъ! И ничѣмъ не запивалъ! А?

— Десять булокъ!—повторили шопотомъ малыши и переглянулись почти въ ужасѣ.

— Да, и выигралъ пари. А другой—Трофимовъ—поспорилъ на двадцать завтраковъ, что онъ три недѣли ничего не будетъ ѣсть... И не ѣлъ... Ни одного кусочка не ѣлъ.

Буланинъ, въ сущности, только лишь слегка преувеличивалъ цифры въ своихъ поразительныхъ разсказахъ. Подобныя пари были въ гимназической жизни явленіемъ обычнымъ и предпринимались исключительно изъ молодечества. Одинъ спорилъ, что онъ въ теченіе двухъ дней напишетъ всѣ числа отъ 1 до 1.000.000, другой брался выкурить, подъ рядъ и непремѣнно затягиваясь всей грудью, пятнадцать папиросъ, третій ѣлъ сырую

рыбу или улитокъ и пилъ чернила, четвертый хвасталъ, что продержитъ руку надъ лампой, пока досчитаютъ до тридцати... Порождались эти пари мертвящей скукой будничныхъ дней, отсутствіемъ книгъ и развлеченій, а также полнѣйшимъ равнодушіемъ воспитателей къ тому, чѣмъ заняты ввѣренные ихъ надзору молодые умы. Спорили обыкновенно на десятки, иногда даже на сотни утреннихъ и вечернихъ булокъ, на котлеты, на третье блюдо, рѣже на гостинцы и деньги. За исходомъ такого пари весь возрастъ слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ и не позволялъ мошенничать.

Мать Буланина была въ полномъ упоеніи,—въ томъ святомъ и эгоистическомъ упоеніи, которое овладѣваетъ всякой матерью, когда она впервые видитъ своего сына въ какой бы то ни было формѣ, и къ которому примѣшивается доля горделиваго и недовѣрчиваго удивленія.—«Какъ? Это *мой* сынъ?—говоритъ каждый ихъ краснорѣчивый взглядъ:—это-то и есть то самое странное существо, что когда-то жадно сосало мою грудь и прыгало босыми ножонками на моихъ колѣняхъ? И неужели именно *его* я вижу теперь одѣтымъ въ форму, почти членомъ общества, почти мужчиной?»

— Ахъ, ты, мой кадетъ! Ахъ, ты, кадетикъ мой милый!—поминутно говорила Аглая Ѳедоровна, крѣпко прижимая голову сына къ своей груди.

При этомъ она даже закрывала глаза и стискивала зубы, охваченная той самой внезапной, порывистой страстью, которая неудержимо заставляетъ молодыхъ матерей такъ ожесточенно цѣловать, тискать, душить, почти кусать своихъ новорожденныхъ ребятъ.

А Буланинъ сурово моталъ головой и отпихивался.

Въ воскресенье, утромъ, она повезла его въ институтъ, гдѣ учились ея старшія дочери, потомъ къ теткамъ на Дворянскую улицу, потомъ къ своей пансіонной подругѣ, m-me Гирчичъ. Буланина называли «его прево-

сходительствомъ», «воиномъ», «героемъ» и «будущимъ Скобелевымъ». Онъ же краснѣлъ отъ удовольствія и стыда и съ грубой поспѣшностью вырывался изъ родственныхъ объятій.

Точно такъ же, какъ и вчера, всѣ, кого только Буланинъ ни встрѣчалъ на улицахъ, были пріятно поражены видомъ новоиспеченнаго гимназиста. Буланинъ ни на секунду не усомнился въ томъ, что весь міръ занятъ теперь исключительно ликованіемъ по поводу его поступленія въ гимназію. И только однажды это тріумфаторское шествіе было нѣсколько смущено, когда на поворотѣ въ какую-то улицу, изъ воротъ большого дома выскочилъ перепачканный сажей мальчишка-сапожникъ, съ колодками подъ мышкой и, промчавшись стрѣлой между Буланинымъ и его матерью, заоралъ на всю улицу:

— Кадетъ, кадетъ, на палочку надѣтъ!..

Погнаться за нимъ было невозможно—гимназисту на улицѣ приличествуетъ «солидность» и серьезныя манеры—иначе дерзкій, безъ сомнѣнія, получилъ бы жестокое возмездіе. Впрочемъ, самолюбіе Буланина тотчасъ же получило пріятное удовлетвореніе, потому что мимо проѣзжалъ генералъ. Этого случая Буланинъ жаждалъ всей душою: ему еще ни разу до сихъ поръ не довелось стать во фрунтъ.

Онъ съ истиннымъ наслажденіемъ занимался отдаваніемъ чести. Не за четыре законныхъ, а по крайней мѣрѣ за пятнадцать шаговъ, онъ прикладывалъ руку къ козырьку, высоко задирая кверху локоть, и таращилъ на офицера сіяющіе глаза, въ которыхъ ясно можно было прочесть испугъ, радость и нетерпѣливое ожиданіе. Каждый разъ, продѣлавъ эту церемонію и получивъ въ отвѣтъ отъ улыбающагося офицера масонскій знакъ, Буланинъ слегка лишь косился на мать, а самъ принималъ такой дѣловой, озабоченный, даже, какъ будто бы

усталый видъ, точно онъ только что окончилъ весьма трудную и сложную, хотя и привычную обязанность, непонятную для постороннихъ, но требующую отъ исполнителя особенныхъ глубокихъ знаній. И такъ какъ онъ былъ совсѣмъ еще неопытенъ въ разбираніи погонъ и петличекъ, то съ одинаковымъ удовольствіемъ отдавалъ честь и фельдфебелямъ и акцизнымъ чиновникамъ, а одинъ разъ даже козырнулъ казачьему денщику, несшему судки съ офицерскимъ обѣдомъ, на что денщикъ тотчасъ же отвѣтилъ безъ малѣйшаго знака смущенія, но чрезвычайно вѣжливо, переложивъ судки изъ правой руки въ лѣвую.

Случилось такъ, что мать дернула его за рукавъ и тревожно шепнула:

— Миша, Миша, смотри, ты прозѣвалъ офицера (она испытывала при этихъ встрѣчахъ совершенно тѣ же наивныя, гордыя и пріятныя ощущенія, какъ и ея сынъ).

Буланинъ отозвался презрительнымъ басомъ:

— Ну, вотъ! Стоитъ о всякомъ офицеришкѣ заботиться. Навѣрно, только что произведенный.

Онъ, конечно, слегка важничалъ передъ матерью, бравируя своей смѣлостью и просто-напросто повторяя грубоватое выраженіе, слышанное имъ отъ старыхъ гимназистовъ. У старичковъ, особенно у «отчаянныхъ», считалось особеннымъ шикомъ не отдать офицеру чести, даже, если можно, сопроводить этотъ поступокъ какой-нибудь дикой выходкой.

— Какъ я его здорово надулъ!—разсказывалъ часто какой-нибудь Грузовъ или Балкашинъ.—Прохожу мимо—нуль вниманія и фунтъ презрѣнія. Онъ мнѣ кричитъ: «Г. гимназистъ, пожалуйте сюда». А я думаю себѣ: «На-ко-сь, выкуси». Ходу! Онъ за мной. Я отъ него. Онъ вскакиваетъ на извозчика. Ну, думаю: дѣло мое—табакъ, поймаетъ. Вдругъ вижу сквозныя ворота,

моментально—шмыгъ! и калитку на запоръ... Покамѣстъ онъ стоялъ тамъ да ругался, да дворника звалъ, я давно ужъ удрать успѣлъ.

Въ тотъ же день Аглая Ѳедоровна повела сына въ фотографію. Нечего и говорить о томъ, что фотографъ былъ несказанно пораженъ и обрадованъ честью сдѣлать снимокъ съ такого великолѣпнаго гимназиста. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили снять Буланина во весь ростъ: правой рукой онъ долженъ опираться на колонну, а въ лѣвой, опущенной внизъ, держать кепи. Во все время сеанса Буланинъ былъ полонъ неподражаемой важности, хотя справедливость требуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что впослѣдствіи, когда фотографія была окончательно готова, то всѣ двѣнадцать карточекъ могли служить нагляднымъ доказательствомъ того, что великолѣпный гимназистъ и будущій Скобелевъ, не умѣлъ еще, какъ слѣдуетъ, застегнуть своихъ панталонъ.

За обѣдомъ были исключительно блюда, любимыя Мишенькой, но виновникъ торжества, казалось, навѣки потерялъ свой доселѣ непобѣдимый аппетитъ... Онъ уже чувствовалъ, что мало-по-малу приближается конецъ отпуска, и передъ нимъ вставало арестантское лицо Грузова—клыкастое, желтое и грубое, его энергично сжатый кулакъ и зловѣщая угроза, произнесенная сиплымъ голосомъ:

— А то... у насъ знаешь какъ!..

По мѣрѣ того, какъ стрѣлка стѣнныхъ часовъ приближалась къ семи, возрастала тоска Буланина, прямо какая-то животная тоска — неопредѣленная, боязливая, низменная и томительная. Послѣ обѣда Зина сѣла за рояль разучивать свои экзерсисы. Изъ-подъ ея неувѣренныхъ пальчиковъ потянулись, безконечно повторяясь все снова и снова, скучныя гаммы. Мутныя сумерки вползли въ окна и сгустились по дальнимъ угламъ... Нервы Буланина не выдержали, и онъ, забывъ все свое

утреннее мужество, горько заплакалъ, уткнувшись лицомъ въ жесткую и холодную спинку кожанаго дивана.

— Миша, отчего ты? Что съ тобой, Мишенька?— спросила, подбѣжавъ къ нему, встревоженная Аглая Ѳедоровна.

Моментъ былъ очень благопріятный, и Буланинъ это чувствовалъ. Теперь бы и слѣдовало разсказать откровенно все приключеніе съ волшебнымъ фонаремъ, но странная, стыдливая робость сковала его языкъ, и онъ только пробормоталъ, возя носомъ:

— Такъ себѣ... мнѣ тебя жалко, мамочка...

Въ половинѣ седьмого онъ и Аглая Ѳедоровна стали собираться. Въ старую салфетку были завязаны гостинцы: десятокъ яблоковъ, нѣсколько домашнихъ сдобныхъ лепешекъ и банка малиноваго варенья.

— Смотри, Миша,—внушала мать:—варенье понемножку кушай... съ чаемъ... вотъ тебѣ и хватитъ на цѣлую недѣлю... Товарищамъ дай по ложечкѣ, пусть и они попробуютъ...

Затѣмъ она вписала въ готовомъ текстѣ отпускного билета, что «кадетъ... *Буланинъ*... въ теченіе отпуска находился... *у меня* и велъ себя... *очень хорошо*... Подпись родителей или лицъ, ихъ замѣняющихъ... *А. Буланина*.

Ѣхать пришлось черезъ весь городъ. И мать, и сынъ дорогой молчали, охваченные однимъ и тѣмъ же чувствомъ унынія. Чѣмъ ближе они подъѣзжали къ гимназіи, тѣмъ пустыннѣе становилась мѣстность... Уже совершенно стемнѣло, когда они переѣхали черезъ каменный мостъ, подъ которымъ узкой лентой извивалась зловонная рѣчка; въ ней дрожали, расплываясь, отраженія уличныхъ фонарей. Потомъ по обѣимъ сторонамъ мостовой потянулись длинныя, низкія, однообразныя казармы съ неосвѣщенными окнами. Вотъ, наконецъ, и огромное трехъэтажное зданіе гимназіи, бывшій кадетскій кор-

пусъ, а еще раньше—дворецъ екатерининскаго вельможи. Дальше уже нѣтъ ни одной городской постройки, кромѣ военной тюрьмы; ея огни едва мерцали далеко-далеко на краю военнаго поля, которое теперь кажется чернѣе ночи.

У крыльца Аглая Ѳедоровна долго крестила и цѣловала сына. Но такъ какъ къ тому же подъѣзду ежеминутно подъѣзжали и подходили отпускные гимназисты, то въ Буланинѣ вдругъ заговорилъ ложный стыдъ: сцена могла показаться черезчуръ нѣжной, можетъ быть, даже смѣшной, во всякомъ случаѣ не въ духѣ гимназическаго молодечества. Весь проникнутый жалостливой любовью къ матери и болью своего близкаго одиночества, онъ тѣмъ не менѣе сурово, почти грубо освободилъ шею отъ ея рукъ. Когда же она вдогонку ему крикнула, чтобы онъ былъ прилежнѣй, слушался воспитателей и «въ случаѣ чего-нибудь» немедленно писалъ (на что ему были уже даны конверты съ заранѣе написанными адресами и съ приклеенными марками), онъ, скрываясь въ дверяхъ, буркнулъ:

— Хорошо... Ладно, ладно...

Но онъ все-таки успѣлъ замѣтить, какъ мать крестила его вслѣдъ мелкими, частыми крестами.

Онъ медленно взбирался на третій этажъ по грязной чугунной сквозной лѣстницѣ, слабо освѣщенной стѣнными лампами, и ему казалось, что онъ вдругъ осиротѣлъ, сдѣлался снова маленькимъ, безпомощнымъ мальчикомъ. Всѣ его мысли были тамъ, внизу, около покинутой имъ матери.

«Вотъ она сѣла въ пролетку, вотъ извозчикъ круто разворачиваетъ лошадь назадъ, вотъ, подъѣзжая къ углу, мама бросаетъ послѣдній взглядъ на подъѣздъ»,—думалъ Буланинъ, глотая слезы, и все-таки ступенька за ступенькой подымался вверхъ.

Но на верхней площадкѣ его тоска возросла до такой

нестерпимой боли, что онъ вдругъ, самъ не сознавая, что дѣлаетъ, опрометью побѣжалъ внизъ. Въ одну минуту онъ уже былъ на крыльцѣ. Онъ ни на что не надѣялся, ни о чемъ не думалъ, но онъ вовсе не удивился, а только странно обрадовался, когда увидѣлъ свою мать на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько минутъ ее оставилъ. И на этотъ разъ мать должна была первой освободиться изъ лихорадочныхъ объятій сына.

Наконецъ онъ «явился» дежурному воспитателю (въ каждомъ возрастѣ дежурили по очереди свои воспитатели), который осмотрѣлъ очень тщательно его узелокъ. Такъ какъ вечерняя молитва уже кончилась, то отпускные изъ дежурной шли прямо въ спальню.

Тамъ, у самыхъ дверей, ихъ дожидалось человѣкъ двѣнадцать второклассниковъ. На Буланина, едва только онъ вошелъ со своимъ бѣлымъ узелкомъ, эта орава накинулась какъ стая голодныхъ волковъ.

— Новичокъ, угости! Новичокъ, подѣлись! Дай гостинчика, Буланка!..

И всѣ руки тянулись къ узелку, сталкиваясь и цѣпляясь одна за другую. Каждый старался протиснуться впередъ и отпихивалъ плечомъ мѣшавшаго товарища.

— Господа... да позвольте же... я сейчасъ,—бормоталъ растерянный, оглушенный Буланинъ:—я сейчасъ... только... пустите же... я не могу всего...

Онъ поспѣшно развязалъ узелокъ, стараясь увернуться отъ хищныхъ рукъ, вырывавшихъ его, и сунулъ въ чью-то руку яблоко. Но въ это время на всю копошащуюся вокругъ Буланина массу налетѣлъ какой-то огромный рыжій малый и закричалъ неистовымъ голосомъ:

— На шарапъ!

Въ ту же секунду бѣлый узелокъ, подброшенный снизу сильнымъ ударомъ, взвился на воздухъ. Яблоки и лепешки разлетѣлись изъ него во всѣ стороны, точно

изъ лопнувшей ракеты, а банка съ вареньемъ треснула, ударившись объ стѣну. Свалка тотчасъ же закипѣла на полу, въ темнотѣ слабо освѣщенной спальни. «Старички» на четверенькахъ гонялись за катящимися по паркету яблоками, вырывая ихъ одинъ у другого изъ рукъ и изо рта; нѣкоторые немедленно вступили въ рукопашную. Кто-то наткнулся на разбитую банку съ вареньемъ, поднялъ ее и, запрокинувъ голову назадъ, лилъ варенье прямо въ свой широко раскрытый ротъ. Другой замѣтилъ это и сталъ вырывать. Банка окончательно разбилась въ ихъ рукахъ; оба обрѣзались до крови, но, не обращая на это вниманія, принялись тузить другъ друга.

На шумъ общей свалки прибѣжало еще трое «старичковъ». Однако, они быстро сообразили, что пришли слишкомъ поздно, и тогда одинъ изъ нихъ, чтобы хоть немного вознаградить себя за лишеніе, крикнулъ:

— Куча мала, ребята!..

Произошло что-то невообразимое. Верхніе навалились на нижнихъ, нижніе рухнули на полъ и дѣлали судорожныя движенія руками и ногами, чтобы выбраться изъ этой кутерьмы. Тѣ, кому это удавалось, въ свою очередь карабкались на самый верхъ «мала-кучи». Нѣкоторые хохотали, другіе задыхались подъ тяжестью давившихъ ихъ тѣлъ, ругались какъ ломовые извозчики, плакали и въ остервенѣніи кусали и царапали первое, что имъ попадалось,—все равно: будь это рука или нога, животъ или лицо неизвѣстнаго врага.

Повергнутый сильнымъ толчкомъ на землю, Буланинъ почувствовалъ, какъ чье-то колѣно съ силою уперлось въ его шею. Онъ пробовалъ освободиться, но то же самое колѣно втиснуло его ротъ и носъ въ чей-то мягкій животъ, въ то время, какъ на его спинѣ барахтались еще десятки рукъ и ногъ. Недостатокъ воздуха вдругъ придалъ Буланину припадочную силу. Ударивъ

кулакомъ въ лицо одного сосѣда и схватившись за волосы другого, онъ рванулся и выскочилъ изъ кучи.

Онъ не успѣлъ еще подойти къ своей кровати, какъ его окликнули:

— А! Буланка! А ну-ка, иди сюда.

Это былъ Грузовъ. Буланинъ сразу узналъ его голосъ и почувствовалъ, что блѣднѣетъ и что у него задрожали колѣни. Однако онъ подошелъ къ Грузову, стоявшему въ амбразурѣ окна и раздиравшему зубами половину курицы.

— Принесъ?—лаконически спросилъ Грузовъ, вытирая руки о грудь пиджака.

— Голубчикъ... ей-Богу, не могъ,—жалобно забормоталъ Буланинъ.—Ну, вотъ честное, благородное слово, никакъ не могъ. Въ слѣдующее воскресенье ужъ непремѣнно принесу... непремѣнно...

— Отчего же ты не могъ сегодня? Отжилить хочешь, подлецъ? Давай назадъ фонарь...

— У меня его нѣтъ,—прошепталъ Буланинъ.—Пѣтухъ отобралъ... я...

Онъ не успѣлъ договорить. Изъ его праваго глаза брызнулъ цѣлый снопъ ослѣпительно-бѣлыхъ искръ... Оглушенный ударомъ грузовскаго кулака, Буланинъ сначала зашатался на мѣстѣ, ничего не понимая. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

— Слышишь, чтобы въ слѣдующій разъ ты мнѣ или фонарь возвратилъ, или принесъ деньги. Только ужъ теперь не два, а два съ полтиной,—сказалъ Грузовъ, опять принимаясь за курицу.—У тебя есть гостинцы-то по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ... были яблоки и лепешки... и банка малиноваго варенья была... Я хотѣлъ все тебѣ отдать,—невольно солгалъ Буланинъ:—да у меня ихъ сейчасъ только отняли старички...

— Эхъ, ты!..—протянулъ Грузовъ презрительно и

вдругъ, съ мгновенно озвѣрѣвшимъ лицомъ, ударивъ изо всѣхъ силъ Буланина по затылку, онъ крикнулъ:

— Убирайся ты къ чорту, жулябія! Ну... живо!.. Чтобы я тебя здѣсь больше не видѣлъ, турецкая морда!..

До глубокой ночи шныряли «старички» между кроватями первоклассниковъ, подслушивая и подглядывая, не ѣдятъ ли они что-нибудь тайкомъ. Нѣкоторые дѣйствовали «партіями», другіе—въ одиночку. Если новичокъ отказывался «угостить», то его вещи, шкапчикъ, кровать и его самого подвергали тщательному обыску, наказывая за сопротивленіе тумаками.

У своихъ одноклассниковъ они хотя и не отнимали лакомствъ, но выпрашивали ихъ со всевозможными униженіями, самымъ подлымъ, нищенскимъ тономъ, съ обиліемъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ словечекъ, припоминая тутъ же какіе-то старые счеты по поводу какихъ-то кусочковъ.

Буланинъ уже лежитъ подъ одѣяломъ, когда надъ его головой останавливаются двое второклассниковъ. Одинъ изъ нихъ называется Арапомъ (фамиліи его Буланинъ не зналъ). Онъ, громко чавкая и сопя, ѣстъ какія-то сладости. Другой — Федченко — попрошайничаетъ у него.

— Ара-апъ, да-ай кусочекъ шоколадцу,—тянетъ Федченко умильнымъ тономъ.

Арапъ, не отвѣчая, продолжаетъ громко обсасывать конфету.

— Ну, Арапчикъ... ну, голубчикъ... Са-амый маленькій... хоть вотъ такой вотъ...

Арапъ молчитъ.

— Это свинство съ твоей стороны, Арапъ,—говоритъ Федченко.—Это подлость.

Арапъ, сопя носомъ и продолжая сосать шоколадъ, отвѣчаетъ своимъ картавымъ голосомъ:

— Убирлайся къ чорлту!

— Арапушка!

— Убирлайся, убирлайся... Нынче не суббота, не подаютъ.

— Ну, хоть са-амый маленькій. Дай хоть изъ рукъ откусить.

— Не прлоѣдайся.

— Ладно же, сволочь ты этакій!—говоритъ Федченко, вдругъ разсвирѣпѣвъ.—Попросишь ты у меня когда-нибудь гостинца!

— Даже и не подумаю прлосить,—сосетъ равнодушно Арапъ свой шоколадъ.

— Я тебѣ это припомню, дрянь,—не унимается Федченко.—Ты, небось, забылъ, какъ я тебя, подлеца, угощалъ? Забылъ?

Арапъ вдругъ оживляется, и слышно, что онъ съ хлопаньемъ вынимаетъ шоколадъ изо рта.

— Ты?.. Меня?.. Угощалъ?.. Когда?..

— Когда? — съ задоромъ переспрашиваетъ Федченко.

— Да, когда?

— Когда?

— Ну, когда же? Ну?

— Когда? А помнишь, у меня были пирожки съ капустой. Что жъ, скажешь, я съ тобой не подѣлился? А? Не подѣлился?

— Все ты врлешь. Никакихъ у тебя пирложковъ не было,—хладнокровно отвѣчаетъ Арапъ и опять принимается за шоколадъ.

Наступаетъ длинное молчаніе, въ продолженіе котораго—Буланинъ чрезвычайно живо себѣ это представляетъ—Федченко не сводитъ жадныхъ глазъ со рта Арапа. Потомъ снова раздается тотъ же униженный, нищенскій голосъ:

— Ара-апчикъ... голу-убчикъ... ну, дай же малень-

кій кусочекъ... Ну, хоть вотъ такой крошечный... Самую капельку...

Слышно, какъ Федченко цѣпляется за рукавъ Арапа и какъ Арапъ отталкиваетъ его локтемъ.

— Ну, чего въ самомъ дѣлѣ прлисталъ? Сказано: убирлайся, и убирлайся. Я у тебя на прлошлой недѣлѣ прлосилъ мячикъ, а ты мнѣ что сказалъ?

— Ей-Богу, Арапчикъ, не мой мячикъ былъ. Вотъ тебѣ крестъ—не мой. Это Утконоса былъ мячикъ, а онъ не велѣлъ никому давать. Ты знаешь, я тебѣ всегда съ удовольствіемъ... Ну, Арапчикъ, дай же откусить кусочекъ.

Неизвѣстно, что надоѣдаетъ Арапу: шоколадъ или приставанье товарища, но онъ неожиданно смягчается.

— Чорлтъ съ тобой, кусай. Вотъ до этихъ поръ, гдѣ я ногтемъ дерлжу. На.

— Ишь ты, ловкій. Обсосанный конецъ даешь,— обижается Федченко.—Дай съ другого.

— А! Не хочешь—не нужно.

— Ну, ладно ужъ, ладно,—испуганно торопится Федченко.—Давай, все равно. Скупердяй.

Слышится хрустѣніе откусываемаго шоколада и ожесточенное чавканье. Спустя минуту, опять слышится молящій голосъ:

— А что же апельсинчика-то, Арапчикъ? Дай хоть полъ-ломтика.

Но конца этой торговли Буланинъ уже не слышитъ. Передъ его глазами быстрымъ вихремъ проносятся городскія улицы, фотографъ съ козлиной бородкой, Зиночкины гаммы, отраженіе огней въ узкой, черной, какъ чернило, рѣчкѣ, Грузовъ, пожирающій курицу, и, наконецъ, милое, кроткое родное лицо, тускло освѣщенное фонаремъ, качающимся надъ подъѣздомъ... Потомъ все перемѣшивается въ его утомленной головѣ, и его сознаніе погружается въ глубокій мракъ, точно камень, брошенный въ воду.

V.

Нравственная характеристика. — Педагогика и собственный міръ. — Имущество и животъ. — Что значитъ дружиться и дѣлиться. — Форсилы. — Забывалы. — Отчаянные. — Тріумвиратъ — Солидные. — Сплачи.

Каждые три мѣсяца всѣ воспитатели и учителя гимназіи собирались, подъ предсѣдательствомъ директора, внизу, въ общей учительской, на педагогическій совѣтъ. Тамъ устанавливались воспитательные и учебные пріемы, опредѣлялось количество уроковъ по различнымъ предметамъ, обсуждались важнѣйшіе проступки воспитанниковъ. Въ виду послѣдняго, каждый отдѣленный воспитатель обязанъ былъ вести «характеристики» своихъ воспитанниковъ. Для этого ему и выдавались, по числу гимназистовъ его отдѣленія, нѣсколько десятковъ синихъ, съ желтыми корешками, тетрадокъ, на обложкѣ которыхъ печатнымъ шрифтомъ было обозначено *):

Нравственная характеристика
воспитанника N-ской военной гимназіи
„ " класса „ " отдѣленія
Имя:
Фамилія:

Воспитателю оставалось только заполнить на обложкѣ пустыя мѣста и затѣмъ излагать общими фразами свои безхитростныя наблюденія. И воспитатель, добросовѣстно относясь къ своему долгу, писалъ: «золотое сердце, но лѣнивъ крайне»; «видно дурное вліяніе домашней среды» (и это чаще всего писалось въ характе-

*) Конечно, держались эти характеристики въ строжайшемъ секретѣ отъ воспитанниковъ и ихъ родственниковъ, — отъ вторыхъ, вѣроятно, по причинамъ похвальной авторской стыдливости.

ристикахъ); «съ небольшими способностями, но весьма старательнѣе» и т. д. Затѣмъ успѣхи въ наукахъ и благонравіе поощрялись на публичномъ актѣ 30 августа похвальными листами и разрозненными томами Брэма, а лѣнтяевъ, шалуновъ и порочныхъ оставляли безъ отпуска, лишали обѣдовъ и завтраковъ, ставили подъ лампу, ставили за обѣдомъ къ барабанщику, сажали въ карцеръ и даже изрѣдка посѣкали. И все это, взятое вмѣстѣ, составляло, по мнѣнію начальства, «*твердо обдуманную воспитательную систему, принятую педагогическимъ совѣтомъ на основаніи глубокаго и всесторонняго изученія ввѣренныхъ его руководству дѣтскихъ натуръ и прочнаго довѣрія, питаемаго воспитанниками къ ихъ воспитателямъ*».

А между тѣмъ внутренняя, своя собственная жизнь дѣтскихъ натуръ текла особымъ русломъ, безъ вѣдома педагогическаго совѣта, совершенно для него чуждая и непонятная, вырабатывая свой жаргонъ, свои нравы и обычаи, свою оригинальную этику. Это своеобразное русло было тѣсно и точно ограничено двумя недоступными берегами: съ одной стороны—всеобщимъ безусловнымъ признаніемъ правъ физической силы, а съ другой—также всеобщимъ убѣжденіемъ, что начальство есть исконный врагъ, что всѣ его дѣйствія предпринимаются исключительно съ ехиднымъ намѣреніемъ учинить пакость, стѣснить, урѣзать, причинить боль, холодъ, голодъ, что воспитатель съ большимъ аппетитомъ ѣстъ обѣдъ, когда рядомъ съ нимъ сидитъ воспитанникъ, оставленный безъ обѣда...

И какъ это ни покажется страннымъ, но «свой собственный» мальчишескій мірокъ былъ настолько прочнѣе и устойчивѣе педагогическихъ ухищреній, что всегда бралъ надъ ними перевѣсъ. Это уже изъ одного того было видно, что если и поступалъ въ число воспитателей свѣжій, сильный человѣкъ, съ самыми искрен-

ними и гуманными намѣреніями, то, спустя два года (если только онъ самъ не уходилъ раньше), онъ опускался и махалъ рукой на прежнія бредни.

Капля за каплей въ него внѣдрялось убѣжденіе, что эти проклятые сорванцы, дѣйствительно, его вѣчные, безпощадные враги, что ихъ необходимо выслѣживать, ловить, обыскивать, стращать, наказывать какъ можно чаще и кормить какъ можно рѣже. Такимъ образомъ, собственный міръ торжествовалъ надъ формалистикой педагогическаго совѣта, и какой-нибудь Грузовъ съ его устрашающимъ давленіемъ на малышей, самъ того не зная, становился поперекъ всей стройной воспитательной системы.

Каждый второклассникъ имѣлъ надъ собственностью каждаго малыша огромныя права. Если новичокъ не хотѣлъ добровольно отдавать гостинцы, старичокъ безнаказанно вырывалъ ихъ у него изъ рукъ или выворачивалъ наизнанку карманы его панталонъ. Большинства вещей новичка, по своеобразному нравственному кодексу гимназіи, старичокъ не смѣлъ касаться, но коллекціонныя марки, перышки и пуговицы, какъ предметы отчасти спортивнаго характера, могли быть отбираемы наравнѣ съ гостинцами. На казенную пищу также нельзя было насильственно покушаться: она служила только предметомъ мѣны или уплаты долга.

Вообще сильному у слабаго *отнять* можно было очень многое—почти все, но зато весь возрастъ зорко и ревниво слѣдилъ за каждой «пропажей». Воровство было единственнымъ преступленіемъ, которое доводилось до свѣдѣнія начальства (не говоря уже о самосудѣ, производимомъ надъ виновными), и къ чести гимназіи надо сказать, что воровъ въ ней совершенно не было. Если же кто и грѣшилъ нечаянно, то потомъ уже закаивался на всю жизнь. Но и здѣсь, на ряду съ суровой честностью по отношенію къ товарищамъ, «своя собственная»

нравственность давала вдругъ неожиданный скачокъ, разрѣшая и даже, пожалуй, поощряя всякаго рода кражу у воспитателей. Конечно, крали чаще всего съѣстное изъ шкапчиковъ въ офицерскихъ коридорахъ. Крали вина и наливки и крали обыкновенно со взломомъ висячихъ замковъ.

Кромѣ правъ имущественныхъ, второклассникъ пользовался также правами и надъ «животомъ» малыша, т.-е. во всякое время дня и ночи могъ сдѣлать ему изъ лица «лимонъ» или мопса, покормить «маслянками» и «орѣхами», «показать Москву» или квартиры докторовъ «ай» и «ой», «загнуть салазки», «пустить дымъ изъ глазъ» и т. д.

Новичокъ съ своей стороны обязывался переносить все это терпѣливо, по возможности вѣжливо, и отнюдь не привлекать громкимъ крикомъ вниманія воспитателя. Выполнивъ перечисленную выше программу увеселеній, старичокъ обыкновенно спрашивалъ: «Ну, малышъ, чего хочешь, смерти или живота?»—И услышавъ, что малышъ болѣе хочетъ живота, старичокъ милостиво разрѣшалъ ему удалиться.

Всякій новичокъ считался общимъ достояніемъ второго класса, но бывали случаи, что одинъ изъ «отчаянныхъ» всецѣло завладѣвалъ какимъ-нибудь особенно питательнымъ малышомъ, бралъ его, такъ сказать, на оброкъ. Для этого отчаянный оказывалъ сначала новичку лестное вниманіе, ходилъ съ нимъ по залѣ обнявшись и въ концѣ-концовъ обѣщалъ ему свое великодушное покровительство.

— Обижаетъ тебя кто-нибудь, малышъ?—спрашивалъ заботливо «отчаянный».—Ты мнѣ скажи правду, не бойся...

— Нѣтъ... то-есть, конечно, обижаютъ... Вотъ въ воскресенье пирожныя отняли...

— Кто же отнялъ-то?

— Я и самъ не знаю... Человѣкъ пять... Открыли парту и насильно отняли...

— Ну, ужъ это подлость!—возмущался «отчаянный».—Развѣ же можно такъ поступать? А?

— Конечно, нельзя...

— Прямо—свинство... Разъ пирожныя твои— никто не смѣетъ ихъ брать... Правда вѣдь?

— Конечно, правда... А то вотъ еще,—вспоминаетъ новичокъ, дѣлаясь смѣлѣе:—Занковскій вчера мнѣ руку вывернулъ и очень больно по спинѣ ударилъ...

— Вотъ скотина-то!—негодовалъ «отчаянный».—А ты знаешь что? Если тебя кто-нибудь тронетъ, ты мнѣ скажи... Я ужъ за тебя заступлюсь. Слышишь?

— Я скажу. Спасибо тебѣ.

— И знаешь что еще? Давай съ тобой будемъ дружиться... Ты мнѣ очень понравился съ перваго раза.

— Давай. Конечно, давай,—радостно соглашался новичокъ.

— Дружиться и дѣлиться? Ладно?

— Да, да,—ликовалъ новичокъ.—Вотъ-то будетъ хорошо!

Новые друзья протягивали другъ другу руки, и ближайшій свидѣтель, которому вкратцѣ объясняли дѣло, разнималъ ихъ, освящая этой формальностью обоюдный договоръ.

Но заключенная дружба вовсе не требовала, чтобы старичокъ, получивъ гдѣ-нибудь кусокъ пирога или десятокъ сливъ, тотчасъ же принесъ молодому другу половину,—молодой другъ изъ этой добычи не получалъ ни крошечки. Зато, если младшій дольщикъ приносилъ изъ дому кулечекъ съ провизіей, то по крайней мѣрѣ семь восьмыхъ его содержимаго отбиралось старшимъ дольщикомъ, глядѣвшимъ на нихъ какъ на своего рода постоянный доходъ. Конечно, эти самые гостинцы могъ «вытрясти изъ новичка» и первый встрѣчный второ-

классникъ, но, какъ уже сказано было выше, авторитетъ физической силы стоялъ въ гимназіи настолько высоко, что ему подчинялись не только за страхъ, но и за совѣсть.

Этотъ всеобщій культъ кулака очень ярко раздѣлилъ всю гимназическую среду на *угнетателей* и *угнетаемыхъ*, что особенно было замѣтно въ младшемъ возрастѣ, гдѣ традиціи нерушимо передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но какъ между угнетателями, такъ и между угнетаемыми замѣчались болѣе тонкія и сложныя категоріи.

Надъ слабѣйшимъ можно было не только «форситъ», но можно было и «забываться», и Буланинъ весьма скоро уразумѣлъ разницу между этими двумя дѣйствіями.

«Форсило» рѣдко билъ новичка по злобѣ или ради вымогательства и еще рѣже отнималъ у него что-нибудь, но трепетъ и замѣшательство малыша доставляли ему лишній разъ сладкое сознаніе своего могущества.

— Эй, молодой человѣкъ, псст!.. Молодой человѣкъ, пожалуйте сюда!—окликаетъ форсило новичка, который въ длинный осенній вечеръ безцѣльно бродитъ по залѣ и съ тоской заглядываетъ черезъ запотѣвшія окна въ холодную непроницаемую тьму.

Новичокъ вздрагиваетъ, оборачивается, неувѣренно подходитъ къ рослому второклассснику и останавливается молча въ двухъ шагахъ отъ него.

— Хочешь орѣшковъ, малышъ? — спрашиваетъ форсило.

Новичокъ молчитъ. Онъ предчувствуетъ, что орѣхи, предложенные ему такъ внезапно, неудобоваримы.

— Ну, чего ротъ разинулъ? Корова влетитъ. Хочешь орѣховъ, я тебя спрашиваю?

— Я... не знаю...—бормочетъ, заикаясь, новичокъ.

— Не знаешь, такъ надо попробовать... Держи пошире карманъ: разъ—орѣхъ! два—орѣхъ! три, четыре...

Форсило методически щелкаетъ малыша въ лобъ, пока у того на глазахъ не выступятъ слезы.

— Довольно? Накушался? Ну, а теперь для пищеваренія не хочешь ли на скрипкѣ поиграть?

И на этотъ разъ, не дожидаясь согласія малыша, онъ беретъ въ руку послѣдніе суставы его пальцевъ и, поочередно нажимая на нихъ, заставляетъ импровизированную скрипку гримасничать и взвизгивать отъ боли.

— Хорошая скрипка,—говоритъ онъ, оставивъ наконецъ въ покоѣ руку новичка.— Ты ее береги, братецъ: это скрипка дорогая...

Но форсило все это продѣлываетъ «не изо всѣхъ силъ» и не со зла, потому что сейчасъ же онъ совсѣмъ добродушнымъ тономъ спрашиваетъ:

— Послушай-ка, малышъ, а ты знаешь какія-нибудь исторіи?

— Что?—удивляется и не понимаетъ новичокъ.

— Умѣешь ты разсказывать какія-нибудь исторіи? Ну... тамъ... про разбойниковъ или про войну... про дикарей тоже есть хорошія повѣсти...

И вотъ форсило ложится на подоконникъ и закрываетъ глаза, а новичокъ стоитъ въ это время около своего случайнаго повелителя и разсказываетъ, вспоминая читанное или изобрѣтая изъ своей головы занимательные эпизоды. Едва онъ замолчитъ, какъ повелитель спрашиваетъ полусоннымъ голосомъ:

— А дальше?

Гораздо страшнѣе для первоклассниковъ (кромѣ второгодниховъ: этихъ не только не трогали, но, въ память прошлаго года, позволяли имъ даже заходить во второй классъ) были «забывалы». Ихъ насчитывалось меньше, чѣмъ первыхъ, но вреда они причиняли несравненно

больше. Забывало, «изводя» новичка или слабенькаго одноклассника, занимался этимъ не отъ скуки, какъ форсило, а сознательно, изъ мести или корыстолюбія, или другого личнаго мотива, съ искаженной отъ злости физіономіей, со всей безпощадностью мелкаго тирана. Иногда онъ по цѣлымъ часамъ мучилъ новичка, чтобы «выжать» изъ него послѣдніе, уцѣлѣвшіе отъ расхвата, жалкіе остатки гостинцевъ, запрятанные гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ. Шутки забывалы носили жестокій характеръ и всегда оканчивались синякомъ на лбу жертвы или кровотеченіемъ изъ носу. Особенно и прямо-таки возмутительно-злы были забывалы по отношенію къ мальчикамъ, страдающимъ какимъ-нибудь физическимъ порокомъ: заикамъ, косоглазымъ, кривоногимъ и т. п. Дразня ихъ, забывалы проявляли самую неистощимую изобрѣтательность.

Но и забывалы были ангелами въ сравненіи съ «отчаянными», этимъ бичомъ Божіимъ для всей гимназіи, начиная съ директора и кончая самымъ послѣднимъ малышомъ. Удивительно, какими только путями, вслѣдствіе какихъ причинъ и уродливыхъ нравственныхъ воздѣйствій могъ сложиться этотъ безобразный типъ! Вѣроятнѣе всего, онъ остался какъ печальное и извращенное наслѣдіе прежнихъ кадетскихъ корпусовъ, когда дикіе люди, выросшіе подъ розгой, въ свою очередь розгой же, употреблявшейся въ ужасающемъ количествѣ, подготовляли другихъ дикихъ людей къ наилучшему служенію отечеству; а это служеніе опять-таки выражалось въ неистовой поркѣ подчиненныхъ... И такое предположеніе о происхожденіи «отчаянныхъ» тѣмъ болѣе справедливо, что сами «отчаянные» изрѣдка называли себя «закалами» или «закаленными»—терминъ, какъ свидѣтельствуютъ мемуары николаевскихъ майоровъ, возникшій въ корпусахъ именно въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху знаменитыхъ субботъ,

когда героемъ считался тотъ, кто «назло начальству» безъ малѣйшаго стона выдерживалъ сотни ударовъ...

Прежде всего «отчаянные» выдѣлялись отъ товарищей наружностью и костюмомъ. Панталоны и пиджакъ у нихъ всегда бывали разорваны въ лохмотья, сапоги съ рыжими задниками, нечищенныя пуговицы позеленѣли отъ грязи... Чесать волосы и мыть руки считалось между отчаянными лишней, пожалуй, даже вредной роскошью, «бабствомъ», какъ они говорили... Кромѣ того, такъ какъ отчаянный принадлежалъ въ то же время къ страстнымъ игрокамъ, то правый рукавъ пиджака у него былъ постоянно заброченъ, а въ карманахъ всегда бренчали десятки пуговицъ и перьевъ.

Воспитатели побаивались отчаянныхъ, потому что отчаянный «никому не спускалъ». Если къ нему кто-нибудь изъ воспитателей и учителей обращался на «ты» (это иногда случалось), то отчаянный обрывалъ хриплымъ басомъ:

— Ты мнѣ не тычь! Я тебѣ не Иванъ Кузьмичъ!

Въ концѣ-концовъ начальство «махало на нихъ рукой» и дожидалось только, когда отчаянный, не выдержавъ вторично экзамена въ одномъ и томъ же классѣ, оставался на третій годъ. Тогда его отправляли въ Ярославскую прогимназію, куда ссылали изъ всѣхъ гимназій Россіи все, что было въ нихъ неспособнаго и порочнаго. Но Ярославская прогимназія—и та сортировала отчаянныхъ и спроваживала ихъ, въ свою очередь, въ Вольскую прогимназію. Объ этой Вольской прогимназіи между воспитанниками ходили самые недостовѣрные, но ужасные слухи. Говорили, что тамъ прогимназистовъ обучаютъ различнымъ ремесламъ простые кузнецы, слесаря и плотники, которымъ предоставлено право бить своихъ учениковъ; говорили также, что тамъ по субботамъ обязательно дерутъ всѣхъ учениковъ: виноватыхъ—въ наказаніе, а правыхъ—въ поощреніе, на что будто

бы каждую субботу истребляются цѣлые воза ивовыхъ прутьевъ.

Каждый отчаянный зналъ, что рано или поздно ему не миновать Вольской, и постоянно бравировалъ этимъ, бравировалъ, если только можно привести такое сравненіе, съ тѣмъ же напускнымъ самохвальствомъ, съ какимъ арестантъ, осужденный на каторгу за крупное убійство, хвастается и куражится передъ мелкими воришками:

— Ну что жъ, въ Вольскую, такъ въ Вольскую!— говорилъ отчаянный, сплевывая сквозь зубы.—Не боюся никого, кромѣ Бога одного!

Трое отчаянныхъ особенно рѣзко запечатлѣлись въ памяти Буланина, и впослѣдствіи, уже окончивъ гимназію, онъ нерѣдко видѣлъ во снѣ, какъ ужасный кошмаръ, ихъ физіономіи. Эти трое были: Грузовъ, Балкашинъ и Мячковъ—всѣ трое безъ роду, безъ племени, никогда не ходившіе въ отпускъ и взятые въ гимназію изъ какого-то благотворительнаго пансіона. Вмѣстѣ они составляли то, что въ гимназіи называлось «партіей».

Грузова товарищи прозвали Волкомъ (конечно, никому изъ «слабенькихъ» не приходило въ голову назвать его такъ), и, дѣйствительно, въ немъ было много общаго съ этимъ ночнымъ грабителемъ: и развалистая походка, и взглядъ исподлобья, и хищные инстинкты, и подлая смѣсь наглости съ трусостью. Передъ силачами, передъ богатыми товарищами онъ униженно заискивалъ. Нѣкоторые, не безъ основанія, подозрѣвали его въ двухъ-трехъ кражахъ, но оставляли его въ покоѣ, частью по неимѣнію уликъ, частью изъ боязни его злопамятства. Изъ всей партіи онъ былъ безспорно самый глупый, самый сильный и самый трусливый. Весь возрастъ отлично помнилъ, что однажды, когда Грузова вели сѣчь, онъ ползалъ у директора въ ногахъ и цѣловалъ его сапоги. При каждомъ словѣ, на каждомъ шагу онъ

ругался, какъ пьяный солдатъ, самой площадной бранью, и это служило ему оружіемъ, при помощи котораго онъ держалъ въ рукахъ даже силачей. Всякій намекъ на сентиментальность, всякое проявленіе порядочности: жалость къ обижаемому мальчику, состраданіе къ истязуемому животному, участіе къ больному преподавателю—въ какой бы формѣ эти чувства ни выразились—онъ встрѣчалъ ихъ такимъ градомъ сквернословія, что виновный невольно начиналъ стыдиться своего хорошаго движенія. И его глумленіе дѣйствовало тѣмъ неотразимѣе, что Грузовъ все-таки обладалъ хотя и грязнымъ и циническимъ, но несомнѣннымъ юморомъ.

Второй изъ партіи—Балкашинъ—былъ прямо-таки чудовищемъ. Всѣ животные инстинкты, какіе себѣ только можно представить, развились у этого 12—13-лѣтняго мальчика до невѣроятной степени. Награбивъ цѣлую гору сластей и домашней провизіи, онъ пряталъ всю добычу въ постель и потомъ, покрывшись съ головой одѣяломъ, поѣдалъ ее потихоньку, какъ настоящій звѣрь. Послѣ рождественскихъ праздниковъ онъ выкидывалъ изъ своего стола всѣ учебныя пособія, такъ какъ туда иначе не могли бы вмѣститься нахватанные имъ гостинцы. И онъ ѣлъ ихъ съ утра до вечера, во время уроковъ и въ перемѣнки, до обѣда и послѣ него. Едва успѣвъ обглодать курицу, онъ брался за смоквы, потомъ безъ малѣйшей передышки переходилъ къ свиному салу, которое тотчасъ же закусывалъ тянучками и калужскимъ тѣстомъ. Случалось, что среди этой оргіи лицо Балкашина вдругъ принимало блѣдно-зеленый оттѣнокъ, а глаза становились мутными и страдальческими... Но и тогда, прежде чѣмъ стрѣлой выскочить изъ класса, онъ находилъ въ себѣ настолько самообладанія, чтобы запереть свой столикъ на огромный висячій замокъ. При добываніи гостинцевъ Балкашинъ не

брезговалъ никакими средствами, а за обѣдомъ и завтракомъ подбиралъ и выпрашивалъ всякіе огрызки.

Если онъ не ѣлъ, то непремѣнно спалъ гдѣ-нибудь: или подъ лавкой въ «камчаткѣ», или въ нишѣ коридора подъ ворохомъ шинелей. Онъ былъ развращенъ, дѣйствительно ужъ «до мозга костей». Невозможно описать всѣхъ тѣхъ гадостей, какія онъ продѣлывалъ съ нѣкоторыми изъ первоклассниковъ, продѣлывалъ открыто, такъ сказать, всенародно, нимало не смущаясь вниманіемъ собравшейся публики.

Точно насмѣхъ, судьба подарила этому негодяю физіономію настоящаго херувима: нѣжные шелковистые волосы льняного оттѣнка, большіе голубые глаза съ длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами, очаровательнаго рисунка ротъ. Къ тому же онъ обладалъ прекраснымъ голосомъ и считался въ гимназическомъ церковномъ хорѣ постояннымъ солистомъ.

Душою «партіи», иниціаторомъ всѣхъ совершаемыхъ ею пакостей былъ безспорно Мячковъ, самый изобрѣтательный и самый зловредный членъ тріумвирата. Мячковъ несомнѣнно носилъ въ себѣ зачатки лютой наслѣдственной чахотки: объ этомъ говорила его узкая, впалая грудь, землисто-желтый цвѣтъ лица, сухія губы, облипшія вокругъ рѣзко очерченныхъ челюстей, и большіе черные глаза съ желтыми бѣлками и нехорошимъ блескомъ. Очень можетъ быть, что сознаніе болѣзни и смутное предчувствіе близкой смерти (онъ тогда уже покашливалъ, а умеръ шестнадцати лѣтъ) поддерживали въ немъ эту нечеловѣческую, безпощадную, вѣчную озлобленность. Своей утонченной жестокостью онъ возбуждалъ отвращеніе даже въ тѣхъ изъ «старичковъ», нервы которыхъ, казалось, притерпѣлись ко всему на свѣтѣ... Своихъ жертвъ онъ даже не мучилъ, а прямо пыталъ—обдуманно, постепенно, съ очевиднымъ наслажденіемъ, стараясь какъ можно болѣе

продлить этотъ пріятный актъ. Въ немъ было что-то ненормальное, болѣзненное и страшное... Это всѣ чувствовали, но никто не умѣлъ свести свои наблюденія даже въ мѣткомъ прозвищѣ.

Одна изъ любимыхъ штукъ Мячкова заключалась въ томъ, что онъ подходилъ къ новичку и заводилъ съ нимъ длинный дружелюбный разговоръ. Новичокъ таялъ. Между прочимъ, и какъ будто бы вскользь, Мячковъ хвалилъ сложеніе своего собесѣдника:

— А ты, должно быть, очень сильный, братецъ. Гляди, въ будущемъ году изъ первыхъ силачей станешь. Только ты, навѣрно, силу скрываешь. Грудь-то, грудь у тебя какая молодецкая!

Новичокъ, польщенный комплиментомъ, краснѣлъ отъ удовольствія и еще больше выпячивалъ грудь.

— Ишь ты, просто какъ печка,— продолжалъ расхваливать Мячковъ.—Я думаю, если тебя по груди кто ударитъ,—тебѣ это пустяки? А? Навѣрно, и не почувствуешь? Правда?

— Разумѣется, правда,—хорохорился новичокъ.— Я... все могу...

— Можешь?

— Могу!

— Вытерпишь, значитъ?

— О! Я! Я все вытерплю!..

Зловѣщіе огоньки въ зрачкахъ Мячкова разгорались сильнѣе, и онъ спрашивалъ нѣжнымъ голосомъ:

— А можно попробовать?

— Пожалуйста... сколько угодно! — продолжалъ храбриться новичокъ.—Валяй, сдѣлай одолженіе. Мнѣ это все равно, что ничего.—И онъ выгибалъ грудь колесомъ.

Тогда Мячковъ размахивался и изо всѣхъ силъ ударялъ наивнаго хвастуна, но не въ грудь, а подъ ложечку, какъ разъ туда, гдѣ кончается грудная клѣтка и

гдѣ у дѣтей такое чувствительное мѣсто. Нѣсколько минутъ новичокъ не могъ передохнуть и съ вытаращенными глазами, перегнувшись пополамъ, весь посинѣвшій отъ страшной боли, только раскрывалъ и закрывалъ ротъ какъ рыба, вытащенная изъ воды. А Мячковъ около него радостно потиралъ руки, кашлялъ и сгибался въ три погибели, заливаясь тоненькимъ ликующимъ смѣхомъ.

Мячковъ ѣлъ очень мало, а сладкаго и совсѣмъ не могъ ѣсть, по причинѣ дурныхъ зубовъ. Однако для того, чтобъ лишній разъ насладиться чьимъ-нибудь горемъ, онъ грабилъ новичковъ наравнѣ съ двумя прочими членами партіи, уступая имъ «свою порцію».

Пожалуй, къ категоріи угнетателей можно было отнести и немногочисленную группу «солидныхъ». Подъ «солидностью» въ гимназіи подразумѣвалась нѣсколько напыщенная важность, происходящая отъ глубокаго сознанія собственнаго достоинства; впрочемъ тотъ смыслъ, который придавали этому слову воспитанники, почти не переводимъ на обычный языкъ. Принадлежа большею частью къ порядочнымъ и зажиточнымъ семействамъ, солидные были настолько сильны и настолько самоувѣренны, что умѣли ограждать себя отъ насильственныхъ дѣйствій отчаянныхъ, форсилъ и забывалъ. Солидные очень заботились о своей наружности, танцовали на гимназическихъ балахъ и создавали господствующую въ возрастѣ моду. Такъ, напримѣръ, одинъ годъ самой модной считалась прическа съ проборомъ на лѣвой сторонѣ и съ большимъ кокомъ, взбитымъ на правой. На слѣдующій годъ эту прическу смѣнила другая — ежикомъ, и весь возрастъ принялся усердно взъерошивать волосы кверху щетками. Самыми шикарными панталонами считались «штаны съ колоколами», т.-е. узкіе, въ обтяжку до колѣнъ, а отъ колѣнъ расходящіеся внизъ трубой. Передѣлкой казенныхъ панта-

лонъ въ модные «штаны съ колоколами» занимались за умѣренное вознагражденіе гимназическіе портные, приходившіе каждую ночь чинить разорванное за день платье.

Даже языкъ и походку солидные выдумали для себя совсѣмъ нечеловѣческіе. Ходили они на прямыхъ ногахъ, подрагивая всѣмъ тѣломъ при каждомъ шагѣ, а говорили картавя и ломаясь, и замѣняя «а» и «о» оборотнымъ «э», что придавало ихъ разговору оттѣнокъ какой-то карикатурной гвардейской разслабленности.

Собственно солидныхъ нельзя было назвать угнетателями въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но все же въ ихъ обращеніи съ новичками всегда слышалось наигранное, оскорбительное пренебреженіе. Столкнувшись гдѣ-нибудь въ коридорѣ или на лѣстницѣ съ разбѣжавшимся новичкомъ, солидный бралъ его осторожно двумя пальцами за рукавъ и говорилъ съ брезгливой гримасой на лицѣ:

— Что жъ ты сталъ, мэльчишка? Прэхэди п'жалста.

И затѣмъ пускалъ ему вдогонку одну изъ любимыхъ фразъ солидныхъ:

— Глюпъ, тупъ, нерэзвитъ... эттэго, что мэло битъ.

И только въ самомъ крайнемъ случаѣ, дѣйствительно разсердившись, солидный замѣчалъ сердито:

— Этэ мэльчишество! Я вамъ, мэлэдой чээкъ, всѣ ушонки эбэрву!

Еще снисходительнѣе къ малышамъ были «силачи», настоящіе, признанные всѣмъ возрастомъ, такъ сказать, патентованные силачи. Эти считали ниже своего достоинства форсить или забываться. И гостинцевъ у малышей они не отнимали, а довольствовались добровольными приношеніями — данью восхищенія и обожанія.

Въ каждомъ отдѣленіи былъ свой первый силачъ, второй, третій и т. д. Но, собственно, силачами считался

только первый десятокъ. Затѣмъ были главные силачи въ каждомъ возрастѣ и, наконецъ, существовалъ великій, богоподобный, несравненный, поклоняемый—первый силачъ во всей гимназіи. Вокругъ его личности рѣяла легенда. Онъ подымалъ страшныя тяжести, одолѣвалъ трехъ дядекъ разомъ, ломалъ подковы. Малыши изъ младшаго возраста глядѣли на него издали во время прогулокъ, разинувъ рты, какъ на идола.

Чтобы повыситься въ лѣстницѣ силачей было одно вѣрное, испытанное средство—драка. И часто впослѣдствіи, во время урока, приходилось Буланину писать такія, напримѣръ, летучія записочки, передаваемыя изъ рукъ въ руки по адресу:

«Козловъ, ты свинья. Послѣ Буркена выходи драться».

Дрались обыкновенно въ ватерклозетѣ. Все отдѣленіе присутствовало при этомъ. Иногда дерущимся туго перевязывали веревкой основаніе кисти для того, чтобы кулакъ налился кровью и сталъ тяжелѣе. Строго соблюдались правила: подножку не давать, лежачаго не бить, не переходить въ «обхватку», за волосы не хватать, голову подъ мышку не зажимать, лица рукавомъ не закрывать. Свидѣтели слѣдили за правильностью драки; они же рѣшали на чьей сторонѣ побѣда. Надо сказать, что злобы въ этихъ дракахъ вовсе не было, и часто Буланинъ и Козловъ послѣ ожесточеннаго боя, омывъ разбитые носы у общаго умывальника, спокойно и дружелюбно играли черезъ пять минутъ въ пуговки или ѣздили верхомъ другъ на другѣ. Но существовало и еще одно строгое правило для такого рода дракъ. Если, напримѣръ, пятнадцатый силачъ побѣдилъ десятаго, то онъ долженъ былъ потомъ драться послѣдовательно съ четырнадцатымъ, тринадцатымъ, двѣнадцатымъ и одиннадцатымъ. И бывшій десятый продѣлывалъ то же самое, но въ обратномъ порядкѣ.

Угнетаемые также раздѣлялись на нѣсколько классовъ. Между ними были «фискалы» или «суки», были «слабенькіе» (у этихъ существовало и другое, совсѣмъ неприличное названіе), «тихоня», «зубрилы», «подлизы» и, наконецъ, «рыбаки» или «мореплаватели».

VI.

Фискалы.—Письмо Буланина.—Дядя Вася.—Его разсказы и пародіи на нихъ.—Блинчики дяди Васи.—Сысоевъ и Квадратуловъ.—Заговоръ.—Сысоева „накрываютъ".—Зубрилы.—Рыбаки.—Еще объ угнетаемыхъ.—Подлизы.

Въ гимназической жизни не было болѣе тяжкаго и опаснаго преступленія, какъ «фискальство». Фискала не принимали ни въ одну игру; не только дружиться съ нимъ или миролюбиво разговаривать, но даже подавать ему руку считалось унизительнымъ. Единственное обращеніе, допускаемое съ фискаломъ, были подзатыльники, сопровождаемые извѣстнымъ сатирическимъ куплетомъ:

Фискалъ,
Зубоскалъ,
По базару кишки таскалъ.

Такимъ образомъ, фискалъ считался навсегда исключеннымъ изъ общества, и только какая-нибудь особенно дерзкая выходка, направленная къ спасенію «попавшагося» товарища или ко вреду нелюбимаго воспитателя, могла заслужить ему полное прощеніе.

Надо замѣтить, что сознательнаго фискальства—изъ выгодъ, изъ желанія отличиться или пріобрѣсти довѣріе воспитателя—въ гимназіи совсѣмъ не было, и устное преданіе не запомнило ни одного такого случая. Большею частью репутація фискала пріобрѣталась невольно.

По издавна укоренившемуся правилу, воспитанникъ, получившій въ дракѣ или по другому поводу здоровенный синякъ подъ глазомъ, долженъ былъ на вопросъ воспитателя о причинѣ такого украшенія отвѣчать, что, молъ, упалъ съ лѣстницы и расшибся (и почему-то виноватой всегда оказывалась лѣстница, такъ что даже воспитатели къ этому привыкли и спрашивали иронически: «Что? Съ лѣстницы упали?») Но иногда, по неопытности или движимый чувствами боли, мести или раздраженія, онъ называлъ истинную причину возникновенія синяка. Съ этого момента онъ уже становился фискаломъ.

Гимназическая среда ломала по-своему характеры и привычки. Чрезвычайно рѣдко попадали въ нее такія нервныя, самостоятельныя и чуткія ко всякому оскорбленію натуры, которыя отказывались мириться съ жестокимъ деспотизмомъ самодѣльныхъ обычаевъ. Одному Богу извѣстно, какъ калѣчила ихъ въ нравственномъ смыслѣ гимназія и какой отпечатокъ клало на всю ихъ жизнь вѣчное истерическое озлобленіе, поддерживаемое въ нихъ безпощадной травлей цѣлаго возраста.

Начиналось это съ того, что прибитый кѣмъ-нибудь мальчикъ шелъ къ воспитателю и жаловался. Его били за это вторично, били въ третій и въ четвертый разъ... По мѣрѣ побоевъ росла упорная, безумная ненависть фискала къ его мучителямъ и доходила въ концѣ-концовъ до того, что онъ самъ выискивалъ случаи пойти наперекоръ установившимся законамъ. Покинутый, обѣгаемый и презираемый всѣми, онъ молча разжигалъ въ себѣ жгучую злобу противъ окружавшаго его маленькаго міра. Завязывалась страшная, неравная борьба между истерзаннымъ, полубольнымъ, слабымъ мальчикомъ и цѣлой ордой безшабашныхъ сорванцовъ...

Такого фискала, конечно, остерегались, потому что, если въ его присутствіи совершалось что-нибудь про-

тивозаконное, онъ говорилъ со злораднымъ торжествомъ: «А вотъ я пойду и пожалуюсь воспитателю!» И несмотря на то, что его стращали самыми ужасными послѣдствіями, онъ шелъ и дѣйствительно фискалилъ. Наконецъ обоюдная ненависть достигала такихъ предѣловъ, что дальше ей итти было некуда. Тогда противъ фискала употреблялось послѣднее звѣрское средство: его, выражаясь гимназическимъ жаргономъ, «накрывали».

Одинъ такой случай остался неизгладимо въ памяти Буланина, даже запомнился мѣсяцъ и число, потому что на другой же день Буланинъ писалъ своей сестрѣ-институткѣ поздравленіе и вскользь упоминалъ о «случаѣ».

«Милая Любочка!

Поздравляю тебя съ днемъ твоего Ангела и отъ души желаю тебѣ всего-всего хорошаго. Хотѣлъ бы очень поздравить тебя лично, но, къ несчастью, невозможно. Посылаю тебѣ двѣ налѣпныя картинки: кошечку и цвѣты. Извини, что ничего лучше не посылаю. А у насъ былъ вчера случай. Второклассники накрыли фискала, и онъ теперь въ лазаретѣ, чтобы не фискалилъ. Картинки я вымѣнялъ у Чижова на двѣ дюжины перьевъ съ Наполеономъ. А били его ночью, когда всѣ воспитанники заснули, только я все слышалъ. Засимъ цѣлую тебя крѣпко. Твой любящій тебя братъ М. Буланинъ».

Поздравленіе это было послано Буланинымъ 16 сентября, а событіе, о которомъ онъ въ немъ писалъ, произошло днемъ раньше, на дежурствѣ «дяди Васи»

«Дядей Васей» прозвали Василія Васильевича Бипкевича, одного изъ двухъ штатскихъ воспитателей младшаго возраста. У него также имѣлось два другихъ прозвища: Черноморъ—за густую, длинную бороду, и Вральманъ—за его отчаянно-неправдоподобные разсказы «изъ прежней жизни».

Дѣйствительно, дядя Вася за свою долгую воспитательскую практику изолгался до такой степени, что если бы онъ и вздумалъ разсказать когда-нибудь о настоящемъ, невымышленномъ происшествіи, — ему не повѣрилъ бы ни одинъ малышъ. Вралъ онъ вовсе не для снисканія популярности, а искренно и безкорыстно, какъ заправскій художникъ. Импровизируя разсказы о самыхъ изумительныхъ, чудовищныхъ приключеніяхъ, которыя заставили бы покраснѣть самого барона Мюнхгаузена, дядя Вася увлекался до того, что, безъ сомнѣнія, не только глубоко вѣрилъ въ подлинность этихъ приключеній, но даже какъ будто бы переживалъ ихъ вторично.

Для дяди Васи вовсе не было тайной, что воспитанники чуть ли не въ глаза смѣются надъ нимъ, но все же, несмотря на это, онъ не могъ воздержаться отъ неистоваго вранья. Трудно сказать, какимъ образомъ эта черта родилась въ немъ и разрослась до такихъ удивительныхъ размѣровъ. Явилась ли она въ тѣ долгіе зимніе вечера, когда дежурные воспитатели, опалѣвъ отъ скуки, безцѣльно по цѣлымъ часамъ бродили взадъ и впередъ по заламъ или изводили кипы бумаги, изображая сотни разъ подъ рядъ свою фамилію съ какимъ-либо замысловатымъ росчеркомъ? Было ли это вранье слѣдствіемъ рѣдкаго перевѣса фантазіи надъ разсудкомъ и волей? Или, можетъ быть, въ немъ, въ этомъ враньѣ, находилъ себѣ позднее, своеобразное утѣшеніе бывшій честолюбецъ, которому не улыбнулась судьба?.. Или, наконецъ, не скрывался ли за почтенной наружностью дяди Васи тихій, безопасный маньякъ?

Въ своихъ разсказахъ дядя Вася весьма небрежно обращался какъ съ историческими фактами, такъ и съ данными, вытекавшими изъ его предыдущихъ разсказовъ. Иногда онъ фигурировалъ въ нихъ въ качествѣ гражданскаго инженера, строившаго мостъ черезъ

Волгу и реставрировавшаго Исаакіевскій соборъ; въ другой разъ онъ отправлялся чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижъ; въ слѣдующій вечеръ участвовалъ въ венгерской кампаніи, будучи блестящимъ офицеромъ гвардейской кавалеріи. И если, напримѣръ, постройка моста черезъ Волгу совпадала по времени съ чрезвычайной миссіей въ Парижѣ и кто-нибудь изъ слушателей лукаво замѣчалъ это, дядя Вася отвѣчалъ, ни мало не смущаясь:

— Ну да... что же тутъ особеннаго? Я такъ и дѣлалъ: недѣлю строю мостъ,—потомъ ѣду въ Парижъ; тамъ проведу недѣлю, — и опять на Волгу. Все на экстренныхъ поѣздахъ... По сто семидесяти верстъ въ часъ!..

Ему ничего не стоило разсказать хотя бы о томъ, какъ онъ по желанію императора Николая I читалъ лекціи инженернаго искусства и небесной механики его сыну Александру. При этомъ дядю Васю вовсе не стѣсняло то обстоятельство, что онъ былъ приблизительно лѣтъ на десять моложе своего ученика.

Любовью гимназистовъ дядя Вася не пользовался такъ же, какъ не пользовался ею ни одинъ воспитатель. Но такъ какъ дядя Вася большого вреда не дѣлалъ, не устраивалъ «куриламъ» ловушекъ и, зная гимназическіе нравы, не жаловалъ фискаловъ, то и вражды къ нему возрастъ не питалъ. А вранье его даже привлекало всегда многочисленныхъ слушателей.

Обыкновенно послѣ обѣда, когда до вечернихъ занятій давалось два часа свободнаго времени, кто-нибудь изъ второклассниковъ «собиралъ компанію» слушать дядю Васю. Охотники сейчасъ же находились. Они разыскивали дядю Васю въ дежурной или въ одномъ изъ классовъ, окружали его и просили:

— Василь Василичъ, разскажите что-нибудь изъ вашей прежней жизни.

Дядя Вася сначала, для виду, отнѣкивался, говорилъ, что ему некогда, что онъ все давно и забылъ, и наконецъ (уже начиная сдаваться), что «не знаетъ, о чемъ бы это разсказать»... Тогда его понемногу наталкивали на тему:

— Ну, разскажите что-нибудь про дворецъ. Вы же вѣдь бывали во дворцѣ, Василь Василичъ?

И онъ принимался разсказывать, сперва вяло, какъ будто бы нехотя, но потомъ закусывалъ удила и создавалъ одну вдохновенную импровизацію за другой. Тѣмъ временемъ слушатели подбѣгали со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ вокругъ дяди Васи образовывалось густое сплошное кольцо. Нѣкоторые шли по бокамъ дяди Васи, другіе сзади, протискивая головы впередъ, чтобы лучше слышать, третьи, обнявшись и образовавъ неразрывную цѣпь, пятились задомъ. Каждый разъ, дойдя до одного изъ концовъ залы, дядя Вася медленно топтался на мѣстѣ, чтобы дать время повернуться всему окружавшему его живому ядру.

— Былъ однажды я приглашенъ на парадный балъ во дворецъ,—говорилъ онъ, расправляя на обѣ стороны свою длинную бороду, придававшую ему видъ библейскаго патріарха.—Ну, понятно, вся знать здѣсь: иностранные кронпринцы, дипломатическій корпусъ, генералитетъ и все прочее... И ужъ, конечно, танцы танцуютъ не какіе-нибудь, а, напримѣръ, экоссезъ, полонезъ и все въ этомъ родѣ. Стою я на одномъ концѣ залы, а на другомъ сидитъ на бархатномъ малиновомъ диванѣ маркграфиня Бранденбургская. Ну, прямо—писаная красавица... въ бѣломъ атласномъ платьѣ и шлейфъ аршинъ въ девять... Только вдругъ, вижу я, маркграфиня роняетъ вѣеръ... Тутъ сейчасъ же кидаются къ ней князья тамъ разные... графы, бароны... Понятно, каждому лестно услужить. А я и думаю себѣ: «Нѣтъ, думаю, хоть вы и бароны и графы, но вы еще не знаете Василь Василича

Бинкевича...» А зала, надо вамъ сказать, шаговъ пятьсотъ имѣла въ длину. Разбѣжался я, знаете ли, подпрыгнулъ этакъ вверхъ и черезъ всю залу пролетѣлъ на одной шпорѣ. Пролетѣлъ, схватилъ раньше всѣхъ вѣеръ и уже несу маркграфинѣ. А посланникъ американскій... забылъ его фамилію... страшный богачъ, милліонеръ... отводитъ меня въ сторону и говоритъ тихонько: «Послушайте, передайте мнѣ этотъ вѣеръ, мнѣ необходимо для политическихъ видовъ, а я вамъ за него сейчасъ же выдамъ чистоганомъ пятьсотъ тысячъ долларовъ». Ну, ужъ я его и обрѣзалъ: «Нѣтъ, говорю, мистеръ... эхъ, бѣда, забылъ фамилію-то!.. ну, да у меня дома записано, потомъ припомню... нѣтъ, мистеръ, русскаго гвардейскаго офицера не только за полмилліона, а даже за всѣ сокровища Новаго Свѣта нельзя купить...» Послѣ этого государь меня къ себѣ подзываетъ. «Здравствуй, Василь Василичъ, давно мы съ тобой не видались». Я говорю: «Давненько, ваше величество». Ну, конечно, поговорили мы немного. Потомъ государь и говоритъ: «Знаешь, Василь Василичъ, я вѣдь тебя давно хотѣлъ видѣть. Не желаешь ли ты занять постъ министра путей сообщенія?» А я отвѣчаю: «Нѣтъ, ваше величество, это должность хлопотливая, и притомъ многіе будутъ мнѣ завидовать, дайте мнѣ лучше мѣсто воспитателя въ военной гимназіи». «Ну, хорошо,— говоритъ государь:—будь по-твоему. А за то, что ты американца сконфузилъ, объявляю тебѣ мое спасибо».

На темы разсказовъ дяди Васи ходили между воспитанниками пародіи, преувеличенныя до абсурда. Въ одной изъ нихъ говорилось, напримѣръ, о томъ, какъ дядю Васю во время его путешествія со Стэнли выбросило на *необитаемый* островъ. Тотчасъ же сбѣжались дикари, а дикари на этомъ необитаемомъ островѣ были поголовно людоѣды. Сначала они кинулись было на дядю Васю съ томагауками, но тотчасъ же опомнились. «Ахъ,

это вы, Василь Василичъ! Извините, пожалуйста, а мы было васъ совсѣмъ не узнали».—«То-то же, негодяи, смотрите у меня въ другой разъ,—замѣтилъ имъ строго дядя Вася.—А гдѣ же здѣсь пройти въ Петербургъ?»—«А вотъ-съ, сюда пожалуйте, сюда... Ступайте по этой дорожкѣ, все прямо, прямо, такъ и дойдете до самаго Петербурга,—отвѣчали дикари, падая на прощанье въ ноги дядѣ Васѣ.

16 сентября, послѣ обѣда, дядя Вася ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, окруженный, по обыкновенію, густой толпой воспитанниковъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ во время блокады Парижа прусской арміей осажденные—въ томъ числѣ, конечно, и дядя Вася—принуждены были питаться кошкою и дохлыми крысами, и какъ потомъ, по совѣту дяди Васи, его задушевный другъ Гамбетта рѣшился сдѣлать путешествіе на воздушномъ шарѣ.

Разсказъ изобиловалъ комическими штрихами, и Бинкевичъ, поощряемый неумолкаемымъ дружнымъ хохотомъ публики, вралъ особенно затѣйливо. Но онъ и не догадывался, что причиной смѣха служили вовсе не комическія мѣста его импровизаціи, а тѣ рожи, которыя за его спиной строилъ второклассникъ Карауловъ (для чего-то перековерканный товарищами въ Квадратулова).

Особенная прелесть штукъ, откалываемыхъ Квадратуловымъ, заключалась въ томъ, что онъ только-что стащилъ въ дежурной комнатѣ со стола цѣлый десятокъ блинчиковъ съ вареньемъ, принесенныхъ на обѣдъ дядѣ Васѣ въ видѣ третьяго блюда. (Дядѣ Васѣ постоянно приносили обѣдъ въ возрастъ изъ дому, и это, между прочимъ, служило поводомъ нѣкотораго уваженія къ нему со стороны воспитанниковъ. Были и такіе воспитатели, какъ, напримѣръ, Утка, которые съѣдали казенный обѣдъ въ удвоенной порціи). И теперь за спиной дяди Васи Квадратуловъ поѣдалъ эти блинчики, то

отправляя въ р[illegible]ть сразу по двѣ штуки и дѣлая видъ, что давится [illegible]ими, то улыбаясь, какъ будто бы отъ большого удов[illegible]льствія, до ушей и поглаживая себя по животу, т[illegible]о, при поворотахъ, изображая лицомъ и всей фигур[illegible]й страшнѣйшій испугъ.

Дядя Вася, набросивъ съ живописными подробностями процедуру надуванія шара, перешелъ уже къ тѣмъ трогательнымъ словамъ прощанья, которыя онъ сказалъ отлетавшему Гамбеттѣ. Но какъ разъ на этомъ интересномъ мѣстѣ его прервалъ дежурный воспитанникъ, подбѣжавшій съ докладомъ, что директоръ осматриваетъ спальню младшаго возраста. Дядя Вася поспѣшно выбрался изъ облѣпившей его толпы, обѣщавъ досказать воздушное путешествіе Гамбетты какъ-нибудь въ другой разъ.

Булапинъ былъ въ это время здѣсь же и видѣлъ, какъ второклассники со смѣхомъ окружили Квадратулова, поспѣшно доѣдавшаго послѣдній блинъ, и вмѣстѣ съ кимъ шумной гурьбой вошли въ отдѣленіе. Но минуту или двѣ спустя этотъ смѣхъ какъ-то вдругъ оборвался, потомъ послышался сердитый голосъ Квадратулова, закричавшаго на весь возрастъ: «А тебѣ-то что за дѣло, свинья?!», затѣмъ, послѣ короткой паузы, раздался бѣшеный взрывъ общей руготни и изъ дверей стремительно выбѣжалъ второклассникъ Сысоевъ.

Этотъ Сысоевъ, ненавидимый товарищами за неисправимое фискальство и постоянно ими избиваемый, всегда и какъ-то мучительно тревожилъ любопытство Булапина. Гимназическая шлифовка не положила своего казеннаго отпечатка на его красивое, породистое и недѣтски серьезное лицо съ нездоровымъ румянцемъ, выступавшимъ неровными розовыми пятнами на щекахъ и подъ бровями. Для Булапина не было новостью открытая, непримиримая вражда, шедшая между этимъ худымъ, нѣжнымъ мальчикомъ и всѣмъ вторымъ

классомъ. И въ этой-то самой припадочной, безумной дерзости, съ которой Сысоевъ возставалъ противъ «всѣхъ», и заключалось для Буланина то загадочное, страшное и притягивающее, что такъ часто привлекало его вниманіе.

Выбѣжавъ изъ класса, весь блѣдный, трясущійся, съ разорваннымъ чьими-то руками воротникомъ пиджака, Сысоевъ остановился въ дверяхъ и выкрикнулъ, задыхаясь отъ злобы:

— А вотъ нарочно... и пойду, и пожалуюсь... Скажу, кто укралъ, скажу!.. Вотъ нарочно профискалю... Назло, назло, назло...

Изъ класса со свистомъ и гиканьемъ выскочило человѣкъ десять съ Квадратуловымъ во главѣ. Сысоевъ бросился отъ нихъ, точно заяцъ, преслѣдуемый собаками, весь скорчившись, неровными скачками, спрятавъ голову между плечъ и поминутно оглядываясь. За нимъ гнались черезъ обѣ залы, и только тогда, когда онъ съ разбѣгу влетѣлъ въ «дежурную», преслѣдователи такъ же быстро разсыпались въ разныя стороны.

Въ этотъ вечеръ среди второклассниковъ было замѣчено странное, необычное, но глухое оживленіе. Въ тѣ свободные полчаса, что давались до вечерняго чая, они ходили кучками, по-четверо и по-пятеро, обнявшись. Говорили о чемъ-то чрезвычайно горячо, но вполголоса, наклоняясь одинъ къ другому и боязливо озираясь по сторонамъ: при приближеніи новичка они замолкали съ враждебнымъ видомъ. Другіе въ одиночку шныряли между этими кучками, подходили къ нимъ поочередно, бросали на лету какія-то слова, производившія еще большее волненіе, и торопливо, съ таинственнымъ лицомъ, спѣшили къ слѣдующимъ кучкамъ. Новички съ боязливымъ любопытствомъ наблюдали за этой загадочной суетой. Чувствовалось, что приготовляется что-то большое, серьезное и нехорошее.

Буланинъ зазвалъ за классную доску Сельскаго, всегда благоволившаго къ нему, и сталъ просить умоляющимъ тономъ:

— Послушай, Сельскій, голубчикъ, что такое во второмъ классѣ дѣлается? Ну, миленькій, ну, разскажи, пожалуйста...

— Много будешь знать—скоро состаришься,—сухо отвѣтилъ Сельскій.

— Сельскій, душечка, ей-Богу, никому не скажу. Прошу тебя... пожалуйста...

Сельскій отрицательно покачалъ головой и хотѣлъ уйти изъ-за доски. Но Буланинъ ухватился за его рукавъ и еще настойчивѣе присталъ къ нему. Въ концѣ-концовъ твердость Сельскаго не выдержала, тѣмъ болѣе, что у него самого, повидимому, чесался языкъ подѣлиться секретомъ.

— Ну, такъ и быть... ладно,—сказалъ онъ, сдавшись окончательно.—Только смотри, помнить уговоръ: чуръ, никому ни полсловечка.

И, обернувшись во всѣ стороны съ недовѣрчивымъ видомъ, Сельскій добавилъ, понижая голосъ:

— Сегодня ночью старички хотятъ «накрыть» Сысоева.

Буланинъ не понялъ всего смысла, заключавшагося въ словахъ Сельскаго, но тонъ, какимъ они были произнесены, и этотъ незнакомый терминъ,—сразу произвели на него впечатлѣніе чего-то сверхъестественнаго и ужаснаго, подобно тѣмъ простымъ словамъ, которыя иногда въ лихорадочныхъ снахъ принимаютъ такое зловѣщее, потрясающее значеніе.

— Накрыть? Ты сказалъ—накрыть?—повторилъ Буланинъ, широко раскрывая глаза:—что это значитъ?

Доброе, миловидное лицо Сельскаго нахмурилось, и онъ отвѣчалъ съ напускной суровостью:

— А очень просто. Накроютъ голову одѣяломъ или

подушкой, чтобъ не кричалъ, и отдуютъ по чемъ попало... И такъ и нужно,—добавилъ онъ, нарочно разогрѣвая въ себѣ злобное чувство.—Такъ и нужно. Въ другой разъ пусть не фискалитъ, каналья.

Буланинъ вдругъ почувствовалъ странный, раздражающій холодъ въ груди, и кисти его рукъ, мгновенно похолодѣвъ, сдѣлались влажными и слабыми. Ему представилось, что на его собственное лицо наложили мягкую подушку и что онъ задыхается подъ ней.

— Про кого жъ онъ... профискалилъ?—спросилъ, справившись, наконецъ, со своимъ воображеніемъ, Буланинъ.

— Про Караулова. Караулевъ сперъ у дяди Васи какіе-то тамъ блинчики, что ли, а этотъ пошелъ и профискалилъ.

— Зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ? Ему-то что?

— Ну, вотъ, поди же!.. Одно слово—*психъ!*—рѣшилъ Сельскій, выговаривая это опредѣленіе съ невыразимымъ презрѣніемъ.—Еще куда бы ни шло, если бъ онъ самому дядѣ Васѣ сказалъ,—дядя Вася не обратилъ бы вниманія,—а то онъ въ дежурной прямо на директора наткнулся, да и бухнулъ при немъ. А директоръ взялъ да и оставилъ Караулова до Рождества безъ отпуска. Можетъ быть, даже погоны снимутъ...

Сельскій повернулся, чтобы выйти изъ-за доски, но Буланинъ еще разъ остановилъ его.

— Сельскій, подожди... А очень больно ему будетъ, когда его... накроютъ?—спросилъ онъ съ выраженіемъ страданія въ глазахъ.

— Н-да-а... Ужъ въ другой разъ позабудетъ какъ и фискалить... Навѣрно, въ лазаретъ завтра пойдетъ. А ты, Буланка, вотъ что: если будешь болтать, плохо тебѣ придется. Понимаешь?

За вечернимъ чаемъ всѣ отдѣленія возраста сидѣли обыкновенно на разныхъ столахъ. Буланинъ съ своего

мѣста видѣлъ лицо Сысоева и его длинные, тонкіе пальцы, крошившіе нервными движеніями булку. Пятна румянца выступили рѣзче на его щекахъ, глаза были опущены внизъ, правый уголъ рта по временамъ судорожно подергивался. «Знаетъ ли онъ? Предчувствуетъ ли онъ что-нибудь?—думаетъ Буланинъ, не отводя испуганныхъ глазъ отъ этого лица.—Что онъ будетъ чувствовать всю эту ночь? Что онъ будетъ чувствовать завтра утромъ?» И нестерпимое жадное любопытство овладѣло Буланинымъ. Ему вдругъ до мученія, до боли захотѣлось узнать *все*, рѣшительно все, что теперь дѣлается въ душѣ Сысоева, ставшаго въ его глазахъ какимъ-то необыкновеннымъ, удивительнымъ существомъ; захотѣлось отождествиться съ нимъ, проникнуть въ его сердце, слиться съ нимъ мыслями и ощущеніями.

Подъ вліяніемъ пристальнаго взгляда Сысоевъ медленно поднялъ рѣсницы и повернулъ голову. Глаза его въ упоръ встрѣтились съ глазами Буланина и остановились, и въ ту же секунду Буланинъ совершенно ясно понялъ, что Сысоевъ уже *знаетъ*, что будетъ съ нимъ сегодня вечеромъ, знаетъ даже, что Буланину это извѣстно, знаетъ даже и то, что теперь происходитъ въ душѣ самого Буланина. Какъ бы въ отвѣтъ на долгій взглядъ Буланина, какая-то чудная улыбка, слабая, грустная и ласковая, чуть-чуть тронула губы Сысоева, а рѣсницы его опять медленно опустились внизъ съ болѣзненнымъ и усталымъ выраженіемъ.

Послѣ молитвы въ спальнѣ младшаго возраста не было обычной возни, хохота и бѣготни. Къ одиннадцати часамъ все стихло. Дядя Вася въ послѣдній разъ обошелъ всѣ проходы спальни и ушелъ въ дежурную. Слѣдомъ за нимъ по коридору прокрался кто-то босой, въ одной рубашкѣ, съ головой, закутанной тужуркой. Буланинъ догадался, что это «сторожъ». Дѣйствительно, черезъ пять минутъ «сторожъ» вернулся и, не открывая

головы, протяжно свистнулъ. Тотчасъ же въ томъ отдѣленіи, гдѣ спалъ второй классъ, послышался звукъ, въ значеніи котораго Буланинъ не могъ ошибиться: кто-то опустилъ висячую лампу внизъ и затѣмъ быстро толкнулъ ее вверхъ, чтобы она потухла. Вслѣдъ за первой потушили и вторую лампу. Въ спальнѣ стало темнѣе.

Буланинъ лежалъ, чутко прислушиваясь, но ничего не могъ разобрать, кромѣ дыханія спящихъ сосѣдей и частыхъ сильныхъ ударовъ своего сердца. Минутами ему казалось, что гдѣ-то недалеко слышатся медленные крадущіеся шаги босыхъ ногъ. Тогда онъ задерживалъ дыханіе и напрягалъ слухъ. Отъ волненія ему начинало представляться, что на самомъ дѣлѣ и слѣва, и справа, и изъ-за стѣнъ—крадутся эти осторожныя босыя ноги, а сердце еще громче, еще тревожнѣе стучало въ его груди.

И вдругъ среди этого жуткаго безмолвія раздался громкій, прерывающійся голосъ Сысоева, въ которомъ слились вмѣстѣ и страхъ, и тоска, и ненависть:

— Кто тамъ? Я вижу... Я вижу тебя! Зачѣмъ ты прячешься!..

Буланинъ приподнялся и сѣлъ на кровати, со страхомъ вглядываясь въ темноту. Нижняя челюсть его, противъ воли, часто и сильно стучала о верхнюю.

— Оставь!—закричалъ пронзительно Сысоевъ:— Оставь меня!.. Ос...

Крикъ внезапно оборвался, окончившись глухимъ стономъ. «Они подушкой его... подушкой»,—мелькнуло въ головѣ Буланина, охваченнаго жалостью и ужасомъ. Потомъ послышался сдержанный шумъ молчаливой, ожесточенной возни, тяжелое дыханіе, шлепанье босыхъ ногъ и частые, какъ градъ, тупые удары.

Сколько времени это продолжалось, Буланинъ не могъ опредѣлить: можетъ быть—минуту, можетъ быть—полчаса. Вдругъ «сторожъ» опять свистнулъ.

Десятки босыхъ ногъ безпорядочно, быстро и звонко зашлепали по паркету, гдѣ-то повалили табуретку, кто-то задѣлъ за кроватв, и тотчасъ же все опять стихло.

До слуха Буланина долетѣли слабые протяжные стоны... Сысоевъ ужъ не могъ кричать.

Сельскій былъ правъ: на другой же день фискала отправили въ лазаретъ, а черезъ мѣсяцъ родные вовсе взяли его изъ гимназіи. Непонятнымъ, поразительнымъ казалось Буланину, почему, покидая навѣкъ гимназію, Сысоевъ не воспользовался послѣдней местью, остававшейся у него въ рукахъ, почему онъ ни слова никому не сказалъ о томъ, что съ нимъ дѣлали въ ту страшную ночь: безъ сомнѣнія, зачинщиковъ по меньшей мѣрѣ сильно высѣкли бы. И въ этомъ умолчаніи Буланину чудилось присутствіе того же загадочнаго, таинственнаго, что такъ тянуло его къ Сысоеву за вечернимъ чаемъ.

Довольно сильнымъ утѣсненіямъ съ разныхъ сторонъ подвергались и «зубрилы-мученики».

Въ то время, когда форсилы и отчаянные не безъ хвастливой гордости декламировали:

Единицы да нули —
Вотъ и всѣ мои баллы.
Двоекъ, троекъ очень мало,
А пятерокъ и „шеперокъ"
Совершенно не бывало,

для зубрилы единица казалась самымъ страшнымъ предметомъ въ мірѣ. Чтобы избѣжать «кола», зубрило каждый вечеръ такъ старался, что на него и жалко и забавно было смотрѣть. Заткнувъ оба уха большими пальцами, а остальными плотно придавивъ зажмуренные глаза, и качаясь взадъ и впередъ, зубрило иногда въ продолженіе цѣлаго часа повторялъ одну и ту же

Нгмо. 26/XI-4

фразу: «Для того, чтобы найти общее наименьшее кратное двухъ или нѣсколькихъ чиселъ... для того, чтобъ найти... чтобъ найти... чтобъ найти...» Но смыслъ этихъ словъ оставался для него темнъ и далекъ, а если наконецъ и запечатлѣвалась въ умѣ его цѣлая фраза, то стоило рѣзвому товарищу подбѣжать и вырвать книгу изъ-подъ носа зубрилы или стукнуть его мимоходомъ по затылку, какъ все, назубренное съ такимъ великимъ трудомъ, мгновенно выскакивало изъ его слабой головы. Несмотря на всѣ старанія зубрилы избѣжать единицы, онъ все-таки на другой день получалъ ее и каждый разъ неизмѣнно, садясь на мѣсто, заливался горькими слезами, вызывавшими дружный хохотъ отдѣленія.

Изъ числа угнетаемыхъ больше всего могли бы вызывать сожалѣніе «рыбаки» или «мореплаватели». Такъ назывались несчастные мальчики, страдавшіе весьма нерѣдкимъ въ данномъ возрастѣ недостаткомъ, заключавшимся лишь въ неумѣніи во-время просыпаться ночью. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ этихъ робкихъ, запуганныхъ, нервныхъ дѣтей,—будь поменьше за нимъ надзора и побольше снисхожденія къ нему,—безъ труда выучился бы сдерживать свои невольныя отправленія. Но по отношенію къ нимъ— и начальство и товарищи дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы рыбаки ни на минуту не забывали о своемъ недостаткѣ...

Прежде всего начальство распорядилось отдѣлить рыбаковъ отъ товарищей и отвести имъ отдѣльное мѣсто, поближе къ умывалкѣ. Затѣмъ обыкновенные волосяные матрацы у рыбаковъ были замѣнены соломенными тюфяками, конечно, въ виду экономіи. Тюфяки эти не обновлялись въ теченіе цѣлаго года (и даже чуть ли не переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе), такъ что солома въ нихъ окончательно сгнивала, обращаясь въ зловонную густую массу. Проходя мимо «рыбацкой слободки», каждый воспитанникъ непремѣнно зажималъ крѣпко

носъ и на нѣсколько секундъ затаивалъ дыханіе. Нервныхъ субъектовъ прямо-таки тошнило отъ этого ужаснаго запаха.

Нечего и говорить о томъ, какъ «травили» и «изводили» бѣдныхъ мореплавателей товарищи. Каждый, проходившій вечеромъ около ихъ кроватей, считалъ своимъ долгомъ бросить по адресу «рыбаковъ» нѣсколько обидныхъ словъ, а рыбаки только молчали, глубоко сознавая свою вину передъ обществомъ. Иногда кому-нибудь вдругъ приходила въ голову остроумная мысль—заняться лѣченіемъ рыбаковъ. Почему-то существовало убѣжденіе, что отъ этой болѣзни очень хорошо помогаетъ, если паціента высѣчь ночью на порогѣ дверей сапожнымъ голенищемъ. И вотъ, часовъ въ двѣнадцать, цѣлая орда хватала спящаго рыбака за руки и за ноги, влекла его къ дверямъ, распластывала поперекъ порога и начинала, подъ общій хохотъ, свистъ и гиканье, симпатическое лѣченіе.

Товарищи все-таки обращали на рыбаковъ больше вниманія, чѣмъ начальство. Они, хотя и въ дикой формѣ, но проявляли своеобразную заботливость объ ихъ здоровьѣ. Начальство же и медицинскій персоналъ глядѣли на этотъ вопросъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

«Тихони» и «слабенькіе» были въ гимназіи такими же, какъ и во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. На «подлизъ» смотрѣли нѣсколько строже. Если замѣчали, что воспитанникъ черезчуръ часто суется къ преподавателямъ съ предложеніемъ ножичка и карандашика или лѣзетъ къ нимъ съ просьбами объяснить непонятное мѣсто, или постоянно подымаетъ кверху руку, говоря: «Позвольте мнѣ, г. преподаватель, я знаю...», въ то время, когда спрошенный товарищъ только хлопаетъ въ недоумѣніи глазами,—когда замѣчали за кѣмъ-нибудь такое поведеніе, его считали подлизой...

Но «подлизываться» слишкомъ долго и слишкомъ откровенно—было и невыгодно и невозможно, потому что въ концѣ-концовъ весь классъ ожесточался противъ подлизы. Тогда стоило ему только встать съ предложеніемъ услугъ или поднять кверху руку, какъ весь классъ начиналъ топать ногами и кричать: «Садись!.. На мѣсто; на мѣсто...» Въ то же время безцеремонныя руки хватались за фалды его пиджака и тянули его обратно на скамейку. Съ цѣлымъ классомъ шутить было опасно; и если преподаватель въ этихъ случаяхъ спрашивалъ подлизу, что онъ хотѣлъ сказать или сдѣлать, подлиза, поспѣшно садясь на мѣсто, бормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего г. преподаватель. Я ошибся... я такъ...

Такъ сортировала эта безшабашная своеобразная мальчишеская республика своихъ членовъ, закаляя ихъ въ физическомъ отношеніи и калѣча въ нравственномъ. И много-много выпало на долю Буланина колотушекъ, голодныхъ дней, невыплаканныхъ слезъ и невысказанныхъ огорченій, пока онъ самъ не огрубѣлъ и не сдѣлался равноправнымъ человѣкомъ въ этомъ буйномъ мірѣ.. Говорятъ, что въ теперешнихъ корпусахъ дѣло обстоитъ иначе. Говорятъ, что между кадетами и ихъ воспитателями создается мало-по-малу прочная, родственная связь. Такъ это или не такъ—это покажетъ будущее. Настоящее ничего не показало.

VII.

Военныя гимназіи.—Кадетскіе корпуса.—Финиковъ.—„Иванъ Иванычъ".—Труханов.—Рябковъ.—Дни рабства.—Катастрофа.

Какъ разъ въ этомъ же году военныя гимназіи превратились въ кадетскіе корпуса. Сдѣлалось это очень просто: воспитанникамъ прочитали высочайшій указъ, а черезъ нѣсколько дней повели ихъ въ спальни и велѣли вмѣсто старыхъ кепи пригнать круглыя фуражки с

краснымъ околышемъ и съ козырькомъ. Потомъ появились цвѣтные пояса и буквы масляной краской на погонахъ.

Это было время перелома, время всевозможныхъ броженій, страшнаго недовѣрія между педагогами и учащимися, распущенности въ строю и въ дисциплинѣ, чрезмѣрной строгости и нелѣпыхъ послабленій, время столкновенія гуманнаго милютинскаго, штатскаго начала съ суровымъ солдатскимъ режимомъ.

Большая неразбериха господствовала въ отношеніяхъ. Штатскіе преподаватели еще продолжали учить фронту, произнося командныя слова на дьяконскій распѣвъ. Между ними были большіе чудаки, которымъ оставалось годъ-два до полной пенсіи; на этихъ воспитанники чуть не ѣздили верхомъ. И составъ преподавателей все еще былъ какимъ-то допотопнымъ. Чего, напримѣръ, стоилъ одинъ Финиковъ, учитель ариѳметики въ младшихъ классахъ. Приходилъ онъ въ классъ оборванный, нечесаный, принося съ собою возмутительный запахъ грязнаго бѣлья и никогда не мытаго тѣла. Должно быть онъ былъ вѣчно голоденъ. Однажды кадеты положили ему въ выдвижной ящичекъ, около каѳедры, куда обыкновенно клали мѣлъ и губку, кусокъ крупяника, оставшагося отъ завтрака. Финиковъ, какъ будто по разсѣянности, съѣлъ его. Съ тѣхъ поръ его прозвали «крупяникомъ», но зато мальчишки никогда ужъ впослѣдствіи не забывали Финикова: если на завтракъ давали какое-нибудь нелюбимое блюдо, напримѣръ кулебяки съ рисомъ или зразы, то изъ числа тѣхъ кусковъ, которые удѣлялись дядькамъ, одинъ или два шли непремѣнно въ пользу Финикова.

Ставя отмѣтки, онъ терпѣть не могъ середины— любимыми его баллами было двѣнадцать съ четырьмя плюсами или ноль съ нѣсколькими минусами. Иногда же, вписавъ въ журналъ круглый ноль, онъ окружалъ

его со всѣхъ сторонъ минусами, какъ щетиной—это у него называлось «ноль съ сіяніемъ». И при этомъ онъ ржалъ, раскрывая свою огромную грязную пасть съ черными зубами.

Про него между кадетами ходилъ слухъ, что онъ, производя какой-то физическій опытъ, посадилъ свою маленькую дочь въ спиртъ и уморилъ ее. Это, конечно, было мальчишескимъ враньемъ, но въ Финиковѣ и вправду чувствовалось что-то непормальное; жизнь свою онъ кончилъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Многіе изъ учителей «зашибали». Этимъ порокомъ страдалъ добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ—«Иванъ Иванычъ», учитель исторіи. Но онъ никогда не терялъ внѣшняго приличнаго вида. Въ синемъ форменномъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ безукоризненномъ бѣльѣ, онъ бывало ходитъ-ходитъ по классу отъ оконъ къ дверямъ и вдругъ, точно мимоходомъ, юркнетъ за доску. Вынетъ изъ бокового кармана склянку, глотнетъ изъ нея нѣсколько разъ и опять выходитъ наружу, пожевывая какую-то лепешечку. По классу проносится струя спиртного запаха, кадеты гогочутъ, а Иванъ Иванычъ говоритъ жалобнымъ тоненькимъ голоскомъ, прижимая пальцы къ вискамъ:

— Не смѣйтесь, господа, нехорошо смѣяться. Я человѣкъ больной, у меня порокъ сердца. Если я не буду принимать лѣкарства, я могу каждую минуту умереть.

Ставилъ онъ исключительно высшіе баллы, а въ старшихъ классахъ передъ экзаменами предлагалъ кадетамъ написать ему на общей бумажкѣ, кто что хочетъ отвѣчать. На урокахъ его каждый дѣлалъ, что хотѣлъ: читали романы, играли въ пуговки, курили въ отдушникъ, ходили съ мѣста на мѣсто. Онъ только нервно потиралъ свои виски пальцами и упрашивалъ:

— Господа, господа, потише... Инспекторъ услышитъ...

У него было два прозвища: «Фанъ-Фанычъ» и—почему-то—«Елена съ ушами». Онъ былъ маленькій, бѣлокурый, лысенькій, въ пенснэ, которое у него поминутно спадало. Но у этого кроткаго, забитаго человѣка водилось одно рѣдкое и симпатичное пристрастіе—любовь къ исторіи Петра Великаго. На ея прохожденіе онъ тратилъ почти весь годъ въ седьмомъ классѣ и читалъ ее, конечно, не по Иловайскому, а по серьезнымъ научнымъ источникамъ. Когда кадетъ, отвѣчая урокъ о Полтавской битвѣ, приводилъ знаменитый Петровскій указъ, кончающійся словами: «а о Петрѣ вѣдайте, что Петру жизнь не дорога, жила бы только Россія, ея слава, честь и благоденствіе», Иванъ Иванычъ неизмѣнно останавливалъ его и, потирая виски, со слезами на глазахъ восклицалъ тоненькимъ восторженнымъ голосомъ:

— Ахъ, какія слова! Повторите, пожалуйста, еще разъ это прекрасное мѣсто. Господа, господа, прислушайтесь, прошу васъ.

И ужъ, конечно, ставилъ отвѣчающему двѣнадцать балловъ.

Иногда, прерывая свою лекцію о Петрѣ, онъ вдругъ восклицалъ мечтательно:

— Ахъ, господа! Всегда самая моя завѣтная мысль была—это пріобрѣсти хорошую англійскую гравюру съ портрета Петра Великаго. Но я человѣкъ бѣдный. Я бѣдный человѣкъ, господа...

На почвѣ этой его необузданной любви къ памяти великаго царя произошелъ однажды смѣшной и трогательный эпизодъ. Кадетъ Трофимовъ—рыжій длинный балбесъ со ртомъ до ушей и въ веснушкахъ—всталъ, науськанный кѣмъ-то, и спросилъ:

— Иванъ Иванычъ, а правда, что Петра назвали великимъ за то, что онъ былъ большого роста?

— Балванъ!—вдругъ завизжалъ Иванъ Иванычъ и побагровѣлъ и затопалъ ногами.—Негодяй! Шутъ!

И схвативши съ тумбочки губку, онъ запустилъ ею въ Трофимова. Но этого ему показалось мало. Онъ быстро взбѣжалъ на каѳедру, развернулъ журналъ и однимъ движеніемъ пера влѣпилъ Трофимову такую единицу—первую единицу за всю свою учительскую дѣятельность,—которая растянулась по крайней мѣрѣ на шесть чужихъ клѣтокъ вверхъ и внизъ.

Пилъ и другой учитель—русскаго языка—Михаилъ Ивановичъ Трухановъ, и пилъ, должно быть, преимущественно пиво, потому что при небольшомъ ростѣ и узкомъ сложеніи отличался чрезмѣрнымъ животомъ. У него была рыжая борода, синіе очки и сиплый голосъ. Однако съ этимъ сиплымъ голосомъ онъ замѣчательно художественно читалъ вслухъ Гоголя, Тургенева, Лермонтова и Пушкина. Самые отчаянные лѣнтяи, завѣдомые лоботрясы слушали его чтеніе какъ зачарованные, боясь пошевельнуться, боясь пропустить хоть одно слово. Какой удивительной красоты, какой глубины чувства достигалъ онъ своимъ простуженнымъ, пропитымъ голосомъ. Ему одному обязанъ былъ впослѣдствіи Буланинъ любовью къ русской литературѣ.

Учители нѣмецкаго языка всѣ, какъ на подборъ, были педантичны, строги и до смѣшного скупы на хорошія отмѣтки. Ихъ ненавидѣли и травили. Зато съ живыми, веселыми французами жили по-дружески, смѣялись, острили на ихъ урокахъ, хлопали ихъ по плечу. Если французскій языкъ былъ въ началѣ и въ концѣ классныхъ занятій, то особеннымъ шикомъ считалось вмѣсто молитвы до и послѣ ученья прочитать, напримѣръ, «Чижика» или «Эндеръ бэндеръ юзу дралъ».

Однако были и свирѣпые преподаватели, напримѣръ учитель географіи, подполковникъ Левъ Васильевичъ

Рябковъ. Сухой, желчный, вспыльчивый человѣкъ. Онъ рѣшительно всѣмъ воспитанникамъ, даже въ старшихъ классахъ, говорилъ «ты», младшихъ дергалъ за уши и вытягивалъ линейкой между плечъ, а иногда даже лягался шпорой. Но любимымъ для него развлеченіемъ было вытащить къ картѣ кадета съ польской фамиліей и непремѣнно католика. Въ теченіе цѣлаго часа изощрялся надъ нимъ Рябковъ, зло и грубо карикатуря его языкъ, національность и религію. Тутъ бывало и «жѣчь посполита», и «отъ можа и до можа», и «крулевство пульске», и «Матка Бозка Ченстоховска, змилуйся надъ нами, надъ поляками, а надъ москалями, якъ себѣ хцешь».

Этотъ Рябковъ удивительно красиво и точно чертилъ на доскѣ мѣломъ географическія карты—прямо точно печаталъ.

Но бѣдному Буланину было въ этотъ годъ не до науки. Надъ нимъ стряслась жестокая и подозрительная катастрофа.

Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ менѣе находилъ онъ въ себѣ рѣшимости признаться матери въ своемъ долгѣ Грузову за волшебный фонарь. Онъ смутно понималъ, что Аглая Ѳедоровна, по своему властному, придирчивому и чувствительному характеру, во что бы то ни стало выпытаетъ у Миши всѣ подробности и тогда ужъ непремѣнно полетитъ жаловаться самому директору корпуса. Что ей за дѣло до того, что она навѣки погубитъ товарищескую репутацію Буланина въ его тѣсномъ, замкнутомъ кадетскомъ міркѣ. Конечно, она считаетъ всѣ эти желѣзные внутренніе законы просто мальчишескими выдумками, которыя разлетятся прахомъ, стоитъ только открыть глаза начальству. Такъ думалъ за нее Буланинъ, и не ошибался, и былъ въ данномъ случаѣ мудрѣе и проницательнѣе своей матери.

И онъ не открывался ей. Онъ предпочиталъ прихо-

дить въ корпусъ съ пустыми руками и получать жестокіе побои отъ Грузова. Иногда ему удавалось внести въ счетъ долга гривенникъ или пару яблоковъ, или пятокъ украденныхъ у матери папиросъ. Но долгъ отъ этого уменьшался едва замѣтно, потому что Грузовъ запуталъ своего должника сложной системой ростовщичьихъ процентовъ.

Наконецъ, однажды, зимнимъ утромъ, въ понедѣльникъ, послѣ чаю, когда во всѣхъ классахъ и залахъ горѣли лампы, а кадеты уныло дрожали отъ холода, Грузовъ ткнулъ Буланина кулакомъ въ зубы и сказалъ:

— Слушай меня, ты, жулябія! Вижу, что деньги мои ты зажилилъ. Начнемъ счетъ снова. Ну, вотъ я тебѣ говорю: утренняя булка двѣ копейки, вечерняя—копейка, завтракъ—три копейки, второе блюдо за обѣдомъ—двѣ, третье—три. Когда хочу—тогда спрашиваю. Согласенъ? И это пусть будетъ за проценты. А два рубля отдашь потомъ.

— Хорошо, — сказалъ Буланинъ, не поднимая глазъ.

— Кромѣ того будешь мнѣ каждый день чистить сапоги. Это тоже за проценты... Да?

— Хорошо.

Наступило для Буланина жуткое, тяжелое время. Грузовъ отбиралъ у него всѣ утреннія булки, всѣ вкусные завтраки и непремѣнно третье блюдо за обѣдомъ, а иногда и третье и второе. Сапоги онъ долженъ былъ чистить Грузову до совершеннѣйшаго глянца, иначе тотъ билъ его и прогонялъ чистить вторично. Все это, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ матери, съ невозможностью объясниться съ нею и попросить помощи, сильно угнетало мальчика. Онъ опустился, сталъ разсѣянъ, сдѣлался неряхой, пересталъ учиться. Его постоянно наказывали, то ставя подъ лампу, то лишая пищи. И случалось нерѣдко, что за цѣлый день онъ питался только тарелкой

супа и двумя кусочками чернаго хлѣба—остальное шло Грузову и школьному правосудію.

Онъ поблѣднѣлъ, погрубѣлъ, обозлился и, самъ не желая этого, очутился на счету «отчаяннаго». Его все чаще и чаще лишали отпуска. Нельзя сказать, чтобы эта воспитательная мѣра помогала его разстроенной душѣ. Когда же онъ изрѣдка приходилъ въ отпускъ, то Аглая Ѳедоровна съ вечера субботы до вечера воскресенья выговаривала ему о томъ, каковы бываютъ дурные мальчики и какими должны быть хорошіе мальчики, о пользѣ труда и науки, о мудрости опыта, въ которую надо слѣпо вѣрить, а впослѣдствіи благодарить за преподанные уроки, и о прочемъ. Все это были золотыя, но ужасно скучныя и неубѣдительныя истины.

Буланинъ и самъ ужъ не такъ охотно ходилъ въ отпускъ въ тѣ рѣдкія недѣли, когда это ему разрѣшалось. Онъ изнервничался, сталъ шутовать передъ товарищами, терялъ мало-по-малу вкусъ къ жизни и дѣтское самоуваженіе. Тутъ-то надъ нимъ и разразилась катастрофа.

Въ воскресенье онъ былъ безъ отпуска. Послѣ обѣдни устраивали «слона», играли «въ горки», переодѣвались въ вывернутые наизнанку мундиры, мазали себѣ лица сажей изъ печки. Буланинымъ овладѣла какая-то пьяная, истерическая скука.. Стали ѣздить верхомъ другъ на другѣ. Буланинъ сѣлъ на плечи рослому Конисскому и долго носился на немъ по заламъ, пуская бумажныя стрѣлы.

Въ аркѣ, между залами, стоялъ штатскій воспитатель Кикинъ,—такъ, безличное существо, одинаково робѣвшее и заискивающее какъ передъ мальчишками, такъ и передъ начальствомъ. Буланину бросились въ глаза пряди его маслянистыхъ, бурыхъ, разноцвѣтныхъ волосъ, спускавшихся съ затылка на воротникъ. Онъ велѣлъ своей «лошадкѣ» остановиться и взялъ осторожно

двумя пальцами одну косичку. Для чего онъ это сдѣлалъ, онъ и самъ не зналъ. Противъ Кикина онъ не имѣлъ злобы. Молодечествовать тоже было не передъ кѣмъ, потому что кругомъ не было зрителей. Просто онъ это сдѣлалъ отъ темной, острой тоски, которая переполняла его душу.

Но Кикинъ вдругъ обернулся, поблѣднѣлъ, крикнулъ: «Что вы дѣлаете!» и поспѣшно побѣжалъ въ дежурную. Черезъ полчаса Буланина отвели въ карцеръ, гдѣ продержали сутки.

А въ четвергъ, послѣ утренняго чая, всѣхъ кадетъ младшей роты, вмѣсто того, чтобы распустить по классамъ, построили въ рекреаціонномъ залѣ. Собрались воспитатели всѣхъ четырехъ отдѣленій, перваго и второго класса, и наконецъ—и это было ужъ совсѣмъ необыкновеннымъ явленіемъ—пришелъ директоръ. Было еще не свѣтло, и въ классахъ горѣли лампы.

Директоръ вынулъ изъ-за обшлага какую-то бумагу, и Буланинъ вдругъ задрожалъ мелкой, противной, безнадежной дрожью.

— По постановленію педагогическаго комитета, кадетъ Буланинъ, позволившій себѣ такого-то числа возмутительно грубый поступокъ по отношенію къ дежурному воспитателю, приговаривается къ тѣлесному наказанію въ размѣрѣ десяти ударовъ розгами.

Случилось вдругъ отвратительное чудо. Прежде было сто мальчиковъ, ничѣмъ другъ отъ друга не отличавшихся, и между ними равный всѣмъ Буланинъ—и вотъ онъ выдѣлился, далеко отошелъ ото всѣхъ, заклейменный исключительнымъ позоромъ. Липкая тяжесть наваливалась на него, пригнула его къ землѣ, приплюснула.

— Кадетъ Буланинъ, выйдите впередъ!—приказалъ директоръ.

Онъ вышелъ. Онъ въ маленькомъ масштабѣ испыталъ все, что чувствуетъ преступникъ, приговоренный къ смертной казни. Такъ же его вели, и онъ даже не помышлялъ о бѣгствѣ или о сопротивленіи, такъ же онъ разсчитывалъ на чудо, на ангела Божія съ неба, такъ же онъ на своемъ длинномъ пути въ спальню цѣплялся душой за каждую уходящую минуту, за каждый сдѣланный шагъ, и такъ же онъ думалъ о томъ, что, вотъ, сто человѣкъ остались счастливыми, радостными, прежними мальчиками, а я *одинъ, одинъ* буду казненъ.

Въ спальнѣ, въ чистилкѣ, стояла скамейка, покрытая простыней. Войдя, онъ видѣлъ и не видѣлъ дядьку Балдѣя, державшаго руки за спиной. Двое другихъ дядекъ—Четуха и Куняевъ,—спустили съ него панталоны, сѣли Буланину на ноги и на голову. Онъ услышалъ затхлый запахъ солдатскихъ штановъ. Было ужасное чувство, самое ужасное въ этомъ истязаніи ребенка—это сознаніе неотвратимости, непреклонности чужой воли. Оно было въ тысячу разъ страшнѣе, чѣмъ физическая боль...

Прошло очень много лѣтъ, пока въ душѣ Буланина не зажила эта кровавая, долго сочившаяся рана. Да полно, зажила ли?

ОЛЕСЯ.

Повѣсть.

I.

Мой слуга, поваръ и спутникъ по охотѣ—полѣсовщикъ Ярмола вошелъ въ комнату, согнувшись подъ вязанкой дровъ, сбросилъ ее съ грохотомъ на полъ и подышалъ на замерзшіе пальцы.

— У какой вѣтеръ, панычъ, на дворѣ,—сказалъ онъ, садясь на корточки передъ заслонкой.—Нужно хорошо въ грубкѣ протопить. Позвольте запалочку, панычъ.

— Значитъ завтра на зайцевъ не пойдемъ, а? Какъ ты думаешь, Ярмола?

— Нѣтъ... не можно... слышите, какая завируха. Заяцъ теперь лежитъ и—а ни муръ-муръ... Завтра и одного слѣда не увидите.

Судьба забросила меня на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ глухую деревушку Волынской губерніи, на окраину Полѣсья, и охота была единственнымъ моимъ занятіемъ и удовольствіемъ. Признаюсь, въ то время, когда мнѣ предложили ѣхать въ деревню, я вовсе не думалъ такъ нестерпимо скучать. Я поѣхалъ даже съ радостью. «Полѣсье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытныя натуры,—думалъ я, сидя въ вагонѣ,—совсѣмъ незнакомый мнѣ народъ, со странными обычаями, свое-

образнымъ языкомъ... и ужъ, навѣрно, какое множество поэтическихъ легендъ, преданій и пѣсенъ!» А я въ то время (разсказывать, такъ все разсказывать) уже успѣлъ тиснуть въ одной маленькой газеткѣ разсказъ съ двумя убійствами и однимъ самоубійствомъ и зналъ теоретически, что для писателей полезно наблюдать нравы.

Но... или перебродскіе крестьяне отличались какою-то особенной, упорной несообщительностью, или я не умѣлъ взяться за дѣло,—отношенія мои съ ними ограничивались только тѣмъ, что, увидѣвъ меня, они еще издали снимали шапки, а поровнявшись со мной, угрюмо произносили «гай Бугъ», что должно было обозначать «помогай Богъ». Когда же я пробовалъ съ ними разговориться, то они глядѣли на меня съ удивленіемъ, отказывались понимать самые простые вопросы и все порывались цѣловать у меня руки—старый обычай, оставшійся отъ польскаго крѣпостничества.

Книжки, какія у меня были, я всѣ очень скоро перечиталъ. Отъ скуки—хотя это сначала казалось мнѣ непріятнымъ—я сдѣлалъ попытку познакомиться съ мѣстной интеллигенціей въ лицѣ ксендза, жившаго за 15 верстъ, находившагося при немъ «пана органиста», мѣстнаго урядника и конторщика сосѣдняго имѣнія изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, но ничего изъ этого не вышло.

Потомъ я пробовалъ заняться лѣченіемъ перебродскихъ жителей. Въ моемъ распоряженіи были: касторовое масло, карболовка, борная кислота, іодъ. Но тутъ, помимо моихъ скудныхъ свѣдѣній, я наткнулся на полную невозможность ставить діагнозы, потому что признаки болѣзни у всѣхъ моихъ паціентовъ были всегда одни и тѣ же: «въ серединѣ болитъ» и «ни ѣсть, ни пить не можу».

Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ старая баба. Вытеревъ со смущеннымъ видомъ носъ указательнымъ пальцемъ правой руки, она достаетъ изъ-за пазухи пару яицъ, при чемъ на секунду я вижу ея коричневую кожу, и кладетъ ихъ на столъ. Затѣмъ она начинаетъ ловить мои руки, чтобы запечатлѣть на нихъ поцѣлуй. Я прячу руки и убѣждаю старуху: «Да полно, бабка... оставь... я не попъ... мнѣ этого не полагается... Что у тебя болитъ?»

— Въ серéдинѣ у меня болитъ, панычу, въ самой, что ни на есть, серéдинѣ, такъ что даже ни пить, ни ѣсть не можу.

— Давно это у тебя сдѣлалось?

— А я знаю?—отвѣчаетъ она также вопросомъ.— Такъ и печетъ, и печетъ. Ни пить, ни ѣсть не можу.

И сколько я ни бьюсь, болѣе опредѣленныхъ признаковъ болѣзни не находится.

— Да вы не безпокойтесь,—посовѣтовалъ мнѣ однажды конторщикъ изъ унтеровъ,—сами вылѣчатся. Присохнетъ, какъ на собакѣ. Я, доложу вамъ, только одно лѣкарство употребляю—нашатырь. Приходитъ ко мнѣ мужикъ.—«Что тебѣ?» «Я, говоритъ, больной»... Сейчасъ же ему подъ носъ склянку нашатырнаго спирту. «Нюхай!»... Нюхаетъ... «Нюхай еще... сильнѣе!»... Нюхаетъ... «Что, легче?» «Якъ будто полегшало»... «Ну, такъ и ступай съ Богомъ».

Къ тому же мнѣ претило это цѣлованіе рукъ (а иные тамъ прямо падали въ ноги и изо всѣхъ силъ стремились облобызать мои сапоги). Здѣсь сказывалось вовсе не движеніе признательнаго сердца, а просто омерзительная привычка, привитая вѣками рабства и насилія. И я только удивлялся тому же самому конторщику изъ унтеровъ и уряднику, глядя, съ какой невозмутимой важностью суютъ они въ губы мужикамъ свои огромныя красныя лапы...

Мнѣ оставалась только охота. Но въ концѣ января наступила такая погода, что и охотиться стало невозможно. Каждый день дулъ страшный вѣтеръ, а за ночь на снѣгу образовывался твердый льдистый слой наста, по которому заяцъ пробѣгалъ, не оставляя слѣдовъ. Сидя взаперти и прислушиваясь къ вою вѣтра, я тосковалъ страшно. Понятно, я ухватился съ жадностью за такое невинное развлеченіе, какъ обученіе грамотѣ полѣсовщика Ярмолы.

Началось это, впрочемъ, довольно оригинально. Я однажды писалъ письмо и вдругъ почувствовалъ, что кто-то стоитъ за моей спиной. Обернувшись, я увидѣлъ Ярмолу, подошедшаго, какъ и всегда, беззвучно въ своихъ мягкихъ лаптяхъ.

— Что тебѣ, Ярмола?—спросилъ я.

— Да вотъ дивлюсь, какъ вы пишете. Вотъ бы мнѣ такъ... Нѣтъ, нѣтъ... не такъ, какъ вы,—смущенно заторопился онъ, видя, что я улыбаюсь.—Мнѣ бы только мое фамиліе...

— Зачѣмъ это тебѣ?—удивился я... (Надо замѣтить, что Ярмола считается самымъ бѣднымъ и самымъ лѣнивымъ мужикомъ во всемъ Перебродѣ; жалованіе и свой крестьянскій заработокъ онъ пропиваетъ; такихъ плохихъ воловъ, какъ у него, нѣтъ нигдѣ въ окрестности. По моему мнѣнію, ему-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могло понадобиться знаніе грамоты). Я еще разъ спросилъ съ сомнѣніемъ:—Для чего же тебѣ надо умѣть писать фамилію?

— А видите, какое дѣло, панычъ,—отвѣчалъ Ярмола необыкновенно мягко:—ни одного грамотнаго нѣтъ у насъ въ деревнѣ. Когда гумагу какую нужно подписать или въ волости дѣло, или что... никто не можетъ... Староста печать только кладетъ, а самъ не знаетъ, что въ ней напечатано... То хорошо было бы для всѣхъ, если бы кто умѣлъ расписаться.

Такая заботливость Ярмолы — завѣдомаго браконьера, безпечнаго бродяги, съ мнѣніемъ котораго никогда даже не подумалъ бы считаться сельскій сходъ,— такая заботливость его объ общественномъ интересѣ родного села почему-то растрогала меня. Я самъ предложилъ давать ему уроки. И что же это была за тяжкая работа—всѣ мои попытки выучить его сознательному чтенію и письму! Ярмола, знавшій въ совершенствѣ каждую тропинку своего лѣса, чуть ли не каждое дерево, умѣвшій оріентироваться днемъ и ночью въ какомъ угодно мѣстѣ, различавшій по слѣдамъ всѣхъ окрестныхъ волковъ, зайцевъ и лисицъ,—этотъ самый Ярмола никакъ не могъ представить себѣ, почему, напримѣръ, буквы «м» и «а» вмѣстѣ составляютъ «ма». Обыкновенно надъ такой задачей онъ мучительно раздумывалъ минутъ десять, а то и больше, при чемъ его смуглое худое лицо съ впалыми черными глазами, все ушедшее въ жесткую черную бороду и большіе усы, выражало крайнюю степень умственнаго напряженія.

— Ну, скажи, Ярмола — «ма». Просто только скажи—«ма»,—приставалъ я къ нему.—Не гляди на бумагу, гляди на меня, вотъ такъ. Ну, говори—«ма»...

Тогда Ярмола глубоко вздыхалъ, клалъ на столъ указку и произносилъ грустно и рѣшительно:

— Нѣтъ... не могу...

— Какъ же не можешь? Это же вѣдь такъ легко. Скажи просто-напросто—«ма», вотъ какъ я говорю.

— Нѣтъ, не могу, панычъ... забылъ...

Всѣ методы, пріемы и сравненія разбивались объ эту чудовищную непонятливость. Но стремленіе Ярмолы къ просвѣщенію вовсе не ослабѣвало.

— Мнѣ бы только мою фамилію!—застѣнчиво упрашивалъ онъ меня.—Больше ничего не нужно. Только фамилію: Ярмола Попружукъ—и больше ничего.

Отказавшись окончательно отъ мысли выучить его

разумному чтенію и письму, я сталъ учить его подписываться механически. Къ моему великому удивленію, этотъ способъ оказался наиболѣе доступнымъ Ярмолѣ, такъ что къ концу второго мѣсяца мы уже почти осилили фамилію. Что же касается до имени, то его, въ виду облегченія задачи, мы рѣшили совсѣмъ отбросить.

По вечерамъ, окончивъ топку печей, Ярмола съ нетерпѣніемъ дожидался, когда я позову его.

— Ну, Ярмола, давай учиться,—говорилъ я.

Онъ бокомъ подходилъ къ столу, облокачивался на него локтями, просовывалъ между своими черными, закорузлыми, не сгибающимися пальцами перо и спрашивалъ меня, поднявъ кверху брови:

— Писать?

— Пиши.

Ярмола довольно увѣренно чертилъ первую букву — «П» (эта буква у насъ носила названіе: «два стояка и сверху перекладина»); потомъ онъ смотрѣлъ на меня вопросительно:

— Что жъ ты не пишешь? Забылъ?

— Забылъ...—досадливо качалъ головой Ярмола.

— Эхъ, какой ты! Ну, ставь колесо.

— А-а! Колесо, колесо!.. знаю...—оживлялся Ярмола и старательно рисовалъ на бумагѣ вытянутую вверхъ фигуру, весьма похожую очертаніями на Каспійское море. Окончивши этотъ трудъ, онъ нѣкоторое время молча любовался имъ, наклоняя голову то на лѣвый, то на правый бокъ и щуря глаза.

— Что же ты сталъ? Пиши дальше.

— Подождите немного, панычу... сейчасъ.

Минуты двѣ онъ размышлялъ и потомъ робко спрашивалъ:

— Такъ же, какъ первая?

— Вѣрно. Пиши.

Такъ мало-по-малу мы добрались до послѣдней

буквы—«к» (твердый знакъ мы отвергли), которая была у насъ извѣстна какъ «палка, а посрединѣ палки кривуля хвостомъ набокъ».

— А что вы думаете, панычу,—говорилъ иногда Ярмола, окончивъ свой трудъ и глядя на него съ любовной гордостью,—если бы мнѣ еще мѣсяцевъ съ пять или шесть поучиться, я бы совсѣмъ хорошо зналъ. Какъ вы скажете?

II.

Ярмола сидѣлъ на корточкахъ передъ заслонкой, перемѣшивая въ печкѣ уголья, а я ходилъ взадъ и впередъ по діагонали моей комнаты. Изъ всѣхъ двѣнадцати комнатъ огромнаго помѣщичьяго дома я занималъ только одну, бывшую диванную. Другія стояли запертыми на ключъ, и въ нихъ неподвижно и торжественно плѣсневѣла старинная штофная мебель, диковинная бронза и портреты XVIII столѣтія.

Вѣтеръ за стѣнами дома бѣсился, какъ старый озябшій голый дьяволъ. Въ его ревѣ слышались стоны, визгъ и дикій смѣхъ. Мятель къ вечеру расходилась еще сильнѣе. Снаружи кто-то яростно бросалъ въ стекла оконъ горсти мелкаго сухого снѣга. Недалекій лѣсъ роптал и гудѣлъ съ непрерывной затаенной, глухой угрозой...

Вѣтеръ забирался въ пустыя комнаты и въ печныя воющія трубы, и старый домъ, весь расшатанный, дырявый, полуразвалившійся, вдругъ оживлялся странными звуками, къ которымъ я прислушивался съ невольной тревогой. Вотъ точно вздохнуло что-то въ бѣлой залѣ, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. Вотъ заходили и заскрипѣли гдѣ-то далеко высохшія гнилыя половицы подъ чьими-то тяжелыми и безшумными шагами. Чудится мнѣ затѣмъ, что рядомъ съ моей комнатой, въ коридорѣ, кто-то осторожно и настойчиво нажимаетъ на

дверную ручку и потомъ, внезапно разъярившись, мчится по всему дому, бѣшено потрясая всѣми ставнями и дверями, или, забравшись въ трубу, скулитъ такъ жалобно, скучно и непрерывно то поднимая все выше, все тоньше свой голосъ, до жалобнаго визга, то опуская его внизъ, до звѣринаго рычанья. Порою Богъ вѣсть откуда врывался этотъ страшный гость и въ мою комнату, пробѣгалъ внезапнымъ холодомъ у меня по спинѣ и колебалъ пламя лампы, тускло свѣтившей подъ зеленымъ бумажнымъ, обгорѣвшимъ сверху, абажуромъ.

На меня нашло странное, неопредѣленное безпокойство. Вотъ, думалось мнѣ, сижу я глухой и ненастной зимней ночью въ ветхомъ домѣ, среди деревни, затерявшейся въ лѣсахъ и сугробахъ, въ сотняхъ верстъ отъ городской жизни, отъ общества, отъ женскаго смѣха, отъ человѣческаго разговора... И начинало мнѣ представляться, что годы и десятки лѣтъ будетъ тянуться этотъ ненастный вечеръ, будетъ тянуться вплоть до моей смерти, и такъ же будетъ ревѣть за окнами вѣтеръ, такъ же тускло будетъ горѣть лампа подъ убогимъ зеленымъ абажуромъ, такъ же тревожно буду ходить я взадъ и впередъ по моей комнатѣ, такъ же будетъ сидѣть около печки молчаливый, сосредоточенный Ярмола,—странное, чуждое мнѣ существо, равнодушное ко всему на свѣтѣ: и къ тому, что у него дома въ семьѣ ѣсть нечего, и къ бушеванію вѣтра, и къ моей неопредѣленной разъѣдающей тоскѣ.

Мнѣ вдругъ нестерпимо захотѣлось нарушить это томительное молчаніе какимъ-нибудь подобіемъ человѣческаго голоса, и я спросилъ:

— Какъ ты думаешь, Ярмола, откуда это сегодня такой вѣтеръ?

— Вѣтеръ?—отозвался Ярмола, лѣниво подымая голову.—А папычъ развѣ не знаетъ?

— Конечно, не знаю. Откуда же мнѣ знать?

— И вправду не знаете? — оживился вдругъ Ярмола.—Это я вамъ скажу,—продолжалъ онъ съ таинственнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ,— это я вамъ скажу: чи вѣдьмака народилась, чи вѣдьмакъ веселье справляетъ.

— Вѣдьмака—это колдунья по-вашему?

— А такъ, такъ... колдунья.

Я съ жадностью накинулся на Ярмолу. «Почемъ знать,—думалъ я,—можетъ быть сейчасъ же мнѣ удастся выжать изъ него какую-нибудь интересную исторію, связанную съ волшебствомъ, съ зарытыми кладами, съ вовкулаками?..»

— Ну, а у васъ здѣсь, на Полѣсьи, есть вѣдьмы?— спросилъ я.

— Не знаю... Можетъ, есть,—отвѣчалъ Ярмола съ прежнимъ равнодушіемъ и опять нагнулся къ печкѣ.— Старые люди говорятъ, что были когда-то... Можетъ и неправда...

Я сразу разочаровался. Характерной чертой Ярмолы была упорная несловоохотность, и я ужъ не надѣялся добиться отъ него ничего больше объ этомъ интересномъ предметѣ. Но, къ моему удивленію, онъ вдругъ заговорилъ съ лѣнивой небрежностью и какъ будто бы обращаясь не ко мнѣ, а къ гудѣвшей печкѣ:

— Была у насъ лѣтъ пять тому назадъ такая вѣдьма... Только ее хлопцы съ села прогнали!

— Куда же они ее прогнали?

— Куда!.. Извѣстно въ лѣсъ... Куда же еще? И хату ея сломали, чтобы отъ того проклятаго кубла и щепокъ не осталось... А саму ее вывели за вышницы и по шеѣ.

— За что же такъ съ ней обошлись?

— Вреда отъ нея много было: ссорилась со всѣми, зелье подъ хаты подливала, закрутки вязала въ житѣ... Одинъ разъ просила она у нашей молодицы злотъ (15 к.). Та ей говоритъ: «Нѣтъ у меня злота, отстань».

«Ну, добре, говоритъ, будешь ты помнить, какъ мнѣ злотаго не дала...» И что же вы думаете, панычу: съ тѣхъ самыхъ поръ стало у молодицы дитя болѣть. Болѣло, болѣло, да и совсѣмъ умерло. Вотъ тогда хлопцы вѣдьмаку и прогнали, пусть ей они повылазятъ...

— Ну, а гдѣ же теперь эта вѣдьмака?—продолжалъ я любопытствовать.

— Вѣдьмака?—медленно переспросилъ, по своему обыкновенію, Ярмола.—А я знаю?

— Развѣ у нея не осталось въ деревнѣ какой-нибудь родни?

— Нѣтъ, не осталось. Да она чужая была, изъ кацапокъ, чи изъ цыгановъ... Я еще маленькимъ хлопцомъ былъ, когда она пришла къ намъ на село. И дѣвочка съ ней была: дочка или внучка... Обѣихъ прогнали...

— А теперь къ ней развѣ никто не ходитъ: погадать тамъ или зелья какого-нибудь попросить?

— Бабы бѣгаютъ, — пренебрежительно уронилъ Ярмола.

— Ага! Значитъ все-таки извѣстно, гдѣ она живетъ?

— Я не знаю... Говорятъ люди, что гдѣ-то около Басова Кута она живетъ... Знаете—болото, что за Ириновскимъ шляхомъ. Такъ вотъ въ этомъ болотѣ она и сидитъ, трясьця ея матери!

«Вѣдьма живетъ въ какихъ-нибудь десяти верстахъ отъ моего дома... настоящая, живая, полѣсская вѣдьма!» Эта мысль сразу заинтересовала и взволновала меня.

— Послушай, Ярмола,—обратился я къ полѣсовщику,—а какъ бы мнѣ съ ней познакомиться, съ этой вѣдьмой?

— Тфу! — сплюнулъ съ негодованіемъ Ярмола.— Вотъ еще добро нашли.

— Добро или недобро, а я къ ней все равно пойду. Какъ только немного потеплѣетъ, сейчасъ же и отправлюсь. Ты меня, конечно, проводишь?

Ярмолу такъ поразили послѣднія слова, что онъ даже вскочилъ съ полу.

— Я?!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ.—А и ни за что! Пусть оно тамъ Богъ вѣдаетъ что, а я не пойду.

— Ну, вотъ глупости, пойдешь.

— Нѣтъ, панычу, не пойду... ни за что не пойду... Чтобы я?!—опять воскликнулъ онъ, охваченный новымъ наплывомъ возмущенія,—чтобы я пошелъ до вѣдьмачьяго кубла? Да пусть меня Богъ боронитъ. И вамъ не совѣтую, панычъ.

— Какъ хочешь... а я все-таки пойду. Мнѣ очень любопытно на нее посмотрѣть.

— Ничего тамъ нѣтъ любопытнаго, — пробурчалъ Ярмола, съ сердцемъ захлопывая печную дверку.

Часъ спустя, когда онъ, уже убравъ самоваръ и напившись въ темныхъ сѣняхъ чаю, собирался итти домой, я спросилъ:—Какъ зовутъ эту вѣдьму?

— Мануйлиха,—отвѣтилъ Ярмола съ грубой мрачностью.

Онъ хотя и не высказывалъ никогда своихъ чувствъ, но, кажется, сильно ко мнѣ привязался; привязался за нашу общую страсть къ охотѣ, за мое простое обращеніе, за помощь, которую я изрѣдка оказывалъ его вѣчно голодающей семьѣ, а главнымъ образомъ за то, что я одинъ на всемъ свѣтѣ не корилъ его пьянствомъ, чего Ярмола терпѣть не могъ. Поэтому моя рѣшимость познакомиться съ вѣдьмой привела его въ отвратительное настроеніе духа, которое онъ выразилъ только усиленнымъ сопѣніемъ, да еще тѣмъ, что, выйдя на крыльцо, изъ всей силы ударилъ ногой въ бокъ свою собаку—Рябчика. Рябчикъ отчаянно завизжалъ и отскочилъ въ сторону, но тотчасъ же побѣжалъ вслѣдъ за Ярмолой, не переставая скулить.

III.

Дня черезъ три потеплѣло. Однажды, утромъ, очень рано, Ярмола вошелъ въ мою комнату и заявилъ небрежно:

— Нужно ружья почистить, панычъ.

— А что?—спросилъ я, потягиваясь подъ одѣяломъ.

— Заяцъ ночью сильно походилъ: слѣдовъ много. Можетъ, пойдемъ на пановку?

Я видѣлъ, что Ярмолѣ не терпится скорѣе пойти въ лѣсъ, но онъ скрываетъ это страстное желаніе охотника подъ напускнымъ равнодушіемъ. Дѣйствительно, въ передней уже стояла его одностволка, отъ которой не ушелъ еще ни одинъ бекасъ, несмотря на то, что вблизи дула она была украшена нѣсколькими оловянными заплатами, наложенными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ржавчина и пороховые газы проѣли желѣзо.

Едва войдя въ лѣсъ, мы тотчасъ же напали на заячій слѣдъ: двѣ лапки рядомъ и двѣ позади одна за другой. Заяцъ вышелъ на дорогу, прошелъ по ней саженъ двѣсти и сдѣлалъ съ дороги огромный прыжокъ въ сосновый молоднякъ.

— Ну, теперь будемъ обходить его,—сказалъ Ярмола.—Какъ далъ столба, такъ тутъ сейчасъ и ляжетъ. Вы, панычъ, идите...—онъ задумался, соображая по какимъ-то ему одному извѣстнымъ примѣтамъ, куда меня направить...—Вы идите до старой корчмы. А я его обойду отъ Замлына. Какъ только собака его выгонитъ, я буду гукать вамъ.

И онъ тотчасъ же скрылся, точно нырнулъ, въ густую чащу мелкаго кустарника. Я прислушался. Ни одинъ звукъ не выдалъ его браконьерской походки, ни одна вѣточка не треснула подъ его ногами, обутыми въ лыковые постолы.

Я неторопливо дошелъ до старой корчмы,—нежилой, развалившейся хаты, и сталъ на опушкѣ хвойнаго лѣса, подъ высокой сосной съ прямымъ голымъ стволомъ. Было такъ тихо, какъ только бываетъ въ лѣсу зимою, въ безвѣтреный день. Нависшіе на вѣтвяхъ пышные комья снѣга давили ихъ книзу, придавая имъ чудесный, праздничный и холодный видъ. По временамъ срывалась съ вершины тоненькая вѣточка и чрезвычайно ясно слышалось, какъ она, падая съ легкимъ трескомъ, задѣвала за другія вѣтви. Снѣгъ розовѣлъ на солнцѣ и синѣлъ въ тѣни. Мной овладѣло тихое очарованіе этого торжественнаго, холоднаго безмолвія, и мнѣ казалось, что я чувствую, какъ время медленно и безшумно проходитъ мимо меня...

Вдругъ далеко, въ самой чащѣ, раздался лай Рябчика,—характерный лай собаки, идущей за звѣремъ: тоненькій, заливчатый и нервный, почти переходящій въ визгъ. Тотчасъ же услышалъ я и голосъ Ярмолы, кричавшаго съ ожесточеніемъ вслѣдъ собакѣ: «У—бый! У—бый!» Первый слогъ—протяжнымъ, рѣзкимъ фальцетомъ, а второй—отрывистой басовой нотой. (Я только немного времени спустя дознался, что этотъ охотничій полѣсскій крикъ происходитъ отъ глагола «убивать»).

Мнѣ казалось, судя по направленію лая, что собака гонитъ влѣво отъ меня, и я торопливо побѣжалъ черезъ полянку, чтобы перехватить звѣря. Но не успѣлъ я сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ огромный сѣрый заяцъ выскочилъ изъ-за пня и, какъ будто бы не торопясь, заложивъ назадъ длинныя уши, высокими, рѣдкими прыжками перебѣжалъ черезъ дорогу и скрылся въ молоднякѣ. Слѣдомъ за нимъ стремительно вылетѣлъ Рябчикъ. Увидѣвъ меня, онъ слабо махнулъ хвостомъ, торопливо кусиулъ нѣсколько разъ зубами снѣгъ и опять погналъ зайца.

Ярмола вдругъ такъ же безмолвно вынырнулъ изъ чащи.

— Что же, папычъ, не стали ему на дорогѣ?—крикнулъ онъ и укоризненно зачмокалъ языкомъ.

— Да, вѣдь, далеко было... больше двухсотъ шаговъ.

Видя мое смущеніе, Ярмола смягчился.

— Ну, ничего... Онъ отъ насъ не уйдетъ. Идите на Ириновскій шляхъ,—онъ сейчасъ туда выйдетъ.

Я пошелъ по направленію Ириновскаго шляха и уже черезъ минуты двѣ услыхалъ, что собака опять гонитъ гдѣ-то недалеко отъ меня. Охваченный охотничьимъ волненіемъ, я побѣжалъ, держа ружье на перевѣсъ, сквозь густой кустарникъ, ломая вѣтви и не обращая вниманія на ихъ жестокіе удары. Я бѣжалъ такъ довольно долго и уже сталъ задыхаться, какъ вдругъ лай собаки прекратился. Я пошелъ тише. Мнѣ казалось, что если я буду итти все прямо, то непремѣнно встрѣчусь съ Ярмолой на Ириновскомъ шляху. Но вскорѣ я убѣдился, что во время моего бѣга, огибая кусты и пни и совсѣмъ не думая о дорогѣ, я заблудился. Тогда я началъ кричать Ярмолѣ. Онъ не откликался.

Между тѣмъ, машинально я шелъ все дальше. Лѣсъ рѣдѣлъ понемногу, почва опускалась и становилась кочковатой. Слѣдъ, оттиснутый на снѣгу моей ногой, быстро темнѣлъ и наливался водой. Нѣсколько разъ я уже проваливался по колѣна. Мнѣ приходилось перепрыгивать съ кочки на кочку; въ покрывавшемъ ихъ густомъ буромъ мху ноги тонули точно въ мягкомъ коврѣ.

Кустарникъ скоро совсѣмъ окончился. Передо мной было большое круглое болото, занесенное снѣгомъ, изъ-подъ бѣлой пелены котораго торчали рѣдкія кочки. На противоположномъ концѣ болота, между деревьями, выглядывали бѣлыя стѣны какой-то хаты. «Вѣроятно здѣсь

живетъ ириновскій лѣсникъ,—подумалъ я.—Надо зайти и разспросить у него дорогу».

Но дойти до хаты было не такъ-то легко. Каждую минуту я увязалъ въ трясинѣ. Сапоги мои набрали воды и при каждомъ шагѣ громко хлюпали; становилось невмочь тянуть ихъ за собою.

Наконецъ я перебрался черезъ это болото, взобрался на маленькій пригорокъ и теперь могъ хорошо разсмотрѣть хату. Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьихъ ножкахъ. Она не касалась поломъ земли, а была построена на сваяхъ; вѣроятно, въ виду половодья, затопляющаго весною весь Ириновскій лѣсъ. Но одна сторона ея отъ времени осѣла, и это придавало избушкѣ хромой и печальный видъ. Въ окнахъ недоставало нѣсколькихъ стеколъ; ихъ замѣняли какія-то грязныя ветошки, выправшіяся горбомъ наружу.

Я нажалъ на клямку и отворилъ дверь. Въ хатѣ было очень темно, а у меня, послѣ того, какъ я долго глядѣлъ на снѣгъ, ходили передъ глазами фіолетовые круги; поэтому я долго не могъ разобрать, есть ли кто-нибудь въ хатѣ.

— Эй, добрые люди, кто изъ васъ дома?—спросилъ я громко.

Около печки что-то завозилось. Я подошелъ поближе и увидалъ старуху, сидѣвшую на полу. Передъ ней лежала огромная куча куриныхъ перьевъ. Старуха брала отдѣльно каждое перо, сдирала съ него бородку и клала пухъ въ корзину, а стержни бросала прямо на землю.

«Да вѣдь это—Мануйлиха, ириновская вѣдьма»,—мелькнуло у меня въ головѣ, едва я только повнимательнѣе вглядѣлся въ старуху. Всѣ черты бабы-яги, какъ ее изображаетъ народный эпосъ, были налицо: худыя щеки, втянутыя внутрь, переходили внизу въ острый, длинный, дряблый подбородокъ, почти соприкасавшій-

ся съ висячимъ внизъ носомъ; провалившійся, беззубый ротъ безпрестанно двигался, точно пережевывая что-то; выцвѣтшіе, когда-то голубые глаза, холодные, круглые, выпуклые, съ очень короткими красными вѣками, глядѣли точно глаза невиданной зловѣщей птицы.

— Здравствуй, бабка!—сказалъ я какъ можно привѣтливѣе.—Тебя ужъ не Мануйлихой ли зовутъ?

Въ отвѣтъ что-то заклокотало и захрипѣло въ груди у старухи; потомъ изъ ея беззубаго, шамкающаго рта вырвались странные звуки, то похожіе на задыхающееся карканье старой вороны, то вдругъ переходившіе въ сиплую обрывающуюся фистулу:

— Прежде, можетъ, и Мануйлихой звали добрые люди... А теперь зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой. Тебѣ что надо-то?—спросила она недружелюбно и не прекращая своего однообразнаго занятія.

— Да вотъ, бабушка, заблудился я. Можетъ, у тебя молоко найдется?

— Нѣтъ молока,—сердито отрѣзала старуха.—Много васъ по лѣсу ходитъ... Всѣхъ не напоишь, не накормишь...

— Ну, бабушка, неласковая же ты до гостей.

— И вѣрно, батюшка: совсѣмъ неласковая. Разносоловъ для васъ не держимъ. Усталъ—посиди, никто тебя изъ хаты не гонитъ. Знаешь, какъ въ пословицѣ говорится: «Приходите къ намъ на завалинкѣ посидѣть, у нашего праздника звона послушать, а обѣдать къ вамъ мы и сами догадаемся». Такъ-то вотъ...

Эти обороты рѣчи сразу убѣдили меня, что старуха дѣйствительно пришлая въ этомъ краѣ; здѣсь не любятъ и не понимаютъ хлесткой, уснащенной рѣдкими словцами рѣчи, которой такъ охотно щеголяетъ краснобай сѣверянинъ. Между тѣмъ, старуха, продолжая механически свою работу, все еще бормотала что-то себѣ подъ носъ, но все тише и невнятнѣе. Я разбиралъ толь-

ко отдѣльныя слова, не имѣвшія между собой никакой связи: «Вотъ тебѣ и бабушка Мануйлиха... А кто такой— невѣдомо... Лѣта-то мои не маленькія... Ногами его-зитъ, стрекочитъ, сокочитъ—чистая сорока...»

Я нѣкоторое время молча прислушивался, и внезапная мысль, что передо мною—сумасшедшая женщина, вызвала у меня ощущеніе брезгливаго страха.

Однако, я успѣлъ осмотрѣться вокругъ себя. Большую часть избы занимала огромная облупившаяся печка. Образовъ въ переднемъ углу не было. По стѣнамъ, вмѣсто обычныхъ охотниковъ съ зелеными усами и фіолетовыми собаками и портретами никому невѣдомыхъ генераловъ, висѣли пучки засушенныхъ травъ, связки сморщенныхъ корешковъ и кухонная посуда. Ни совы, ни чернаго кота я не замѣтилъ, но зато съ печки два рябыхъ солидныхъ скворца глядѣли на меня съ удивленнымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

— Бабушка, а воды-то у васъ, по крайней мѣрѣ, можно напиться?—спросилъ я, возвышая голосъ.

— А вонъ, въ кадкѣ,—кивнула головой старуха.

Вода отзывала болотистой ржавчиной. Поблагодаривъ старуху (на что она не обратила ни малѣйшаго вниманія), я спросилъ ее, какъ мнѣ выйти на шляхъ.

Она вдругъ подняла голову, поглядѣла на меня пристально своими холодными, птичьими глазами и забормотала торопливо:

— Иди, иди... Иди, молодецъ, своей дорогой. Нечего тутъ тебѣ дѣлать. Хорошъ гость въ гостинку... Ступай, батюшка, ступай...

Мнѣ, дѣйствительно, ничего больше не оставалось, какъ уйти. Но вдругъ мнѣ пришло въ голову попытать послѣднее средство, чтобы хоть немного смягчить суровую старуху. Я вынулъ изъ кармана новый серебряный четвертакъ и протянулъ его Мануйлихѣ. Я не ошибся: при видѣ денегъ старуха зашевелилась, глаза ея раскры-

лись еще больше, и она потянулась за монетой своими скрюченными, узловатыми, дрожащими пальцами.

— Э, нѣтъ, бабка Мануйлиха, даромъ не дамъ,— поддразнилъ я ее, пряча монету.—Ну-ка, погадай мнѣ.

Коричневое сморщенное лицо колдуньи собралось въ недовольную гримасу. Она, повидимому, колебалась и нерѣшительно глядѣла на мой кулакъ, гдѣ были зажаты деньги. Но жадность взяла верхъ.

— Ну, ну, пойдемъ, что ли, пойдемъ,—прошамкала она, съ трудомъ подымаясь съ полу.—Никому я не ворожу теперь, касатикъ... Забыла... Стара стала, глаза не видятъ. Только для тебя развѣ.

Держась за стѣну, сотрясаясь на каждомъ шагу сгорбленнымъ тѣломъ, она подошла къ столу, достала колоду бурыхъ, распухшихъ отъ времени, картъ, стасовала ихъ и придвинула ко мнѣ.

— Сыми-ка... Лѣвой ручкой сыми... Отъ сердца...

Поплевавъ на пальцы, она начала раскладывать кабалу. Карты падали на столъ съ такимъ звукомъ, какъ будто бы онѣ были свалены изъ тѣста, и укладывались въ правильную восьмиконечную звѣзду... Когда послѣдняя карта легла рубашкой вверхъ на короля, Мануйлиха протянула ко мнѣ руку.

— Позолоти, баринъ хорошій... Счастливъ будешь, богатъ будешь...—запѣла она попрошайническимъ, чисто цыганскимъ тономъ.

Я сунулъ ей приготовленную монету. Старуха проворно, по-обезьяньи, спрятала ее за щеку.

— Большой интересъ тебѣ выходитъ черезъ дальнюю дорогу,—начала она привычной скороговоркой.— Встрѣча съ бубновой дамой и какой-то пріятный разговоръ въ важномъ домѣ. Вскорости получишь неожиданное извѣстіе отъ трефоваго короля. Падаютъ тебѣ какія-то хлопоты, а потомъ опять падаютъ какія-то небольшія деньги. Будешь въ большой компаніи, пьянъ

будешь... Не такъ, чтобы очень сильно, а все-таки выходитъ тебѣ вышивка. Жизнь твоя будетъ долгая. Если въ 67 лѣтъ не умрешь, то...

Вдругъ она остановилась, подняла голову, точно къ чему-то прислушиваясь. Я тоже насторожился. Чей-то женскій голосъ, свѣжій, звонкій и сильный, пѣлъ, приближаясь къ хатѣ. Я тоже узналъ слова граціозной малорусской пѣсенки:

Ой чи цвитъ, чи не цвитъ
Калиноньку ломитъ.
Ой чи сонъ, чи не сонъ
Головоньку клонитъ.

— Ну, иди, иди теперь, соколикъ,—тревожно засуетилась старуха, отстраняя меня рукой отъ стола.—Нечего тебѣ по чужимъ хатамъ околачиваться. Иди, куда шелъ...

Она даже ухватила меня за рукавъ моей куртки и тянула къ двери. Лицо ея выражало какое-то звѣриное безпокойство.

Голосъ, пѣвшій пѣсню, вдругъ оборвался совсѣмъ близко около хаты, громко звякнула желѣзная клямка, и въ просвѣтѣ быстро распахнувшейся двери показалась рослая, смѣющаяся дѣвушка. Обѣими руками она бережно поддерживала полосатый передникъ, изъ котораго выглядывали три крошечныхъ птичьихъ головки съ красными шейками и черными блестящими глазенками.

— Смотри, бабушка, зяблики опять за мною увязались,—воскликнула она, громко смѣясь,—посмотри, какіе смѣшные... Голодные совсѣмъ. А у меня, какъ нарочно, хлѣба съ собой не было.

Но, увидѣвъ меня, она вдругъ замолчала и вспыхнула густымъ румянцемъ. Ея тонкія черныя брови недовольно сдвинулись, а глаза съ вопросомъ обратились на старуху.

— Вотъ баринъ зашелъ... Пытаетъ дорогу,—пояснила старуха.—Ну, батюшка,—съ рѣшительнымъ видомъ обернулась она ко мнѣ,—будетъ тебѣ прохлаждаться. Напился водицы, поговорилъ, да пора и честь знать. Мы тебѣ не компанія...

— Послушай, красавица,—сказалъ я дѣвушкѣ.— Покажи мнѣ, пожалуйста, дорогу на Ириновскій шляхъ, а то изъ вашего болота вовѣки-вѣковъ не выберешься.

Должно быть, на нее подѣйствовалъ мягкій, просительный тонъ, который я придалъ этимъ словамъ. Она бережно посадила на печку, рядомъ съ скворцами, своихъ зябликовъ, бросила на лавку скинутую уже короткую свитку и молча вышла изъ хаты.

Я послѣдовалъ за ней.

— Это у тебя все ручныя птицы?—спросилъ я, догоняя дѣвушку.

— Ручныя, — отвѣтила она отрывисто и даже не взглянувъ на меня.—Ну, вотъ, глядите,—сказала она, останавливаясь у плетня.—Видите тропочку, вонъ, вонъ, между соснами-то? Видите?

— Вижу...

— Идите по ней все прямо. Какъ дойдете до дубовой колоды, повернете налѣво. Такъ прямо, все лѣсомъ, лѣсомъ и идите. Тутъ сейчасъ вамъ и будетъ Ириновскій шляхъ.

Въ то время, когда она вытянутой правой рукой показывала мнѣ направленіе дороги, я невольно залюбовался ею. Въ ней не было ничего похожаго на мѣстныхъ «дивчатъ», лица которыхъ подъ уродливыми повязками, прикрывающими сверху лобъ, а снизу ротъ и подбородокъ, носятъ такое однообразное, испуганное выраженіе. Моя незнакомка, высокая брюнетка, лѣтъ около 20—25, держалась легко и стройно. Просторная бѣлая рубаха свободно и красиво обвивала ея молодую, здоровую грудь. Оригинальную красоту ея лица, разъ его увидѣвъ, нель-

зя было позабыть, но трудно было даже привыкнуть къ нему, его описать. Прелесть его заключалась въ этихъ большихъ блестящихъ темныхъ глазахъ, которымъ тонкія, надломленныя посрединѣ брови придавали неуловимый оттѣнокъ лукавства, властности и наивности; въ смугло-розовомъ тонѣ кожи, въ своевольномъ изгибѣ губъ, изъ которыхъ нижняя, нѣсколько болѣе полная, выдавалась впередъ съ рѣшительнымъ и капризнымъ видомъ.

— Неужели вы не боитесь жить однѣ въ такой глуши?—спросилъ я, остановившись у забора.

Она равнодушно пожала плечами.

— Чего же намъ бояться? Волки сюда не заходятъ.

— Да развѣ волки одни... Снѣгомъ васъ занести можетъ, пожаръ можетъ случиться... И мало ли что еще. Вы здѣсь однѣ, вамъ и помочь никто не успѣетъ.

— И слава Богу!—махнула она пренебрежительно рукой.—Какъ бы насъ съ бабкой вовсе въ покоѣ оставили, такъ лучше бы было, а то...

— А то что?

— Много будете знать, скоро состаритесь,—отрѣзала она.—Да вы сами-то кто будете?—спросила она тревожно.

Я догадался, что, вѣроятно, и старуха, и эта красавица боятся какихъ-нибудь утѣсненій со стороны «придержащихъ», и поспѣшилъ ее успокоить.

— О! Ты, пожалуйста, не тревожься. Я ни урядникъ, ни писарь, ни акцизный, словомъ—я никакое начальство.

— Нѣтъ, вы правду говорите?

— Даю тебѣ честное слово. Ей-Богу, я самый посторонній человѣкъ. Просто, пріѣхалъ сюда погостить на нѣсколько мѣсяцевъ, а тамъ и уѣду. Если хочешь, я даже никому не скажу, что былъ здѣсь и видѣлъ васъ. Ты мнѣ вѣришь?

Лицо дѣвушки немного прояснилось.

— Ну, значитъ, коль не врете, такъ правду говорите. А вы какъ: раньше объ насъ слышали или сами зашли?

— Да я и самъ не знаю, какъ тебѣ сказать... Слышать-то я слышалъ, положимъ, и даже хотѣлъ когда-нибудь забрести къ вамъ, а сегодня зашелъ случайно—заблудился... Ну, а теперь скажи, чего вы людей боитесь? Что они вамъ злого дѣлаютъ?

Она поглядѣла на меня съ испытующимъ недовѣріемъ. Но совѣсть у меня была чиста, и я, не сморгнувъ, выдержалъ этотъ пристальный взглядъ. Тогда она заговорила съ возрастающимъ волненіемъ:

— Плохо намъ отъ нихъ приходится... Простые люди еще ничего, а вотъ начальство... Пріѣдетъ урядникъ—тащитъ, пріѣдетъ становой—тащитъ. Да еще прежде, чѣмъ взять-то, надъ бабкой надругается: ты, говорятъ, вѣдьма, чертовка, каторжница... Эхъ! Да что и говорить!

— А тебя не трогаютъ?—сорвался у меня неосторожный вопросъ.

Она съ надменной самоувѣренностью повела головой снизу вверхъ, и въ ея сузившихся глазахъ мелькнуло злое торжество...

— Не трогаютъ... Одинъ разъ сунулся ко мнѣ землемѣръ какой-то... Поласкаться ему, видишь, захотѣлось... Такъ, должно быть, и до сихъ поръ не забылъ, какъ я его приласкала.

Въ этихъ насмѣшливыхъ, но своеобразно-гордыхъ словахъ прозвучало столько грубой независимости, что я невольно подумалъ: «Однако, не даромъ ты выросла среди полѣсскаго бора,—съ тобой и впрямь опасно шутить».

— А мы развѣ трогаемъ кого-нибудь!—продолжала она, проникаясь ко мнѣ все большимъ довѣріемъ,—

Намъ и людей не надо. Разъ въ годъ только схожу я въ мѣстечко купить мыла да соли... Да вотъ еще бабушкѣ чаю,—чай она у меня любитъ. А то хоть бы и вовсе никого не видѣть.

— Ну, я вижу, вы съ бабушкой людей не жалуете... А мнѣ можно когда-нибудь зайти на минуточку?

Она засмѣялась и—какъ странно, какъ неожиданно измѣнилось ея красивое лицо! Прежней суровости въ немъ и слѣда не осталось: оно вдругъ сдѣлалось свѣтлымъ, застѣнчивымъ, дѣтскимъ.

— Да что у насъ вамъ дѣлать? Мы съ бабкой скучныя... Что жъ, заходите, пожалуй, коли вы и впрямь добрый человѣкъ. Только вотъ что... вы ужъ, если когда къ намъ забредете, такъ безъ ружья лучше...

— Ты боишься?

— Чего мнѣ бояться? Ничего я не боюсь,—и въ ея голосѣ опять послышалась увѣренность въ своей силѣ.— А только не люблю я этого. Зачѣмъ бить пташекъ или вотъ зайцевъ тоже. Никому они худого не дѣлаютъ, а жить имъ хочется такъ же, какъ и намъ съ вами. Я ихъ люблю: они маленькіе, глупые такіе... Ну, однако до свиданія,—заторопилась она,—не знаю, какъ величать-то васъ по имени... Боюсь, бабка браниться станетъ.

И она легко и быстро побѣжала въ хату, наклонивъ внизъ голову и придерживая руками разбившіеся отъ вѣтра волосы.

— Постой, постой!—крикнулъ я.—Какъ тебя зовутъ-то? Ужъ будемъ знакомы какъ слѣдуетъ.

Она остановилась на мгновеніе и обернулась ко мнѣ.

— Аленой меня зовутъ... По-здѣшнему—Олеся.

Я вскинулъ ружье на плечи и пошелъ по указанному мнѣ направленію. Поднявшись на небольшой холмикъ, откуда начиналась узкая, едва замѣтная лѣсная тропинка, я оглянулся. Красная юбка Олеси, слегка ко-

леблемая вѣтромъ, еще виднѣлась на крыльцѣ хаты, выдѣляясь яркимъ пятномъ на ослѣпительно-бѣломъ ровномъ фонѣ снѣга.

Черезъ часъ послѣ меня пришелъ домой Ярмола. По своей обычной неохотѣ къ праздному разговору, онъ ни слова не спросилъ меня о томъ, какъ и гдѣ я заблудился. Онъ только сказалъ, какъ будто бы вскользь:

— Тамъ... я зайца на кухню занесъ... жарить будемъ или пошлете кому-нибудь?

— А вѣдь ты не знаешь, Ярмола, гдѣ я былъ сегодня?—сказалъ я, заранѣе представляя себѣ удивленіе полѣсовщика.

— Отчего же мнѣ не знать?—грубо проворчалъ Ярмола.—Извѣстно, къ вѣдьмакамъ ходили...

— Какъ же ты узналъ это?

— А почему же мнѣ не узнать? Слышу, что вы голоса не подаете, ну, я и вернулся на вашъ слѣдъ... Эхъ, паны-бычъ!—прибавилъ онъ съ укоризненной досадой.—Не слѣдуетъ вамъ такими дѣлами заниматься... Грѣхъ!..

IV.

Весна наступила въ этомъ году ранняя, дружная и—какъ всегда на Полѣсьи—неожиданная. Побѣжали по деревенскимъ улицамъ бурливые, коричневые, сверкающіе ручейки, сердито пѣнясь вокругъ встрѣчныхъ каменьевъ и быстро вертя щепки и гусиный пухъ; въ огромныхъ лужахъ воды отразилось голубое небо съ плывущими по нему круглыми, точно крутящимися, бѣлыми облаками; съ крышъ посыпались частыя звонкія капли. Воробьи, стаями обсыпавшіе придорожныя ветлы, кричали такъ громко и возбужденно, что ничего нельзя было разслышать за ихъ крикомъ. Вездѣ чувствовалась радостная, торопливая тревога жизни.

Снѣгъ сошелъ, оставшись еще кое-гдѣ грязными рыхлыми клочками въ лощинахъ и тѣнистыхъ перелѣскахъ. Изъ-подъ него выглянула обнаженная мокрая, теплая земля, отдохнувшая за зиму и теперь полная свѣжихъ соковъ, полная жажды новаго материнства. Надъ черными нивами вился легкій парокъ, наполнявшій воздухъ запахомъ оттаявшей земли,—тѣмъ свѣжимъ, вкрадчивымъ и могучимъ пьянымъ запахомъ весны, который даже и въ городѣ узнаешь среди сотенъ другихъ запаховъ. Мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ этимъ ароматомъ вливалась въ мою душу весенняя грусть, сладкая и нѣжная, исполненная безпокойныхъ ожиданій и смутныхъ предчувствій, — поэтическая грусть, дѣлающая въ вашихъ глазахъ всѣхъ женщинъ хорошенькими и всегда приправленная неопредѣленными сожалѣніями о прошлыхъ вёснахъ. Ночи стали теплѣе; въ ихъ густомъ, влажномъ мракѣ чувствовалась незримая спѣшная творческая работа природы...

Въ эти весенніе дни образъ Олеси не выходилъ изъ моей головы. Мнѣ нравилось, оставшись одному, лечь, зажмурить глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и безпрестанно вызывать въ своемъ воображеніи ея то суровое, то лукавое, то сіяющее нѣжной улыбкой лицо, ея молодое тѣло, выросшее въ привольи стараго бора такъ же стройно и такъ же могуче, какъ растутъ молодыя елочки, ея свѣжій голосъ, съ неожиданными низкими бархатными нотками... «Во всѣхъ ея движеніяхъ, въ ея словахъ,—думалъ я,—есть что-то благородное (конечно, въ лучшемъ смыслѣ этого довольно пошлаго слова), какая-то врожденная изящная умѣренность...» Также привлекалъ меня въ Олесѣ и нѣкоторый ореолъ окружавшей ее таинственности, суевѣрная репутація вѣдьмы, жизнь въ лѣсной чащѣ среди болота, и въ особенности—эта гордая увѣренность въ свои силы, сквозившая въ немногихъ обращенныхъ ко мнѣ словахъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, что, какъ только немного просохли лѣсныя тропинки, я отправился въ избушку на курьихъ ножкахъ. На случай, если бы понадобилось успокоить ворчливую старуху, я захватилъ съ собою полфунта чаю и нѣсколько пригоршенъ кусковъ сахару.

Я засталъ обѣихъ женщинъ дома. Старуха возилась около ярко пылавшей печи, а Олеся пряла ленъ, сидя на очень высокой скамейкѣ; когда я, входя, стукнулъ дверью, она обернулась, нитка оборвалась подъ ея руками и веретено покатилось по полу.

Старуха нѣкоторое время внимательно и сердито вглядывалась въ меня, сморщившись и заслоняя лицо ладонью отъ жара печки.

— Здравствуй, бабуся!—сказалъ я громкимъ, бодрымъ голосомъ.—Не узнаешь, должно быть, меня? Помнишь, я въ прошломъ мѣсяцѣ заходилъ про дорогу спрашивать? Ты мнѣ еще гадала?

— Ничего я не помню, батюшка,—зашамкала старуха, недовольно тряся головой,—ничего не помню. И что ты у насъ позабылъ,—никакъ не пойму. Что мы тебѣ за компанія? Мы люди простые, сѣрые... Нечего тебѣ у насъ дѣлать. Лѣсъ великъ, есть мѣсто гдѣ разойтись. Такъ-то...

Ошеломленный нелюбезнымъ пріемомъ, я совсѣмъ потерялся и очутился въ томъ глупомъ положеніи, когда не знаешь, что дѣлать: обратить ли грубость въ шутку, или самому разсердиться, или, наконецъ, не сказавъ ни слова, повернуться и уйти назадъ. Невольно я повернулся съ безпомощнымъ выраженіемъ къ Олесѣ. Она чуть-чуть улыбнулась съ оттѣнкомъ не злой насмѣшки, встала изъ-за прялки и подошла къ старухѣ.

— Не бойся, бабка,—сказала она примирительно,—это не лихой человѣкъ, онъ намъ худого не сдѣлаетъ. Милости просимъ садиться,—прибавила она, указывая мнѣ

на лавку въ переднемъ углу и не обращая болѣе вниманія на воркотню старухи.

Ободренный ея вниманіемъ, я догадался выдвинуть самое рѣшительное средство.

— Какая же ты сердитая, бабуся... Чуть гости на порогъ, а ты сейчасъ и бранишься. А я было тебѣ гостинцу принесъ,—сказалъ я, доставая изъ сумки свои свертки.

Старуха бросила быстрый взглядъ на свертки, но тотчасъ же отвернулась къ печкѣ.

— Никакихъ мнѣ твоихъ гостищевъ не нужно,— проворчала она, ожесточенно разгребая кочергой уголья.—Знаемъ мы тоже гостей этихъ. Сперва безъ мыла въ душу лѣзутъ, а потомъ... Что у тебя въ кулечкѣ-то?—вдругъ обернулась она ко мнѣ.

Я тотчасъ же вручилъ ей чай и сахаръ. Это подѣйствовало на старуху смягчающимъ образомъ, и хотя она и продолжала ворчать, но уже не въ прежнемъ, непримиримомъ тонѣ.

Олеся сѣла опять за пряжу, а я помѣстился около нея, на низкой, короткой и очень шаткой скамеечкѣ. Лѣвой рукой Олеся быстро сучила бѣлую, мягкую какъ шелкъ, кудель, а въ правой у нея съ легкимъ жужжаніемъ крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и короткимъ движеніемъ пальцевъ опять заставляла вертѣться. Эта работа, такая простая на первый взглядъ, но въ сущности требующая огромнаго, многовѣковаго навыка и ловкости, такъ и кипѣла въ ея рукахъ. Невольно я обратилъ вниманіе на эти руки: онѣ загрубѣли и почернѣли отъ работы, но были невелики и такой красивой формы, что имъ позавидовали бы многія благовоспитанныя дѣвицы.

— А вотъ вы мнѣ тогда и не сказали, что вамъ бабка гадала,—произнесла Олеся. И, видя, что я опас-

ливо обернулся назадъ, она прибавила:—Ничего, ничего, она немного на ухо туга, не услышитъ. Она только мой голосъ хорошо разбираетъ.

— Да, гадала. А что?

— Да такъ себѣ... Просто спрашиваю... А вы вѣрите?—кинула она на меня украдкой быстрый взглядъ.

— Чему? Тому, что твоя бабка мнѣ гадала, или вообще?

— Нѣтъ, вообще...

— Какъ сказать, вѣрнѣе будетъ, что не вѣрю, а все-таки почемъ знать? Говорятъ, бываютъ случаи... Даже въ умныхъ книгахъ объ нихъ напечатано. А вотъ тому, что твоя бабка говорила, такъ совсѣмъ не вѣрю. Такъ и любая баба деревенская сумѣетъ поворожить.

Олеся улыбнулась.

— Да, это правда, что она теперь плохо гадаетъ. Стара стала, да и боится она очень. А что вамъ карты сказали?

— Ничего интереснаго не было. Я теперь и не помню. Что обыкновенно говорятъ: дальняя дорога, трефовый интересъ... Я и позабылъ даже.

— Да, да, плохая она стала ворожка. Слова многія позабыла отъ старости... Куда жъ ей? Да и опасается она. Развѣ только деньги увидитъ, такъ согласится.

— Чего же она боится?

— Извѣстно чего,—начальства боится... Урядникъ пріѣдетъ, такъ завсегда грозитъ: «Я, говоритъ, тебя во всякое время могу упрятать. Ты знаешь, говоритъ, что вашему брату за чародѣйство полагается? Ссылка въ каторжную работу, безъ сроку, на Соколиный островъ. Какъ вы думаете, вретъ онъ это или нѣтъ?

— Нѣтъ, врать онъ не вретъ; дѣйствительно, за это что-то полагается, но уже не такъ страшно... Ну, а ты, Олеся, умѣешь гадать?

Она, какъ будто бы, немного замялась, но всего лишь на мгновеніе.

— Гадаю... Только не за деньги,—добавила она поспѣшно.

— Можетъ быть, ты и мнѣ кинешь карты?

— Нѣтъ,—тихо, но рѣшительно отвѣтила она, покачавъ головой.

— Почему же ты не хочешь? Ну, не теперь, такъ когда-нибудь послѣ... Мнѣ почему-то кажется, что ты мнѣ правду скажешь.

— Нѣтъ. Не стану. Ни за что не стану.

— Ну, ужъ это нехорошо, Олеся. Ради перваго знакомства нельзя отказывать... Почему ты несогласна?

— Потому, что я на васъ уже бросала карты, въ другой разъ нельзя...

— Нельзя? Отчего же? Я этого не понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, нельзя...—зашептала она съ суевѣрнымъ страхомъ.—Судьбу нельзя два раза пытать... Не годится... Она узнаетъ, подслушаетъ... Судьба не любитъ, когда ее спрашиваютъ. Оттого всѣ ворожки несчастныя.

Я хотѣлъ отвѣтить Олесѣ какой-нибудь шуткой и не могъ: слишкомъ много искренняго убѣжденія было въ ея словахъ, такъ что даже, когда она, упомянувъ про судьбу, со странной боязнью оглянулась на дверь, я невольно повторилъ это движеніе.

— Ну, если не хочешь мнѣ погадать, такъ разскажи, что у тебя тогда вышло?—попросилъ я.

Олеся вдругъ бросила прялку и притронулась рукой къ моей рукѣ.

— Нѣтъ... Лучше не надо,—сказала она, и ея глаза приняли умоляющее, дѣтское выраженіе. — Пожалуйста, не просите... Нехорошо вамъ вышло... Не просите лучше...

Но я продолжалъ настаивать. Я не могъ разобрать:

былъ ли ея отказъ и темные намеки на судьбу наигранным пріемомъ гадалки, или она, дѣйствительно, сама вѣрила въ то, о чемъ говорила, но мнѣ стало какъ-то не по себѣ, почти жутко...

— Ну, хорошо, я, пожалуй, скажу,—согласилась, наконецъ, Олеся.—Только смотрите, уговоръ лучше денегъ: не сердиться, если вамъ что не понравится. Вышло вамъ вотъ что: человѣкъ вы хотя и добрый, но только слабый... Доброта ваша не хорошая, не сердечная. Слову вы своему не господинъ. Надъ людьми любите верхъ брать, а сами имъ хотя и не хотите, но подчиняетесь. Вино любите, а также... Ну, да все равно, говорить, такъ ужъ все по-порядку... До нашей сестры больно охочи, и черезъ это вамъ много въ жизни будетъ зла... Деньгами вы не дорожите и копить ихъ не умѣете—богатымъ никогда не будете... Говорить дальше?

— Говори, говори! Все, что знаешь, говори!

— Дальше вышло, что жизнь ваша будетъ невеселая. Никого вы сердцемъ не полюбите, потому, что сердце у васъ холодное, лѣнивое, а тѣмъ, которыя васъ будутъ любить, вы много горя принесете. Никогда вы не женитесь, такъ холостымъ и умрете. Радостей вамъ въ жизни большихъ не будетъ, но будетъ много скуки и тяготы... Настанетъ такое время, что руки сами на себя наложить захотите... Такое у васъ дѣло одно выйдетъ... Но только не посмѣете, такъ снесете... Сильную нужду будете терпѣть, однако, подъ конецъ жизни судьба ваша перемѣнится черезъ смерть какого-то близкаго вамъ человѣка и совсѣмъ для васъ неожиданно. Только все это будетъ еще черезъ много лѣтъ, а вотъ въ этомъ году... Я не знаю, ужъ когда именно—карты говорятъ, что очень скоро... Можетъ быть, даже и въ этомъ мѣсяцѣ...

— Что же случится въ этомъ году?—спросилъ я, когда она опять остановилась.

— Да ужъ боюсь даже говорить дальше. Падаетъ

вамъ большая любовь со стороны какой-то трефовой дамы. Вотъ только не могу догадаться, замужняя она или дѣвушка, а знаю, что съ темными волосами...

Я невольно бросилъ быстрый взглядъ на голову Олеси.

— Что вы смотрите?—покраснѣла вдругъ она, почувствовавъ мой взглядъ съ пониманіемъ, свойственнымъ нѣкоторымъ женщинамъ.—Ну да, въ родѣ моихъ,—продолжала она, машинально поправляя волосы и еще больше краснѣя.

— Такъ ты говоришь—большая трефовая любовь?—пошутилъ я.

— Не смѣйтесь, не надо смѣяться,—серьезно, почти строго, замѣтила Олеся.—Я вамъ все только правду говорю.

— Ну, хорошо, не буду, не буду. Что же дальше?

— Дальше... Охъ! Нехорошо выходитъ этой трефовой дамѣ, хуже смерти. Позоръ она черезъ васъ большой приметъ, такой, что во всю жизнь забыть нельзя, печаль долгая ей выходитъ... А вамъ въ ея планетѣ ничего дурного не выходитъ.

— Послушай, Олеся, а не могли ли тебя карты обмануть? Зачѣмъ же я буду трефовой дамѣ столько непріятнаго дѣлать? Человѣкъ я тихій, скромный, а ты столько страховъ про меня наговорила.

— Ну, ужъ этого я не знаю. Да и выпало-то такъ, что не вы это сдѣлаете,—не нарочно, значитъ, а только черезъ васъ вся эта бѣда стрясется... Вотъ, когда мои слова сбудутся, вы меня тогда вспомните.

— И все это тебѣ карты сказали, Олеся?

Она отвѣтила не сразу, уклончиво и какъ будто бы неохотно:

— И карты... Да я и безъ нихъ узнаю много, вотъ хоть бы по лицу. Если, напримѣръ, который человѣкъ долженъ скоро нехорошей смертью умереть, я это сей-

часъ у него въ лицѣ прочитаю, даже говорить мнѣ съ нимъ не нужно.

— Что же ты видишь у него въ лицѣ?

— Да я и сама не знаю. Страшно мнѣ вдругъ сдѣлается, точно онъ не живой передо мной стоитъ. Вотъ хоть у бабушки спросите, она вамъ скажетъ, что я правду говорю. Трофимъ, мельникъ, въ позапрошломъ году у себя на млинѣ удавился, а я его только за два дня передъ тѣмъ видѣла и тогда же сказала бабушкѣ: «Вотъ посмотри, бабуся, что Трофимъ на-дняхъ дурной смертью умретъ». Такъ оно и вышло. А на прошлыя святки зашелъ къ намъ конокрадъ-Яшка, просилъ бабушку погадать. Бабушка разложила на него карты, стала ворожить. А онъ шутя спрашиваетъ: «Ты мнѣ скажи, бабка, какой я смертью умру?» А самъ смѣется. Я какъ поглядѣла на него, такъ и пошевельнуться не могу: вижу, сидитъ Яковъ, а лицо у него мертвое, зеленое... Глаза закрыты, а губы черныя... Потомъ, черезъ недѣлю, слышимъ, что поймали мужики Якова, когда онъ лошадей хотѣлъ свести... Всю ночь его били... Злой у насъ народъ здѣсь, безжалостный... Въ пятки гвозди ему заколотили, перебили кольями всѣ ребра, а къ утру изъ него и духъ вонъ.

— Отчего же ты ему не сказала, что его бѣда ждетъ?

— А зачѣмъ говорить?—возразила Олеся.—Что у судьбы положено, развѣ отъ этого убѣжишь? Только бы понапрасну человѣкъ свои послѣдніе дни тревожился... Да мнѣ и самой гадко, что я такъ вижу, сама себѣ я противна дѣлаюсь... Только что жъ? Это вѣдь у меня отъ судьбы. Бабка моя, когда помоложе была, тоже смерть узнавала, и моя мать тоже, и бабкина мать— это не отъ насъ... это въ нашей крови такъ.

Она перестала прясть и сидѣла, низко опустивъ голову, тихо положивъ руки вдоль колѣнъ. Въ ея непо-

движно остановившихся глазахъ, съ расширившимися зрачками отразился какой-то темный ужасъ, какая-то невольная покорность таинственнымъ силамъ и сверхъестественнымъ знаніямъ, осѣнявшимъ ея душу.

V.

Въ это время старуха разостлала на столѣ чистое полотенце, съ вышитыми концами, и поставила на него дымящійся горшокъ.

— Иди ужинать, Олеся,—позвала она внучку и послѣ минутнаго колебанія прибавила, обращаясь ко мнѣ:—можетъ быть, и вы, господинъ, съ нами откушаете? Мнлости просимъ... Только не важныя у насъ кушанья-то, суповъ не варимъ, а просто крупничекъ полевой...

Нельзя сказать, чтобы ея приглашеніе отзывалось особенной настойчивостью, и я уже было хотѣлъ отказаться отъ него, но Олеся, въ свою очередь, попросила меня съ такой милой простотой и съ такой ласковой улыбкой, что я поневолѣ согласился. Она сама налила мнѣ полную тарелку крупника—похлебки изъ гречневой крупы съ саломъ, лукомъ, картофелемъ и курицей—чрезвычайно вкуснаго и питательнаго кушанья. Садясь за столъ, ни бабушка, ни внучка не перекрестились. За ужиномъ я не переставалъ наблюдать за обѣими женщинами, потому что, по моему глубокому убѣжденію, которое я и до сихъ поръ сохраняю, нигдѣ человѣкъ не высказывается такъ ясно, какъ во время ѣды. Старуха глотала крупникъ съ торопливой жадностью, громко чавкая и запихивая въ ротъ огромные куски хлѣба, такъ что подъ ея дряблыми щеками вздувались и двигались большія гули. У Олеси даже въ манерѣ ѣсть была какая-то врожденная порядочность.

Спустя часъ послѣ ужина, я простился съ хозяйками избушки на курьихъ ножкахъ.

— Хотите, я васъ провожу немножко?—предложила Олеся.

— Какіе такіе проводы еще выдумала!—сердито пошамкала старуха.—Не сидится тебѣ на мѣстѣ, стрекоза...

Но Олеся уже накинула на голову красный кашемировый платокъ и вдругъ, подбѣжавъ къ бабушкѣ, обняла ее и звонко поцѣловала.

— Бабушка! Милая, дорогая, золотая... я только на минуточку, сейчасъ и назадъ.

— Ну, ладно, ужъ ладно, верченая,—слабо отбивалась отъ нея старуха.—Вы, господинъ, не обезсудьте: совсѣмъ дурочка она у меня.

Пройдя узкую тропинку, мы вышли на лѣсную дорогу, черную отъ грязи, всю истоптанную слѣдами копытъ и изборожденную колеями, полными воды, въ которой отражался пожаръ вечерней зари. Мы шли обочиной дороги, сплошь покрытой бурыми, прошлогодними листьями, еще не высохшими послѣ снѣга. Кое-гдѣ сквозь ихъ мертвую желтизну подымали свои лиловыя головки крупные колокольчики «сна» — перваго цвѣтка Полѣсья.

— Послушай, Олеся,—началъ я,—мнѣ очень хочется спросить тебя кое о чемъ, да я боюсь, что ты разсердишься... Скажи мнѣ, правду ли говорятъ, что твоя бабка... какъ бы это выразиться?..

— Колдунья?—спокойно помогла мнѣ Олеся.

— Нѣтъ... Не колдунья...—замялся я.—Ну да, если хочешь—колдунья... Конечно, вѣдь мало ли что болтаютъ. Почему ей просто-напросто не знать какихъ-нибудь травъ, средствъ, заговоровъ?.. Впрочемъ, если тебѣ это непріятно, ты можешь не отвѣчать.

— Нѣтъ, отчего же,—отозвалась она просто,—что жъ тутъ непріятнаго? Да, она, правда, колдунья. Но

только теперь она стала стара и ужъ не можетъ дѣлать того, что дѣлала раньше.

— Что же она умѣла дѣлать?—полюбопытствовалъ я.

— Разное. Лѣчить умѣла, отъ зубовъ пользовала, руду заговаривала, отчитывала, если кого бѣшеная собака укуситъ или змѣя, клады указывала... да всего и не перечислишь.

— Знаешь что, Олеся?.. Ты меня извини, а я вѣдь этому всему не вѣрю. Ну будь со мною откровенна, я тебя никому не выдамъ: вѣдь все это— одно притворство, чтобы только людей морочить?

Она равнодушно пожала плечами.

— Думайте, какъ хотите. Конечно, бабу деревенскую обморочить ничего не стоитъ, но васъ бы я не стала обманывать.

— Значитъ ты твердо вѣришь колдовству?

— Да какъ же мнѣ не вѣрить? Вѣдь у насъ въ роду чары... Я и сама многое умѣю.

— Олеся, голубушка... Если бы ты знала, какъ мнѣ это интересно... Неужели ты мнѣ ничего не покажешь?

— Отчего же, покажу, если хотите,—съ готовностью согласилась Олеся.—Сейчасъ желаете?

— Да, если можно, сейчасъ.

— А бояться не будете?

— Ну вотъ глупости. Ночью, можетъ быть, боялся бы, а теперь еще свѣтло.

— Хорошо. Дайте мнѣ руку.

Я повиновался. Олеся быстро засучила рукавъ моего пальто и разстегнула запонку у манжетки, потомъ она достала изъ своего кармана небольшой, вершка въ три, финскій ножикъ и вынула его изъ кожанаго чехла.

— Что ты хочешь дѣлать?—спросилъ я, чувствуя, какъ во мнѣ шевельнулось подленькое опасеніе.

— А вотъ сейчасъ... Вѣдь вы же сказали, что не будете бояться!

Вдругъ рука ея сдѣлала едва замѣтное легкое движеніе, и я ощутилъ въ мякоти руки, немного выше того мѣста, гдѣ щупаютъ пульсъ, раздражающее прикосновеніе остраго лезвея. Кровь тотчасъ же выступила во всю ширину порѣза, полилась по рукѣ и частыми каплями закапала на землю. Я едва удержался отъ того, чтобы не крикнуть, но, кажется, поблѣднѣлъ.

— Не бойтесь, живы останетесь,—усмѣхнулась Олеся.

Она крѣпко обхватила рукой мою руку повыше раны и, низко склонившись къ ней лицомъ, стала быстро шептать что-то, обдавая мою кожу горячимъ прерывистымъ дыханіемъ. Когда же Олеся выпрямилась и разжала свои пальцы, то на пораненномъ мѣстѣ осталась только красная царапина.

— Ну что? Довольно съ васъ?—съ лукавой улыбкой спросила она, пряча свой ножикъ.—Хотите еще?

— Конечно хочу. Только, если бы можно было, не такъ ужъ страшно и безъ кровопролитія, пожалуйста.

— Что бы вамъ такое показать?—задумалась она.—Ну хоть развѣ это вотъ: идите впереди меня по дорогѣ... Только, смотрите, не оборачивайтесь назадъ.

— А это не будетъ страшно?—спросилъ я, стараясь безпечной улыбкой прикрыть боязливое ожиданіе непріятнаго сюрприза.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пустяки... Идите.

Я пошелъ впередъ, очень заинтересованный опытомъ, чувствуя за своей спиной напряженный взглядъ Олеси. Но пройдя около двадцати шаговъ, я вдругъ споткнулся на совсѣмъ ровномъ мѣстѣ и упалъ ничкомъ.

— Идите, идите!—закричала Олеся.—Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживетъ... Держитесь крѣпче за землю, когда будете падать.

Я пошелъ дальше. Еще десять шаговъ, и я вторично растянулся во весь ростъ.

Олеся громко захохотала и захлопала въ ладоши.

— Ну что? Довольны?—крикнула она, сверкая своими бѣлыми зубами,—вѣрите теперь? Ничего, ничего!.. Полетѣли не вверхъ, а внизъ.

— Какъ ты это сдѣлала?—съ удивленіемъ спросилъ я, отряхиваясь отъ приставшихъ къ моей одеждѣ вѣточекъ и сухихъ травинокъ.—Это не секретъ?

— Вовсе не секретъ. Я вамъ съ удовольствіемъ разскажу. Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумѣю я объяснить...

Я дѣйствительно не совсѣмъ понялъ ее. Но, если не ошибаюсь, этотъ своеобразный фокусъ состоитъ въ томъ, что она, идя за мною слѣдомъ шагъ за шагомъ, нога въ ногу и, неотступно глядя на меня, въ то же время старается подражать каждому, самому малѣйшему моему движенію, такъ сказать, отождествляетъ себя со мною. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько шаговъ, она начинаетъ мысленно воображать, на нѣкоторомъ разстояніи впереди меня, веревку, протянутую поперекъ дороги на аршинъ отъ земли. Въ ту минуту, когда я долженъ прикоснуться ногой къ этой воображаемой веревкѣ, Олеся вдругъ дѣлаетъ падающее движеніе, и тогда, по ея словамъ, самый крѣпкій человѣкъ долженъ непремѣнно упасть... Только много времени спустя я вспомнилъ сбивчивое объясненіе Олеси, когда читалъ отчетъ д-ра Шарко объ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ двумя паціентками Сальпетріера, профессіональными колдуньями, страдавшими истеріей. И я былъ очень удивленъ, узнавъ, что французскія колдуньи изъ простонародья прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ совершенно къ той же сноровкѣ, какую пускала въ ходъ хорошенькая полѣсская вѣдьма.

— О! Я еще много чего умѣю,—самоувѣренно за-

явила Олеся.— Напримѣръ, я могу нагнать на васъ страхъ...

— Что это значитъ?

— Сдѣлаю такъ, что вамъ страшно станетъ. Сидите вы, напримѣръ, у себя въ комнатѣ вечеромъ, и вдругъ на васъ найдетъ ни съ того ни съ сего такой страхъ, что вы задрожите и оглянуться назадъ не посмѣете. Только для этого мнѣ нужно знать, гдѣ вы живете, и раньше видѣть вашу комнату.

— Ну ужъ это совсѣмъ просто,—усомнился я.— Подойдешь къ окну, постучишь, крикнешь что-нибудь.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я буду въ лѣсу въ это время, никуда изъ хаты не выйду... Но я буду сидѣть и все думать, что вотъ я иду по улицѣ, вхожу въ вашъ домъ, отворяю двери, вхожу въ вашу комнату... Вы сидите гдѣ-нибудь... ну, хоть, у стола... я подкрадываюсь къ вамъ сзади тихонько... вы меня не слышите... я хватаю васъ за плечо руками и начинаю давить... все крѣпче, крѣпче, крѣпче... а сама гляжу на васъ... вотъ такъ—смотрите...

Ея тонкія брови вдругъ сдвинулись, глаза въ упоръ остановились на мнѣ съ грознымъ и притягивающимъ выраженіемъ, зрачки увеличились и посинѣли. Мнѣ тотчасъ же вспомнилась видѣнная мною въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, голова Медузы,—работа ужъ не помню какого художника. Подъ этимъ пристальнымъ страннымъ взглядомъ меня охватилъ холодный ужасъ сверхъестественнаго.

— Ну полно, полно, Олеся... будетъ,—сказалъ я съ дѣланнымъ смѣхомъ.—Мнѣ гораздо больше нравится, когда ты улыбаешься—тогда у тебя такое милое, дѣтское лицо.

Мы пошли дальше. Мнѣ вдругъ вспомнилась выразительность и даже для простой дѣвушки изысканность фразъ въ разговорѣ Олеси, и я сказалъ:

— Знаешь, что меня удивляетъ въ тебѣ, Олеся?

Вотъ ты выросла въ лѣсу, никого не видавши... Читать ты, конечно, тоже много не могла...

— Да я вовсе не умѣю и читать-то.

— Ну, тѣмъ болѣе... А между тѣмъ ты такъ хорошо говоришь, не хуже настоящей барышни. Скажи мнѣ, откуда у тебя это? Понимаешь, о чемъ я спрашиваю?

— Да, понимаю. Это все отъ бабушки... Вы не глядите, что она такая съ виду. У! Какая она умная! Вотъ, можетъ быть, она и при васъ разговорится, когда побольше привыкнетъ... Она все знаетъ, ну просто все на свѣтѣ, про что ни спросишь. Правда, постарѣла она теперь.

— Значитъ она много видѣла на своемъ вѣку? Откуда она родомъ? Гдѣ она раньше жила?

Кажется, эти вопросы не понравились Олесѣ. Она отвѣтила не сразу, уклончиво и неохотно:

— Не знаю... Да она объ этомъ и не любитъ говорить. Если же когда и скажетъ что, то всегда проситъ забыть и не вспоминать больше... Ну, однако, мнѣ пора,—заторопилась Олеся,—бабушка будетъ сердиться. До свиданья... Простите, имени вашего не знаю.

Я назвался.

— Иванъ Тимоѳеевичъ? Ну, вотъ и отлично. Такъ до свиданья, Иванъ Тимоѳеевичъ! Не брезгуйте нашей хатой, заходите.

На прощанье я протянулъ ей руку, и ея маленькая крѣпкая рука отвѣтила мнѣ сильнымъ, дружескимъ пожатіемъ.

VI.

Съ этого дня я сталъ частымъ гостемъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Каждый разъ, когда я приходилъ, Олеся встрѣчала меня съ своимъ привычнымъ сдержаннымъ достоинствомъ. Но всегда, по первому невольному движенію, которое она дѣлала, увидѣвъ меня, я замѣ-

чалъ, что она радуется моему приходу. Старуха попрежнему не переставала бурчать что-то себѣ подъ носъ, но явнаго недоброжелательства не выражала, благодаря невидимому для меня, но несомнѣнному заступничеству внучки; также не малое вліяніе въ благотворномъ для меня смыслѣ оказывали приносимые мною кое-когда подарки: то теплый платокъ, то банка варенья, то бутылка вишневой наливки. У насъ съ Олесей, точно по безмолвному обоюдному уговору, вошло въ обыкновеніе, что она меня провожала до Ириновскаго шляха, когда я уходилъ домой. И всегда у насъ въ это время завязывался такой живой, интересный разговоръ, что мы оба старались поневолѣ продлить дорогу, идя какъ можно тише безмолвными лѣсными опушками. Дойдя до Ириновскаго шляха, я ее провожалъ обратно съ полверсты, и все-таки, прежде чѣмъ проститься, мы еще долго разговаривали, стоя подъ пахучимъ навѣсомъ сосновыхъ вѣтвей.

Не одна красота Олеси меня въ ней очаровывала, но также и ея цѣльная, самобытная, свободная натура, ея умъ, одновременно ясный и скутанный непоколебимымъ наслѣдственнымъ суевѣріемъ, дѣтски-невинный, но и не лишенный лукаваго кокетства красивой женщины. Она не уставала меня разспрашивать подробно обо всемъ, что занимало и волновало ея первобытное, яркое воображеніе: о странахъ и народахъ, объ явленіяхъ природы, объ устройствѣ земли и вселенной, объ ученыхъ людяхъ, о большихъ городахъ... Многое ей казалось удивительнымъ, сказочнымъ, неправдоподобнымъ. Но я съ самаго начала нашего знакомства взялъ съ нею такой серьезный, искренній и простой тонъ, что она охотно принимала на безконтрольную вѣру всѣ мои разсказы. Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишкомъ, по моему мнѣнію, непонятное для ея полудикарской головы (а иной разъ и самому мнѣ не со-

всѣмъ ясное), я возражалъ на ея жадные вопросы: «Видишь ли... Я не сумѣю тебѣ этого разсказать... Ты не поймешь меня».

Тогда она принималась меня умолять:

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, я постараюсь... Вы хоть какъ-нибудь скажите... хоть и непонятно...

Она принуждала меня пускаться въ чудовищныя сравненія, въ самые дерзкіе примѣры, и, если я затруднялся подыскать выраженіе, она сама помогала мнѣ цѣлымъ дождемъ нетерпѣливыхъ вопросовъ, въ родѣ тѣхъ, которые мы предлагаемъ заикѣ, мучительно застрявшему на одномъ словѣ. И, дѣйствительно, въ концѣ-концовъ ея гибкій, подвижной умъ и свѣжее воображеніе торжествовали надъ моимъ педагогическимъ безсиліемъ. Я поневолѣ убѣждался, что для своей среды, для своего воспитанія (или, вѣрнѣе сказать, отсутствія его) она обладала изумительными способностями.

Однажды я вскользь упомянулъ что-то про Петербургъ. Олеся тотчасъ же заинтересовалась:

— Что такое Петербургъ? Мѣстечко?

— Нѣтъ, это не мѣстечко; это самый большой русскій городъ.

— Самый большой? Самый, самый, что ни на есть? И больше его нѣту?—наивно пристала она ко мнѣ.

— Ну да.. Тамъ все главное начальство живетъ... господа большіе... Дома тамъ все каменные, деревянныхъ нѣтъ.

— Ужъ, конечно, гораздо больше нашей Степани?— увѣренно спросила Олеся.

— О да... немножко побольше... такъ, разъ въ пятьсотъ. Тамъ такіе есть дома, въ которыхъ въ каждомъ народу живетъ вдвое больше, чѣмъ во всей Степани.

— Ахъ, Боже мой! Какіе же это дома?—почти въ испугѣ спросила Олеся.

Мнѣ пришлось, по обыкновенію, прибѣгнуть къ сравненію.

— Ужасные дома. Въ пять, въ шесть, а то и въ семь этажей. Видишь вонъ ту сосну?

— Самую большую? Вижу.

— Такъ вотъ такіе высокіе дома. И сверху до низу набиты людьми. Живутъ эти люди въ маленькихъ конуркахъ, точно птицы въ клѣткахъ, человѣкъ по десяти въ каждой, такъ что всѣмъ и воздуху-то не хватаетъ. А другіе внизу живутъ, подъ самой землей, въ сырости и холодѣ; случается, что солнца у себя въ комнатѣ круглый годъ не видятъ.

— Ну ужъ я бъ ни за что не промѣняла своего лѣса на вашъ городъ,—сказала Олеся, покачавъ головой.—Я и въ Степань-то приду на базаръ, такъ мнѣ противно сдѣлается. Толкаются, шумятъ, бранятся... И такая меня тоска возьметъ за лѣсомъ,—такъ бы бросила все и безъ оглядки побѣжала... Богъ съ нимъ, съ городомъ вашимъ, не стала бы я тамъ жить никогда.

— Ну, а если твой мужъ будетъ изъ города?—спросилъ я съ легкой улыбкой.

Ея брови нахмурились и тонкія ноздри дрогнули.

— Вотъ еще!—сказала она съ пренебреженіемъ.— Никакого мнѣ мужа не надо.

— Это ты теперь только такъ говоришь, Олеся. Почти всѣ дѣвушки то же самое говорятъ и все же замужъ выходятъ. Подожди немного: встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь, полюбишь—тогда не только въ городъ, а на край свѣта съ нимъ пойдешь.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... пожалуйста, не будемъ объ этомъ,—досадливо отмахивалась она.—Ну къ чему этотъ разговоръ?.. Прошу васъ, не надо.

— Какая ты смѣшная, Олеся. Неужели ты думаешь, что никогда въ жизни не полюбишь мужчину?

Ты—такая молодая, красивая, сильная. Если въ тебѣ кровь загорится, то ужъ тутъ не до зароковъ будетъ.

— Ну что жъ—и полюблю!—сверкнувъ глазами, съ вызовомъ отвѣтила Олеся.—Спрашиваться ни у кого не буду...

— Стало быть и замужъ пойдешь,—поддразнилъ я.

— Это вы, можетъ быть, про церковь говорите?—догадалась она.

— Конечно, про церковь... Священникъ вокругъ аналоя будетъ водить, дьякъ запоетъ «Исаія ликуй», на голову тебѣ надѣнутъ вѣнецъ...

Олеся опустила вѣки и со слабой улыбкой отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, голубчикъ... Можетъ быть, вамъ и не понравится, что я скажу, а только у насъ въ роду никто не вѣнчался: и мать, и бабка безъ этого прожили... Намъ въ церковь и заходить-то нельзя...

— Все изъ-за колдовства вашего?

— Да, изъ-за нашего колдовства,—со спокойной серьезностью отвѣтила Олеся.—Какъ же я посмѣю въ церковь показаться, если уже отъ самаго рожденія моя душа продана *ему*.

— Олеся... Милая... Повѣрь мнѣ, что ты сама себя обманываешь... Вѣдь это дико, это смѣшно, что ты говоришь.

На лицѣ Олеси опять показалось уже замѣченное мною однажды странное выраженіе убѣжденной и мрачной покорности своему таинственному предназначенію.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы этого не можете понять, а я это чувствую... Вотъ здѣсь,—она крѣпко притиснула руку къ груди,—въ душѣ чувствую. Весь нашъ родъ проклятъ вовѣки-вѣковъ. Да вы посудите сами: кто же намъ помогаетъ, какъ не *онъ?* Развѣ можетъ простой человѣкъ сдѣлать то, что я могу? Вся наша сила отъ *него* идетъ.

И каждый разъ нашъ разговоръ, едва коснувшись этой необычайной темы, кончался подобнымъ образомъ. Напрасно я истощалъ всѣ доступные пониманію Олеси доводы, напрасно говорилъ въ простой формѣ о гипнотизмѣ, о внушеніи, о докторахъ-психіатрахъ и объ индійскихъ факирахъ, напрасно старался объяснить ей физіологическимъ путемъ нѣкоторые изъ ея опытовъ, хотя бы, напримѣръ, заговариваніе крови, которое такъ просто достигается искуснымъ нажатіемъ на вену,— Олеся, такая довѣрчивая ко мнѣ во всемъ остальномъ, съ упрямой настойчивостью опровергала всѣ мои доказательства и объясненія... «Ну хорошо, хорошо, про заговоръ крови я вамъ, такъ и быть, подарю,—говорила она, возвышая голосъ въ увлеченіи спора,—а откуда же другое берется? Развѣ я одно только знаю, что кровь заговаривать? Хотите, я вамъ въ одинъ день всѣхъ мышей и таракановъ выведу изъ хаты? Хотите, я въ два дня вылѣчу простой водой самую сильную огневицу, хоть бы всѣ ваши доктора отъ больного отказались? Хотите, я сдѣлаю такъ, что вы какое-нибудь одно слово совсѣмъ позабудете? А сны почему я разгадываю? А будущее почему узнаю?»

Кончался этотъ споръ всегда тѣмъ, что и я, и Олеся умолкали не безъ внутренняго раздраженія другъ противъ друга. Дѣйствительно, для многаго изъ ея чернаго искусства я не умѣлъ найти объясненія въ своей небольшой наукѣ. Я не знаю и не могу сказать, обладала ли Олеся и половиной тѣхъ секретовъ, о которыхъ говорила съ такой наивной вѣрой, но то, чему я самъ бывалъ нерѣдко свидѣтелемъ, вселило въ меня непоколебимое убѣжденіе, что Олесѣ были доступны тѣ безсознательныя, инстинктивныя, туманныя, добытыя случайнымъ опытомъ, странныя знанія, которыя, опередивъ точную науку на цѣлыя столѣтія, живутъ, перемѣшавшись со смѣшными и дикими повѣрьями, въ темной, замкнутой

народной массѣ, передаваясь какъ величайшая тайна изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Несмотря на рѣзкое разногласіе въ этомъ единственномъ пунктѣ, мы все сильнѣе и крѣпче привязывались другъ къ другу. О любви между нами не было сказано еще ни слова, но быть вмѣстѣ для насъ уже сдѣлалось потребностью, и часто въ молчаливыя минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встрѣчались, я видѣлъ, какъ увлажнялись глаза Олеси и какъ билась тоненькая голубая жилка у нея на вискѣ...

Зато мои отношенія съ Ярмолой совсѣмъ испортились. Для него, очевидно, не были тайной мои посѣщенія избушки на курьихъ ножкахъ и вечернія прогулки съ Олесей: онъ всегда съ удивительной точностью зналъ все, что происходитъ въ *его* лѣсу. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что онъ начинаетъ избѣгать меня. Его черные глаза слѣдили за мною издали съ упрекомъ и неудовольствіемъ каждый разъ, когда я собирался итти въ лѣсъ, хотя порицанія своего онъ не высказывалъ ни однимъ словомъ. Наши комически-серьезныя занятія грамотой прекратились. Если же я иногда вечеромъ звалъ Ярмолу учиться, онъ только махалъ рукой.

— Куда тамъ! Пустое это дѣло, панычъ,—говорилъ онъ съ лѣнивымъ презрѣніемъ.

На охоту мы тоже перестали ходить. Всякій разъ, когда я подымалъ объ этомъ разговоръ, у Ярмолы находился какой-нибудь предлогъ для отказа: то ружье у него неисправно, то собака больна, то ему самому некогда—«Нема часу, панычъ... нужно пашню сегодня орать», чаще всего отвѣчалъ Ярмола на мое приглашеніе, и я отлично зналъ, что онъ вовсе не будетъ «орать пашню», а проведетъ цѣлый день около монополіи въ сомнительной надеждѣ на чье-нибудь угощеніе. Эта безмолвная, затаенная вражда начинала меня утомлять, и я уже подумывалъ о томъ, чтобы отказаться отъ услугъ

Ярмолы, воспользовавшись для этого первымъ подходящимъ предлогомъ... Меня останавливало только чувство жалости къ его огромной нищей семьѣ, которой четыре рубля Ярмолова жалованья помогали не умереть съ голода.

VII.

Однажды, когда я по обыкновенію пришелъ передъ вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ, мнѣ сразу бросилось въ глаза удрученное настроеніе духа ея обитательницъ. Старуха сидѣла съ ногами на постели и, сгорбившись, обхвативъ голову руками, качалась взадъ и впередъ и что-то невнятно бормотала. На мое привѣтствіе она не обратила никакого вниманія. Олеся поздоровалась со мной, какъ и всегда, ласково, но разговоръ у насъ не вязался. Повидимому, она слушала меня разсѣянно и отвѣчала невпопадъ. На ея красивомъ лицѣ лежала тѣнь какой-то безпрестанной внутренней заботы.

— Я вижу, у васъ случилось что-то нехорошее, Олеся,—сказалъ я, осторожно прикасаясь рукой къ ея рукѣ, лежавшей на скамейкѣ.

Олеся быстро отвернулась къ окну, точно разглядывая тамъ что. Она старалась казаться спокойной, но ея брови сдвинулись и задрожали, а зубы крѣпко прикусили нижнюю губу.

— Нѣтъ... что же у насъ могло случиться особеннаго?—произнесла она глухимъ голосомъ.—Все какъ было, такъ и осталось.

— Олеся, зачѣмъ ты говоришь мнѣ неправду? Это нехорошо съ твоей стороны... А я было думалъ, что мы съ тобой совсѣмъ друзьями стали.

— Право же ничего нѣтъ... Такъ... свои заботы... пустяшныя...

— Нѣтъ, Олеся, должно быть не пустяшныя. Посмотри—ты сама на себя не похожа сдѣлалась.

— Это вамъ такъ кажется только.

— Будь же со мной откровенна, Олеся. Не знаю, смогу ли я тебѣ помочь, но, можетъ быть, хоть совѣтъ какой-нибудь дамъ... Ну, наконецъ, просто тебѣ легче станетъ, когда подѣлишься горемъ.

— Ахъ, да правда не стоитъ и говорить объ этомъ,— съ нетерпѣніемъ возразила Олеся.—Ничѣмъ вы тутъ намъ не можете пособить.

Старуха вдругъ съ небывалой горячностью вмѣшалась въ нашъ разговоръ:

— Чего ты фордыбачишься, дурочка! Тебѣ дѣло говорятъ, а ты носъ дерешь. Точно умнѣе тебя и на свѣтѣ-то нѣтъ никого. Позвольте, господинъ, я вамъ всю эту исторію разскажу по порядку,—повернулась она въ мою сторону.

Размѣры непріятности оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ я могъ предположить изъ словъ гордой Олеси. Вчера вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ заѣзжалъ мѣстный урядникъ.

— Сначала-то онъ честь-честью сѣлъ и водки потребовалъ,—говорила Мануйлиха,—а потомъ и пошелъ, и пошелъ. Выбирайся—говоритъ—изъ хаты въ двадцать четыре часа со всѣми своими потрохами. Если—говоритъ—я въ слѣдующій разъ пріѣду и застану тебя здѣсь, такъ и знай, не миновать тебѣ этапнаго порядка. При двухъ—говоритъ—солдатахъ отправлю тебя, знаѳему, на родину. А моя родина, батюшка, далекая, городъ Амченскъ... У меня тамъ теперь и души знакомой нѣтъ, да и пачпорта наши просрочены-распросрочены, да еще къ тому неисправные. Ахъ, Ты, Господи, несчастье мое!

— Почему же онъ раньше позволялъ тебѣ жить, а только теперь надумался?—спросилъ я.

— Да вотъ поди жъ ты... Брехалъ онъ что-то такое, да я, признаться, не поняла. Видишь какое дѣло: хибарка

эта, вотъ въ которой мы живемъ, не наша, а помѣщичья. Вѣдь мы раньше съ Олесей на селѣ жили, а потомъ...

— Знаю, знаю, бабушка, слышалъ объ этомъ... Мужики на тебя разсердились...

— Ну вотъ, вотъ это самое. Я тогда у стараго помѣщика, господина Абросимова, эту халупу выпросила. Ну, а теперь, будто бы, купилъ лѣсъ новый помѣщикъ, и, будто бы, хочетъ онъ какія-то болота, что ли, сушить. Только чего же я-то имъ помѣшала?

— Бабушка, а можетъ быть все это вранье одно?— замѣтилъ я.—Просто-напросто урядинку «красненькую» захотѣлось получить.

— Давала, родной, давала. Не бере-етъ! Вотъ исторія... Четвертной билетъ давала, не беретъ... Куд-да тебѣ! Такъ на меня вызвѣрился, что я ужъ не знала, гдѣ стою. Заладилъ въ одну дуду: «вонъ да вонъ!» Что жъ мы теперь дѣлать будемъ, сироты мы несчастныя! Батюшка родимый, хоть бы ты намъ чѣмъ помогъ, усовѣстилъ бы его, утробу ненасытную. Вѣкъ бы, кажется, была тебѣ благодарна.

— Бабушка!—укоризненно, съ разстановкой произнесла Олеся.

— Чего тамъ—бабушка!—разсердилась старуха.— Я тебѣ уже двадцать пятый годъ—бабушка. Что же по-твоему, съ сумой лучше итти? Нѣтъ, господинъ, вы ея не слушайте. Ужъ будьте милостивы, если что можете сдѣлать, то сдѣлайте.

Я въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ обѣщалъ похлопотать, хотя, по правдѣ сказать, надежды было мало. Если ужъ нашъ урядникъ отказывался «взять», значитъ дѣло было слишкомъ серьезное. Въ этотъ вечеръ Олеся простилась со мной холодно и, противъ обыкновенія, не пошла меня провожать. Я видѣлъ, что самолюбивая дѣвушка сердится на меня за мое вмѣшательство и немного стыдится бабушкиной плаксивости.

VIII.

Было сѣренькое теплое утро. Уже нѣсколько разъ принимался итти крупный, короткій, благодатный дождь, послѣ котораго на глазахъ растетъ молодая трава и вытягиваются новые побѣги. Послѣ дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостнымъ сверканіемъ облитую дождемъ молодую, еще нѣжную зелень сиреней, сплошь наполнявшихъ мой палисадникъ; громче становился задорный крикъ воробьевъ на рыхлыхъ огородныхъ грядкахъ; сильнѣе благоухали клейкія коричневыя почки тополя. Я сидѣлъ у стола и чертилъ планъ лѣсной дачи, когда въ комнату вошелъ Ярмола.

— Есть врядникъ,—проговорилъ онъ мрачно.

У меня въ эту минуту совсѣмъ вылетѣло изъ головы отданное мною два дня тому назадъ приказаніе увѣдомить меня въ случаѣ пріѣзда урядника, и я никакъ не могъ сразу сообразить, какое отношеніе имѣетъ въ настоящую минуту ко мнѣ этотъ представитель власти.

— Что такое?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Говорю, что врядникъ пріѣхалъ,—повторилъ Ярмола тѣмъ же враждебнымъ тономъ, который онъ вообще принялъ со мною за послѣдніе дни.—Сейчасъ я видѣлъ его на плотинѣ. Сюда ѣдетъ.

На улицѣ послышалось тарахтѣніе колесъ. Я поспѣшно бросился къ окну и отворилъ его. Длинный, худой шоколаднаго цвѣта меринъ съ отвислой нижней губой и обиженной мордой степенной рысцой влекъ высокую тряскую плетушку, съ которой онъ былъ соединенъ при помощи одной лишь оглобли,—другую оглоблю замѣняла толстая веревка (злые уѣздные языки увѣряли, что урядникъ нарочно завелъ этотъ печальный «выѣздъ» для пресѣченія всевозможныхъ нежелательныхъ толкованій). Урядникъ самъ правилъ лошадью, занимая своимъ чудовищнымъ тѣломъ, облеченнымъ въ

сѣрую шинель щегольского офицерскаго сукна оба сидѣнья.

— Мое почтеніе, Евпсихій Африкановичъ!—крикнулъ я, высовываясь изъ окошка.

— А-а, мое почтенье-съ!—Какъ здоровьице?—отозвался онъ любезнымъ раскатистымъ начальническимъ баритономъ.

Онъ сдержалъ мерина и, прикоснувшись выпрямленной ладонью къ козырьку, съ тяжеловѣсной граціей наклонилъ впередъ туловище.

— Зайдите на минуточку. У меня къ вамъ дѣлишко одно есть.

Урядникъ широко развелъ руками и затрясъ головой.

— Не могу-съ! При исполненіи служебныхъ обязанностей. Ѣду въ Волошу на мертвое тѣло—утопленникъ-съ.

Но я уже зналъ слабыя стороны Евпсихія Африкановича и потому сказалъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Жаль, жаль... А я изъ экономіи графа Ворцеля добылъ пару такихъ бутылочекъ...

— Не могу-съ. Долгъ службы...

— Мнѣ буфетчикъ по-знакомству продалъ. Онъ ихъ въ погребѣ какъ дѣтей родныхъ воспитывалъ... Зашли бы... А я вашему коньку овса прикажу дать.

— Вѣдь вотъ вы какой, право,—съ упрекомъ сказалъ урядникъ.—Развѣ не знаете, что служба прежде всего?.. А они съ чѣмъ, эти бутылки-то? Сливянка?

— Какое сливянка!—махнулъ я рукой.—Старка, батюшка, вотъ что!

— Мы, признаться, ужъ подзакусили,—съ сожалѣніемъ почесалъ щеку урядникъ, невѣроятно сморщивъ при этомъ лицо.

Я продолжалъ съ прежнимъ спокойствіемъ:

— Не знаю, правда ли, но буфетчикъ божился, что

ей двѣсти лѣтъ. Запахъ прямо какъ коньякъ и самой янтарной желтизны.

— Эхъ! Что вы со мной дѣлаете!—воскликнулъ въ комическомъ отчаяніи урядникъ.—Кто же у меня лошадь-то приметъ?

Старки у меня, дѣйствительно, оказалось нѣсколько бутылокъ, хотя и не такой древней, какъ я хвастался, но я разсчитывалъ, что сила внушенія прибавитъ ей нѣсколько десятковъ лѣтъ... Во всякомъ случаѣ это была подлинная домашняя, ошеломляющая старка, гордость погреба разорившагося магната. (Евпсихій Африкановичъ, который происходилъ изъ духовныхъ, немедленно выпросилъ у меня бутылку на случай, какъ онъ выразился, могущаго произойти простуднаго заболѣванія...) И закуска у меня нашлась гастрономическая: молодая рѣдиска со свѣжимъ, только что сбитымъ масломъ.

— Ну-съ, а дѣльце-то ваше какого сорта?—спросилъ послѣ пятой рюмки урядникъ, откинувшись на спинку затрещавшаго подъ нимъ стараго кресла.

Я принялся излагать ему положеніе бѣдной старухи, упомянулъ про ея безпомощность и отчаяніе, вскользь прошелся насчетъ ненужнаго формализма. Урядникъ слушалъ меня съ опущенной внизъ головой, методически очищая отъ корешковъ красную упругую, ядреную рѣдиску и пережевывая ее съ аппетитнымъ хрустѣніемъ. Изрѣдка онъ быстро вскидывалъ на меня равнодушные, мутные, до смѣшного маленькіе и голубые глаза, но на его красной огромной физіономіи я не могъ ничего прочесть: ни сочувствія, ни сопротивленія. Когда я наконецъ замолчалъ, онъ только спросилъ:

— Ну, такъ чего же вы отъ меня хотите?

— Какъ чего?—заволновался я.—Вникните же, пожалуйста, въ ихъ положеніе. Живутъ двѣ бѣдныя, беззащитныя женщины...

— И одна изъ нихъ прямо бутонъ садовый!—ехидно вставилъ урядникъ.

— Ну ужъ тамъ бутонъ или не бутонъ—это дѣло девятое. Но почему, скажите, вамъ и не принять въ нихъ участія? Будто бы вамъ ужъ такъ къ спѣху требуется ихъ выселить? Ну хоть подождите немного, покамѣстъ я самъ у помѣщика похлопочу. Чѣмъ вы рискуете, если подождете съ мѣсяцъ?

— Какъ, чѣмъ я рискую-съ?!—взвился съ кресла урядникъ.—Помилуйте, да всѣмъ рискую и прежде всего службой-съ. Богъ его знаетъ, каковъ этотъ господинъ Ильяшевичъ, новый помѣщикъ. А можетъ быть каверзникъ-съ... изъ такихъ, которые чуть-что, сейчасъ бумажку, перышко и доносикъ въ Петербургъ-съ? У насъ вѣдь бываютъ и такіе-съ!

Я попробовалъ успокоить расходившагося урядника.

— Ну полноте, Евпсихій Африкановичъ. Вы преувеличиваете все это дѣло. Наконецъ, что же? Вѣдь рискъ рискомъ, а благодарность все-таки благодарностью.

— Фью-ю-ю!—протяжно свистнулъ урядникъ и глубоко засунулъ руки въ карманы шароваръ.—Тоже благодарность называется! Что же вы думаете, я изъ-за какихъ-нибудь двадцати пяти рублей поставлю на карту свое служебное положеніе? Нѣтъ-съ, это вы обо мнѣ плохо понимаете.

— Да что вы горячитесь, Евпсихій Африкановичъ. Здѣсь вовсе не въ суммѣ дѣло, а просто такъ... Ну хоть по-человѣчеству...

— По - че-ло-вѣ-че-ству?—иронически отчеканилъ онъ каждый слогъ.—Позвольте-съ, да у меня эти человѣки вотъ гдѣ сидятъ-съ!—Онъ энергично ударилъ себя по могучему бронзовому затылку, который свѣшивался на воротникъ жирной безволосой складкой.

— Ну ужъ это вы, кажется, слишкомъ, Евпсихій Африкановичъ.

— Ни капельки не слишкомъ-съ. «Это—язва здѣшнихъ мѣстъ», по выраженію знаменитаго баснописца, господина Крылова. Вотъ кто эти двѣ дамы-съ! Вы не изволили читать прекрасное сочиненіе его сіятельства, князя Урусова, подъ заглавіемъ «Полицейскій урядникъ»?

— Нѣтъ, не приходилось.

— И очень напрасно-съ. Прекрасное и высоконравственное произведеніе. Совѣтую на досугѣ ознакомиться...

— Хорошо, хорошо, я съ удовольствіемъ ознакомлюсь. Но я все-таки не понимаю, какое отношеніе имѣетъ эта книжка къ двумъ бѣднымъ женщинамъ?

— Какое? Очень прямое-съ. Пунктъ первый (Евпсихій Африкановичъ загнулъ толстый волосатый указательный палецъ на лѣвой рукѣ): «Урядникъ имѣетъ неослабное наблюденіе, чтобы всѣ ходили въ храмъ Божій съ усердіемъ, пребывая, однако, въ ономъ безъ усилія...» Позвольте узнать, ходитъ ли эта... какъ ее... Мануйлиха что ли?.. Ходитъ ли она когда-нибудь въ церковь?

Я молчалъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ рѣчи. Онъ поглядѣлъ на меня съ торжествомъ и загнулъ второй палецъ.

— Пунктъ второй: «Запрещаются повсемѣстно лжепредсказанія и лжепредзнаменованія...» Чувствуете-съ? Затѣмъ пунктъ третій-съ: «Запрещается выдавать себя за колдуна или чародѣя и употреблять подобные обманы-съ». Что вы на это скажете? А вдругъ все это обнаружится или стороной дойдетъ до начальства? Кто въ отвѣтѣ?—Я. Кого изъ службы по шапкѣ?—Меня. Видите, какая штуценція.

Онъ опять усѣлся въ кресло. Глаза его, поднятые

кверху, разсѣянно бродили по стѣнамъ комнаты, а пальцы громко барабанили по столу.

— Ну, а если я васъ попрошу, Евпсихій Африкановичъ,—началъ я опять умильнымъ тономъ.—Конечно, ваши обязанности сложныя и хлопотливыя, но вѣдь сердце у васъ, я знаю, предоброе, золотое сердце. Что вамъ стоитъ пообѣщать мнѣ не трогать этихъ женщинъ?

Глаза урядника вдругъ остановились поверхъ моей головы.

— Хорошенькое у васъ ружьишко,—небрежно уронилъ онъ, не переставая барабанить. — Славное ружьишко. Прошлый разъ, когда я къ вамъ заѣзжалъ и не засталъ дома, я все на него любовался... Чудное ружьецо!

Я тоже повернулъ голову назадъ и поглядѣлъ на ружье.

— Да, ружье недурное,—похвалилъ я.—Вѣдь оно старинное, фабрики Гастинъ-Ренета, я его только въ прошломъ году на центральное передѣлалъ. Вы обратите вниманіе на стволы.

— Какъ же-съ, какъ же-съ... я на стволы-то главнымъ образомъ и любовался. Великолѣпная вещь... Просто, можно сказать, сокровище.

Наши глаза встрѣтились, и я увидѣлъ, какъ въ углахъ губъ урядника дрогнула легкая, но многозначительная улыбка. Я поднялся съ мѣста, снялъ со стѣны ружье и подошелъ съ нимъ къ Евпсихію Африкановичу.

— У черкесовъ есть очень милый обычай дарить гостю все, что онъ похвалитъ,—сказалъ я любезно.—Мы съ вами хотя и не черкесы, Евпсихій Африкановичъ, но я прошу васъ принять отъ меня эту вещь на память.

Урядникъ для виду застыдился.

— Помилуйте, такую прелесть! Нѣтъ, нѣтъ, это уже черезчуръ щедрый обычай!

Однако мнѣ не пришлось долго его уговаривать. Урядникъ принялъ ружье, бережно поставилъ его между своихъ колѣней и любовно отеръ чистымъ носовымъ платкомъ пыль, осѣвшую на спусковой скобѣ. Я немного успокоился, увидѣвъ, что ружье по крайней мѣрѣ перешло въ руки любителя и знатока. Почти тотчасъ Евпсихій Африкановичъ всталъ и заторопился ѣхать.

— Дѣло не ждетъ, а я тутъ съ вами забалакался,— говорилъ онъ, громко стуча о полъ не налѣзавшими калошами.—Когда будете въ нашихъ краяхъ, милости просимъ ко мнѣ.

— Ну, а какъ же насчетъ Мануйлихи, господинъ начальство?—деликатно напомнилъ я.

— Посмотримъ, увидимъ...—неопредѣленно буркнулъ Евпсихій Африкановичъ,—я вотъ васъ еще о чемъ хотѣлъ попросить... Рѣдисъ у васъ замѣчательный...

— Самъ выростилъ.

— Уд-дивительный рѣдисъ! А у меня, знаете ли, моя благовѣрная страшная обожательница всякой овощи. Такъ если бы, знаете, того... пучечекъ одинъ.

— Съ наслажденіемъ, Евпсихій Африкановичъ. Сочту долгомъ... Сегодня же съ нарочнымъ отправлю корзиночку. И маслица ужъ позвольте заодно... Масло у меня на рѣдкость.

— Ну, и маслица...—милостиво разрѣшилъ урядникъ.—А этимъ бабамъ вы дайте ужъ знакъ, что я ихъ пока-что не трону. Только пусть онѣ вѣдаютъ,—вдругъ возвысилъ онъ голосъ,—что однимъ спасибо отъ меня не отдѣлаются. А за симъ желаю здравствовать. Еще разъ мерси вамъ за подарочекъ и за угощеніе.

Онъ по-военному пристукнулъ каблуками и грузной походкой сытаго важнаго человѣка пошелъ къ своему экипажу, около котораго въ почтительныхъ позахъ безъ шапокъ уже стояли сотскій, сельскій староста и Ярмола.

IX.

Евпсихій Африкановичъ сдержалъ свое обѣщаніе и оставилъ на неопредѣленное время въ покоѣ обитательницъ лѣсной хатки. Но мои отношенія съ Олесей рѣзко и странно измѣнились. Въ ея обращеніи со мной не осталось и слѣда прежней довѣрчивой и наивной ласки, прежняго оживленія, въ которомъ такъ мило смѣшивалось кокетство красивой дѣвушки съ рѣзвой ребяческой шаловливостью. Въ нашемъ разговорѣ появилась какая-то непреодолимая неловкая принужденность... Съ поспѣшной боязливостью Олеся избѣгала живыхъ темъ, дававшихъ раньше такой безбрежный просторъ нашему любопытству.

Въ моемъ присутствіи она отдавалась работѣ съ напряженной суровой дѣловитостью, но часто я наблюдалъ, какъ среди этой работы ея руки вдругъ опускались безсильно вдоль колѣней, а глаза неподвижно и неопредѣленно устремлялись внизъ, на полъ. Если въ такую минуту я называлъ Олесю по имени или предлагалъ ей какой-нибудь вопросъ, она вздрагивала и медленно обращала ко мнѣ свое лицо, въ которомъ отражались испугъ и усиліе понять смыслъ моихъ словъ. Иногда мнѣ казалось, что ее тяготитъ и стѣсняетъ мое общество, но это предположеніе плохо вязалось съ громаднымъ интересомъ, возбуждаемымъ въ ней всего лишь нѣсколько дней тому назадъ каждымъ моимъ замѣчаніемъ, каждой фразой... Оставалось думать только, что Олеся не хочетъ мнѣ простить моего, такъ возмутившаго ея независимую натуру, покровительства въ дѣлѣ съ урядникомъ. Но и эта догадка не удовлетворяла меня: откуда, въ самомъ дѣлѣ, могла явиться у простой, выросшей среди лѣса дѣвушки такая чрезмѣрно-щепетильная гордость?

Все это требовало разъясненій, а Олеся упорно избѣ-

гала всякаго благопріятнаго случая для откровеннаго разговора. Наши вечернія прогулки прекратились. Напрасно каждый день, собираясь уходить, я бросалъ на Олесю краснорѣчивые, умоляющіе взгляды,—она дѣлала видъ, что не понимаетъ ихъ значенія. Присутствіе же старухи, несмотря на ея глухоту, безпокоило меня.

Иногда я возмущался противъ собственнаго безсилія и противъ привычки, тянувшей меня каждый день къ Олесѣ. Я и самъ не подозрѣвалъ, какими тонкими, крѣпкими, незримыми нитями было привязано мое сердце къ этой очаровательной, непонятной для меня дѣвушкѣ. Я еще не думалъ о любви, но я уже переживалъ тревожный, предшествующій любви періодъ, полный смутныхъ, томительно-грустныхъ ощущеній. Гдѣ бы я ни былъ, чѣмъ бы ни старался развлечься,—всѣ мои мысли были заняты образомъ Олеси, все мое существо стремилось къ ней, каждое воспоминаніе объ ея иной разъ самыхъ ничтожныхъ словахъ, объ ея жестахъ и улыбкахъ сжимало съ тихой и сладкой болью мое сердце. Но наступалъ вечеръ, и я подолгу сидѣлъ возлѣ нея на низкой шаткой скамеечкѣ, съ досадой чувствуя себя все болѣе робкимъ, неловкимъ и ненаходчивымъ.

Однажды я провелъ такимъ образомъ около Олеси цѣлый день. Уже съ утра я себя чувствовалъ нехорошо, хотя еще не могъ ясно опредѣлить, въ чемъ заключалось мое нездоровье. Къ вечеру мнѣ стало хуже. Голова сдѣлалась тяжелой, въ ушахъ шумѣло, въ темени я ощущалъ тупую безпрестанную боль,—точно кто-то давилъ на него мягкой, но сильной рукой. Во рту у меня пересохло и по всему тѣлу постоянно разливалась какая-то лѣнивая, томная слабость, отъ которой каждую минуту хотѣлось зѣвать и тянуться. Въ глазахъ чувствовалась такая боль, какъ будто бы я только-что пристально и близко глядѣлъ на блестящую точку.

Когда же позднимъ вечеромъ я возвращался домой,

то какъ разъ на срединѣ пути меня вдругъ схватилъ и затрясъ бурный приступъ озноба. Я шелъ, почти не видя дороги, почти не сознавая куда иду, и шатаясь какъ пьяный, между тѣмъ какъ мои челюсти выбивали одна о другую частую и громкую дробь.

Я до сихъ поръ не знаю, кто довезъ меня до дому... Ровно шесть дней била меня неотступная ужасная полѣсская лихорадка. Днемъ недугъ какъ будто бы затихалъ и ко мнѣ возвращалось сознаніе. Тогда, совершенно изнуренный болѣзнью, я еле-еле бродилъ по комнатѣ съ болью и слабостью въ колѣняхъ; при каждомъ болѣе сильномъ движеніи кровь приливала горячей волной къ головѣ и застилала мракомъ всѣ предметы передъ моими глазами.

Вечеромъ же, обыкновенно часовъ около 7, какъ буря налеталъ на меня приступъ болѣзни, и я проводилъ на постели ужасную, длинную какъ столѣтіе, ночь, то трясясь подъ одѣяломъ отъ холода, то пылая невыносимымъ жаромъ. Едва только дремота слегка касалась меня, какъ страшныя, нелѣпыя, мучительно-пестрыя сновидѣнія начинали играть моимъ разгоряченнымъ мозгомъ. Всѣ мои грезы были полны мелочныхъ, микроскопическихъ деталей, громоздившихся и цѣплявшихся одна за другую въ безобразной сутолокѣ. То мнѣ казалось, что я разбираю какіе-то разноцвѣтные причудливыхъ формъ ящики, вынимая маленькіе изъ большихъ, а изъ маленькихъ еще меньшіе, и никакъ не могу прекратить этой безконечной работы, которая мнѣ давно уже кажется отвратительной. То мелькали передъ моими глазами съ одуряющей быстротой длинныя яркія полосы обоевъ, и на нихъ, вмѣсто узоровъ, я съ изумительной отчетливостью видѣлъ цѣлыя гирлянды изъ человѣческихъ физіономій—порою красивыхъ, добрыхъ и улыбающихся, порою дѣлающихъ страшныя гримасы, высовывающихъ языки, скалящихъ зубы и вращающихъ

огромными бѣлками. Затѣмъ я вступалъ съ Ярмолой въ запутанный, необычайно сложный отвлеченный споръ. Съ каждой минутой доводы, которые мы приводили другъ другу, становились все болѣе тонкими и глубокими; отдѣльныя слова и даже буквы словъ принимали вдругъ таинственное, неизмѣримое значеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, меня все сильнѣе охватывалъ брезгливый ужасъ передъ невѣдомой, противоестественной силой, что выматываетъ изъ моей головы одинъ за другимъ уродливые софизмы и не позволяетъ мнѣ прервать давно уже опротивѣвшаго спора...

Это былъ какой-то кипящій вихрь человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ, ландшафтовъ, предметовъ самыхъ удивительныхъ формъ и цвѣтовъ, словъ и фразъ, значеніе которыхъ воспринималось всѣми чувствами... Но— странное дѣло—въ то же время я не переставалъ видѣть на потолкѣ свѣтлый ровный кругъ, отбрасываемый лампой съ зеленымъ обгорѣвшимъ абажуромъ. И я зналъ почему-то, что въ этомъ спокойномъ кругѣ съ нечеткими краями притаилась безмолвная, однообразная, таинственная и грозная жизнь, еще болѣе жуткая и угнетающая, чѣмъ бѣшеный хаосъ моихъ сновидѣній.

Потомъ я просыпался или, вѣрнѣе, не просыпался, а внезапно заставлялъ себя бодрствовать. Сознаніе почти возвращалось ко мнѣ. Я понималъ, что лежу въ постели, что я боленъ, что я только что бредилъ, но свѣтлый кругъ на темномъ потолкѣ все-таки пугалъ меня затаенной зловѣщей угрозой. Слабою рукой дотягивался я до часовъ, смотрѣлъ на нихъ, и съ тоскливымъ недоумѣніемъ убѣждался, что вся безконечная вереница моихъ уродливыхъ сновъ заняла не болѣе двухъ-трехъ минутъ. «Господи! Да когда же настанетъ разсвѣтъ!»—съ отчаяніемъ думалъ я, мечась головой по горячимъ подушкамъ и чувствуя, какъ опаляетъ мнѣ губы мое собственное тяжелое и короткое дыханіе... Но вотъ опять овладѣвала мною

тонкая дремота, и опять мозгъ мой дѣлался игралищемъ пестраго кошмара, и опять черезъ двѣ минуты я просыпался, охваченный смертельной тоской...

Черезъ шесть дней моя крѣпкая натура, вмѣстѣ съ помощью хинина и настоя подорожника побѣдила болѣзнь. Я всталъ съ постели весь разбитый, едва держась на ногахъ. Выздоровленіе совершалось съ жадной быстротой. Въ головѣ, утомленной шестидневнымъ лихорадочнымъ бредомъ, чувствовалось теперь лѣнивое и пріятное отсутствіе мыслей. Аппетитъ явился въ удвоенномъ размѣрѣ, и тѣло мое крѣпло по часамъ, впивая каждой своей частицей здоровье и радость жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ новой силой потянуло меня въ лѣсъ, въ одинокую, покривившуюся хату. Нервы мои еще не справились, и каждый разъ, вызывая въ памяти лицо и голосъ Олеси, я чувствовалъ такое нѣжное умиленіе, что мнѣ хотѣлось плакать.

X.

Прошло еще пять дней, и я настолько окрѣпъ, что пѣшкомъ, безъ малѣйшей усталости, дошелъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Когда я ступилъ на ея порогъ, то сердце забилось съ тревожнымъ страхомъ у меня въ груди. Почти двѣ недѣли не видалъ я Олеси, и теперь особенно ясно понялъ, какъ была она мнѣ близка и мила. Держась за скобку двери, я нѣсколько секундъ медлилъ и едва переводилъ дыханіе. Въ нерѣшимости я даже закрылъ глаза на нѣкоторее время, прежде чѣмъ толкнуть дверь...

Въ впечатлѣніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя послѣдовали за моимъ входомъ, никогда невозможно разобраться... Развѣ можно запомнить слова, произносимыя въ первые моменты встрѣчи матерью и сыномъ, мужемъ и женой или двумя влюбленными? Говорятся самыя простыя самыя обиходныя фразы, смѣшные даже, если ихъ

записывать съ точностью на бумагѣ. Но здѣсь каждое слово умѣстно и безконечно мило уже потому, что говорится оно самымъ дорогимъ на свѣтѣ голосомъ.

Я помню, очень ясно помню, только то, что ко мнѣ быстро обернулось блѣдное лицо Олеси, и что на этомъ прелестномъ, новомъ для меня лицѣ, въ одно мгновеніе отразились, смѣняя другъ друга, недоумѣніе, испугъ, тревога и нѣжная, сіяющая улыбка любви... Старуха что-то шамкала, топчась возлѣ меня, но я не слышалъ ея привѣтствій. Голосъ Олеси донесся до меня какъ сладкая музыка:

— Что съ вами случилось? Вы были больны? Охъ, какъ же вы исхудали, бѣдный мой.

Я долго не могъ ей ничего отвѣтить, и мы молча стояли другъ противъ друга, держась за руки, прямо, глубоко и радостно смотря другъ другу въ глаза. Эти нѣсколько молчаливыхъ секундъ я всегда считаю самыми счастливыми въ моей жизни,—никогда, никогда, ни раньше, ни позднѣе, я не испытывалъ такого чистаго, полнаго, всепоглощающаго восторга. И какъ много я читалъ въ большихъ темныхъ глазахъ Олеси: и волненіе встрѣчи, и упрекъ за мое долгое отсутствіе, и горячее признаніе въ любви... Я почувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ Олеся отдаетъ мнѣ радостно, безъ всякихъ условій и колебаній, все свое существо.

Она первая нарушила это очарованіе, указавъ мнѣ медленнымъ движеніемъ вѣкъ на Мануйлиху. Мы усѣлись рядомъ, и Олеся принялась подробно и заботливо разспрашивать меня о ходѣ моей болѣзни, о лѣкарствахъ, которыя я принималъ, о словахъ и мнѣніяхъ доктора (два раза пріѣзжавшаго ко мнѣ изъ мѣстечка). Про доктора она заставила меня разсказать нѣсколько разъ подъ рядъ, и я порою замѣчалъ на ея губахъ бѣглую насмѣшливую улыбку.

— Ахъ, зачѣмъ я не знала, что вы захворали!—

воскликнула она съ нетерпѣливымъ сожалѣніемъ.—Я бы въ одинъ день васъ на ноги поставила... Ну, какъ же имъ можно довѣриться, когда они ничего, ни-че-го не понимаютъ? Почему вы за мной не послали?

Я замялся.

— Видишь ли, Олеся... это и случилось такъ внезапно... и, кромѣ того, я боялся тебя безпокоить. Ты въ послѣднее время стала со мной какая-то странная, точно все сердилась на меня, или надоѣлъ я тебѣ... Послушай, Олеся,—прибавилъ я, понижая голосъ,—намъ съ тобой много, много нужно поговорить... только однимъ... понимаешь?

Она тихо опустила вѣки въ знакъ согласія, потомъ боязливо оглянулась на бабушку и быстро шепнула:

— Да... я и сама хотѣла... потомъ... подождите...

Едва только закатилось солнце, какъ Олеся стала меня торопить итти домой.

— Собирайтесь, собирайтесь скорѣе,—говорила она, увлекая меня за руку со скамейки.—Если васъ теперь сыростью охватитъ, — болѣзнь сейчасъ же назадъ вернется.

— А ты куда же, Олеся?—спросила вдругъ Мануйлиха, видя, что ея внучка поспѣшно набросила на голову большой сѣрый шерстяной платокъ.

— Пойду... провожу немножко,—отвѣтила Олеся.

Она произнесла это равнодушно, глядя не на бабушку, а въ окно, но въ ея голосѣ я уловилъ чуть замѣтный оттѣнокъ раздраженія

— Пойдешь-таки?!—съ удареніемъ переспросила старуха.

Глаза Олеси сверкнули и въ упоръ остановились на лицѣ Мануйлихи.

— Да, и пойду!—возразила она надменно. — Ужъ давно объ этомъ говорено и переговорено... Мое дѣло, мой и отвѣтъ.

— Эхъ ты!..—съ досадой и укоризной воскликнула старуха. Она хотѣла еще что-то прибавить, но только махнула рукой, поплелась своей дрожащей походкой въ уголъ и, кряхтя, закопошилась тамъ надъ какой-то корзиной.

Я понялъ, что этотъ быстрый, недовольный разговоръ, которому я только что былъ свидѣтелемъ, служитъ продолженіемъ длиннаго ряда взаимныхъ ссоръ и вспышекъ. Спускаясь рядомъ съ Олесей къ бору, я спросилъ ее:

— Бабушка не хочетъ, чтобы ты ходила со мной гулять? Да?

Олеся съ досадой пожала плечами.

— Пожалуйста, не обращайте на это вниманія. Ну да, не хочетъ... Что жъ!.. Развѣ я не вольна дѣлать, что мнѣ нравится?

Во мнѣ вдругъ поднялось неудержимое желаніе упрекнуть Олесю за ея прежнюю суровость.

— Значитъ, и раньше, еще до моей болѣзни, ты тоже могла, но только не хотѣла оставаться со мною одинъ-на-одинъ... Ахъ, Олеся, если бы ты знала, какую ты причиняла мнѣ боль... Я такъ ждалъ, такъ ждалъ каждый вечеръ, что ты опять пойдешь со мною... А ты, бывало, всегда такая невнимательная, скучная, сердитая... О, какъ ты меня мучила, Олеся!..

— Ну, перестаньте, голубчикъ... Забудьте это,—съ мягкимъ извиненіемъ въ голосѣ попросила Олеся.

— Нѣтъ, я вѣдь не въ укоръ тебѣ говорю,—такъ, къ слову пришлось... Теперь я понимаю, почему это было... А вѣдь сначала—право, даже смѣшно и вспомнить—я подумалъ, что ты обидѣлась на меня изъ-за урядника. И эта мысль меня сильно огорчала. Мнѣ казалось, что ты меня такимъ далекимъ, чужимъ человѣкомъ считаешь, что даже простую, дружескую услугу тебѣ отъ меня трудно принять... Очень мнѣ это было

горько... Я вѣдь и не подозрѣвалъ, Олеся, что все это отъ бабушки идетъ...

Лицо Олеси вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— И вовсе не отъ бабушки!.. Сама я этого не хотѣла!—горячо, съ задоромъ воскликнула она.

Я поглядѣлъ на нее сбоку, такъ что мнѣ сталъ виденъ чистый, нѣжный профиль ея слегка наклоненной головы. Только теперь я замѣтилъ, что и сама Олеся похудѣла за это время, и вокругъ ея глазъ легли голубоватыя тѣни. Почувствовавъ мой взглядъ, Олеся вскинула на меня глаза, но тотчасъ же опустила ихъ и отвернулась съ застѣнчивой улыбкой...

— Почему ты не хотѣла, Олеся? Почему?—спросилъ я обрывающимся отъ волненія голосомъ и, схвативъ Олесю за руку, заставилъ ее остановиться. Мы въ это время находились какъ разъ на серединѣ длинной, узкой и прямой, какъ стрѣла, лѣсной просѣки. Высокія, стройныя сосны обступали насъ съ обѣихъ сторонъ, образуя гигантскій, уходящій вдаль, коридоръ, со сводомъ изъ душистыхъ, сплетшихся вѣтвей. Голые, облупившіеся стволы были окрашены багровымъ отблескомъ догорающей зари...

— Почему? Почему, Олеся?—твердилъ я шопотомъ и все сильнѣе сжималъ ея руку.

— Я не могла... Я боялась,—еле слышно произнесла Олеся.—Я думала, что можно уйти отъ судьбы... А теперь... теперь...

Она задохнулась, точно ей не хватило воздуху, и вдругъ ея руки быстро и крѣпко обвились вокругъ моей шеи, и мои губы сладко обжегъ торопливый, дрожащій шопотъ Олеси:

— Теперь мнѣ все равно... все равно!.. Потому что я люблю тебя, мой дорогой, мое счастье, мой ненаглядный!..

Она прижималась ко мнѣ все сильнѣе, и я чувство-

валъ, какъ трепетало подъ моими руками ея сильное, крѣпкое, горячее тѣло, какъ часто билось около моей груди ея сердце. Ея страстные поцѣлуи вливались въ мою еще не окрѣпшую отъ болѣзни голову какъ пьяное вино, и я началъ терять самообладаніе.

— Олеся, ради Бога, не надо... оставь меня,—говорилъ я, стараясь разжать ея руки.—Теперь и я боюсь... боюсь самого себя... Пусти меня, Олеся.

Она подняла кверху свое лицо, и все оно освѣтилось томной, медленной улыбкой.

— Не бойся, мой миленькій,—сказала она съ непередаваемымъ выраженіемъ нѣжной ласки и трогательной смѣлости.—Я никогда не попрекну тебя, ни къ кому ревновать не стану... Скажи только: любишь ли?

— Люблю, Олеся. Давно люблю и крѣпко люблю. Но... не цѣлуй меня больше... Я слабѣю, у меня голова кружится, я не ручаюсь за себя...

Ея губы опять долго и мучительно-сладко прильнули къ моимъ, и я не услышалъ, а скорѣе угадалъ ея слова:

— Ну, такъ и не бойся и не думай ни о чемъ больше... Сегодня нашъ день, и никто у насъ его не отниметъ.

. . . . . .

. . . . . .

И вся эта ночь слилась въ какую-то волшебную, чарующую сказку. Взошелъ мѣсяцъ, и его сіяніе причудливо, пестро и таинственно расцвѣтило лѣсъ, легло среди мрака неровными изъ-синя блѣдными пятнами на корявые стволы, на изогнутые сучья, на мягкій, какъ плюшевый коверъ, мохъ. Тонкіе стволы березъ бѣлѣли рѣзко и отчетливо, а на ихъ рѣдкую листву, казалось, были наброшены серебристые, прозрачные, газовые покровы. Мѣстами свѣтъ вовсе не проникалъ подъ густой навѣсъ сосновыхъ вѣтвей. Тамъ стоялъ полный, непроницаемый мракъ, и только въ самой серединѣ его скольз-

нувшій невѣдомо откуда лучъ вдругъ ярко озарялъ длинный рядъ деревьевъ и бросалъ на землю узкую правильную дорожку,—такую свѣтлую, нарядную и прелестную, точно аллея, убранная эльфами для торжественнаго шествія Оберона и Титаніи. И мы шли, обнявшись, среди этой улыбающейся живой легенды, безъ единаго слова, подавленные своимъ счастіемъ и жуткимъ безмолвіемъ лѣса.

— Дорогой мой, а я вѣдь и забыла совсѣмъ, что тебѣ домой надо спѣшить,—спохватилась вдругъ Олеся.—Вотъ какая я гадкая! Ты только что выздоровѣлъ, а я тебя до сихъ поръ въ лѣсу держу.

Я обнялъ ее и откинулъ платокъ съ ея густыхъ темныхъ волосъ и, наклонясь къ ея уху, спросилъ чуть слышно:

— Ты не жалѣешь, Олеся? Не раскаиваешься?

Она медленно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Что бы потомъ ни случилось, я не пожалѣю. Мнѣ такъ хорошо...

— А развѣ непремѣнно должно что-нибудь случиться?

Въ ея глазахъ мелькнуло отраженіе знакомаго мнѣ мистическаго ужаса.

— О, да, непремѣнно. Помнишь, я тебѣ говорила про трефовую даму? Вѣдь эта трефовая дама—я, это со мной будетъ несчастье, про что сказали карты... Ты знаешь, я вѣдь хотѣла тебя попросить, чтобы ты и вовсе у насъ пересталъ бывать. А тутъ какъ разъ ты заболѣлъ, и я тебя чуть не полмѣсяца не видала... И такая меня по тебѣ тоска обуяла, такая грусть, что, кажется, все бы на свѣтѣ отдала, лишь бы съ тобой хоть минуточку еще побыть... Вотъ тогда-то я и рѣшилась. Пусть, думаю, что будетъ, то и будетъ, а я своей радости никому не отдамъ...

— Это правда, Олеся. Это и со мной такъ было,—

сказалъ я, прикасаясь губами къ ея виску.—Я до тѣхъ поръ не зналъ, что люблю тебя, покамѣстъ не разстался съ тобой. Не даромъ, видно, кто-то сказалъ, что разлука для любви то же, что вѣтеръ для огня: маленькую любовь она тушитъ, а большую раздуваетъ еще сильнѣй.

— Какъ ты сказалъ? Повтори, повтори, пожалуйста,—заинтересовалась Олеся.

Я повторилъ еще разъ это, не знаю кому принадлежащее, изреченіе. Олеся задумалась, и я увидѣлъ по движенію ея губъ, что она повторяетъ мои слова.

Я близко вглядывался въ ея блѣдное, закинутое назадъ лицо, въ ея большіе черные глаза, съ блестѣвшими въ нихъ яркими лунными бликами,—и смутное предчувствіе близкой бѣды вдругъ внезапнымъ холодомъ заползло въ мою душу.

XI.

Почти цѣлый мѣсяцъ продолжалась наивная, очаровательная сказка нашей любви, и до сихъ поръ, вмѣстѣ съ прекраснымъ обликомъ Олеси, живутъ съ неувядающей силой въ моей душѣ эти пылающія вечернія зори, эти росистыя, благоухающія ландышами и медомъ утра, полныя бодрой свѣжести и звонкаго птичьяго гама, эти жаркіе, томные, лѣнивые, іюньскіе дни... Ни разу ни скука, ни утомленіе, ни вѣчная страсть къ бродячей жизни не шевельнулись за это время въ моей душѣ. Я, какъ языческій богъ или какъ молодое, сильное животное, наслаждался свѣтомъ, тепломъ, сознательной радостью жизни и спокойной, здоровой, чувственной любовью.

Старая Мануйлиха стала послѣ моего выздоровленія такъ несносно-брюзглива, встрѣчала меня съ такой откровенной злобой и, покамѣстъ я сидѣлъ въ хатѣ, съ такимъ шумнымъ ожесточеніемъ двигала горшками въ

вечкѣ, что мы съ Олесей предпочли сходиться каждый вечеръ въ лѣсу... И величественная зеленая прелесть бора, какъ драгоцѣнная оправа, украшала нашу безмятежную любовь.

Каждый день я все съ большимъ удивленіемъ находилъ, что Олеся—эта выросшая среди лѣса, не умѣющая даже читать дѣвушка—во многихъ случаяхъ жизни проявляетъ чуткую деликатность и особенный, врожденный тактъ. Въ любви—въ прямомъ, грубомъ ея смыслѣ—всегда есть ужасныя стороны, составляющія мученіе и стыдъ для нервныхъ художественныхъ натуръ. Но Олеся умѣла избѣгать ихъ съ такой наивной цѣломудренностью, что ни разу ни одно дурное сравненіе, ни одинъ циничный моментъ не оскорбляли нашей связи.

Между тѣмъ, приближалось время моего отъѣзда. Собственно говоря, всѣ мои служебныя обязанности въ Перебродѣ были уже покончены, и я умышленно оттягивалъ срокъ моего возвращенія въ городъ. Я еще ни слова не говорилъ объ этомъ Олесѣ, боясь даже представить себѣ, какъ она приметъ мое извѣщеніе о необходимости уѣхать. Вообще, я находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Привычка пустила во мнѣ слишкомъ глубокіе корни. Видѣть ежедневно Олесю, слышать ея милый голосъ и звонкій смѣхъ, ощущать нѣжную прелесть ея ласки—стало для меня больше, чѣмъ необходимостью. Въ рѣдкіе дни, когда ненастье мѣшало намъ встрѣчаться, я чувствовалъ себя точно потеряннымъ, точно лишеннымъ чего-то самаго главнаго, самаго важнаго въ моей жизни. Всякое занятіе казалось мнѣ скучнымъ, лишнимъ, и все мое существо стремилось въ лѣсъ, къ теплу, къ свѣту, къ милому, привычному лицу Олеси.

Мысль жениться на Олесѣ все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову. Сначала она лишь изрѣдка пред-

ставлялась мнѣ, какъ возможный, на крайній случай, честный исходъ изъ нашихъ отношеній. Одно лишь обстоятельство пугало и останавливало меня: я не смѣлъ даже воображать себѣ, какова будетъ Олеся, одѣтая въ модное платье, разговаривающая въ гостиной съ женами моихъ сослуживцевъ, исторгнутая изъ этой очаровательной рамки стараго лѣса, полнаго легендъ и таинственныхъ силъ?

Но чѣмъ ближе подходило время моего отъѣзда, тѣмъ большій ужасъ одиночества и большая тоска овладѣвали мною. Рѣшеніе жениться съ каждымъ днемъ крѣпло въ моей душѣ, и подъ конецъ я уже пересталъ видѣть въ немъ дерзкій вызовъ обществу. «Женятся же хорошіе и ученые люди на швейкахъ, на горничныхъ,—утѣшалъ я себя,—и живутъ прекрасно, и до конца дней своихъ благословляютъ судьбу, толкнувшую ихъ на это рѣшеніе. Не буду же я несчастнѣе другихъ, въ самомъ дѣлѣ?»

Однажды, въ серединѣ іюня, подъ вечеръ, я, по обыкновенію, ожидалъ Олесю на поворотѣ узкой лѣсной тропинки, между кустами цвѣтущаго боярышника. Я еще издали узналъ легкій, быстрый шумъ ея шаговъ.

— Здравствуй, мой родненькій,—сказала Олеся, обнимая меня и тяжело дыша.—Заждался, небось? А я насилу, насилу вырвалась... Все съ бабушкой воевала.

— До сихъ поръ не утихла?

— Куда тамъ! «Ты, говоритъ, пропадешь изъ-за него... Натѣшится онъ тобою вволю, да и броситъ. Не любитъ онъ тебя вовсе...»

— Это она про меня такъ?

— Про тебя, милый... Вѣдь я все равно ни одному ея словечку не вѣрю.

— А она все знаетъ?

— Не скажу навѣрно... кажется, знаетъ. Я съ ней, впрочемъ, объ этомъ ничего не говорю—сама догадывается. Ну, да что объ этомъ думать... Пойдемъ.

Она сорвала вѣтку боярышника съ пышнымъ гнѣздомъ бѣлыхъ цвѣтовъ и воткнула себѣ въ волосы. Мы медленно пошли по тропинкѣ, чуть розовѣвшей на вечернемъ солнцѣ.

Я еще прошлой ночью рѣшилъ во что бы то ни стало высказаться въ этотъ вечеръ. Но страшная робость отяжеляла мой языкъ. Я думалъ: если я скажу Олесѣ о моемъ отъѣздѣ и о женитьбѣ, то повѣритъ ли она мнѣ? Не покажется ли ей, что я своимъ предложеніемъ только уменьшаю, смягчаю первую боль наносимой раны. «Вотъ какъ дойдемъ до того клена съ ободраннымъ стволомъ, такъ сейчасъ же и начну», назначилъ я себѣ мысленно. Мы равнялись съ кленомъ, и я, блѣднѣя отъ волненія, уже переводилъ дыханіе, чтобы начать говорить, но внезапно моя смѣлость ослабѣвала, разрѣшаясь нервнымъ, болѣзненнымъ біеніемъ сердца и холодомъ во рту. «Двадцать семь мое феральное число,—думалъ я нѣсколько минутъ спустя,—досчитаю до двадцати семи, и тогда!..» И я принимался считать въ умѣ, но когда доходилъ до двадцати семи, то чувствовалъ, что рѣшимость еще не созрѣла во мнѣ.—«Нѣтъ,—говорилъ я себѣ,—лучше ужъ буду продолжать считать до шестидесяти,—это составитъ какъ разъ цѣлую минуту,—и тогда, непремѣнно, непремѣнно...»

— Что такое сегодня съ тобой?—спросила вдругъ Олеся.—Ты думаешь о чемъ-то непріятномъ. Что съ тобой случилось?

Тогда я заговорилъ, но заговорилъ какимъ-то самому мнѣ противнымъ тономъ, съ напускной, неестественной небрежностью, точно дѣло шло о самомъ пустячномъ предметѣ.

— Дѣйствительно, есть маленькая непріятность... ты угадала, Олеся... Видишь ли, моя служба здѣсь окончена, и меня начальство вызываетъ въ городъ.

Мелькомъ, сбоку я взглянулъ на Олесю и увидѣлъ,

какъ сбѣжала краска съ ея лица и какъ задрожали ея губы. Но она не отвѣтила мнѣ ни слова. Нѣсколько минутъ я молча шелъ съ ней рядомъ. Въ травѣ громко кричали кузнечики и откуда-то издалека доносился однообразный напряженный скрипъ коростеля.

— Ты, конечно, и сама понимаешь, Олеся,—опять началъ я,—что мнѣ здѣсь оставаться неудобно и негдѣ, да, наконецъ, и службой пренебрегать нельзя...

— Нѣтъ... что же... тутъ и говорить нечего,—отозвалась Олеся, какъ будто бы спокойно, но такимъ глухимъ, безжизненнымъ голосомъ, что мнѣ стало жутко.— Если служба, то, конечно... надо ѣхать...

Она остановилась около дерева и оперлась спиною объ его стволъ, вся блѣдная, съ безсильно упавшими вдоль тѣла руками, съ жалкой, мучительной улыбкой на губахъ. Ея блѣдность испугала меня. Я кинулся къ ней и крѣпко сжалъ ея руки.

— Олеся... что съ тобой? Олеся... милая!..

— Ничего... извините меня... это пройдетъ. Такъ... голова закружилась...

Она сдѣлала надъ собой усиліе и прошла впередъ, не отнимая у меня своей руки.

— Олеся, ты теперь обо мнѣ дурно подумала,—сказалъ я съ упрекомъ.—Стыдно тебѣ! Неужели и ты думаешь, что я могу уѣхать, бросивъ тебя? Нѣтъ, моя дорогая. Я потому и началъ этотъ разговоръ, что хочу сегодня же пойти къ твоей бабушкѣ и сказать ей, что ты будешь моей женой.

Совсѣмъ неожиданно для меня, Олесю почти не удивили мои слова.

— Твоей женой?—она медленно и печально покачала головой.—Нѣтъ, Ваничка, милый, это невозможно!

— Почему же, Олеся? Почему?

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты и самъ понимаешь, что объ этомъ смѣшно и думать. Ну, какая я тебѣ жена на са-

моемъ дѣлѣ? Ты — баринъ, ты умный, образованный, а я? Я и читать не умѣю, и куда ступить не знаю... Ты одного стыда изъ-за меня не оберешься...

— Это все глупости, Олеся!—возразилъ я горячо.— Ты черезъ полгода сама себя не узнаешь. Ты не подозрѣваешь даже, сколько въ тебѣ врожденнаго ума и наблюдательности. Мы съ тобой вмѣстѣ прочитаемъ много хорошихъ книжекъ, познакомимся съ добрыми, умными людьми, мы съ тобой весь широкій свѣтъ увидимъ, Олеся... Мы до старости, до самой смерти будемъ итти рука объ руку, вотъ какъ теперь идемъ, и не стыдиться, а гордиться тобой я буду и благодарить тебя!..

На мою пылкую рѣчь Олеся отвѣтила мнѣ признательнымъ пожатіемъ руки, но продолжала стоять на своемъ.

— Да развѣ это одно?.. Можетъ быть, ты еще не знаешь?.. Я никогда не говорила тебѣ... Вѣдь у меня отца нѣтъ... Я незаконная.

— Перестань, Олеся... Это меньше всего меня останавливаетъ. Что мнѣ за дѣло до твоей родни, если ты сама для меня дороже отца и матери, дороже цѣлаго міра? Нѣтъ, все это мелочи, все это пустыя отговорки...

Олеся съ тихой, покорной лаской прижалась плечомъ къ моему плечу.

— Голубчикъ... Лучше бы ты вовсе объ этомъ не начиналъ разговора... Ты молодой, свободный... Неужели у меня хватило бы духу связать тебя по рукамъ и по ногамъ на всю жизнь... Ну, а, если тебѣ потомъ другая понравится? Вѣдь ты меня тогда возненавидишь, проклянешь тотъ день и часъ, когда я согласилась пойти за тебя. Не сердись, мой дорогой! — съ мольбой воскликнула она, видя по моему лицу, что мнѣ непріятны эти слова.—Я не хочу тебя обидѣть. Я вѣдь только о твоемъ счастьи думаю. Наконецъ, ты позабылъ про бабуш-

ку. Ну, посуди самъ, развѣ хорошо будетъ съ моей стороны ее одну оставить?

— Что жъ... и бабушкѣ у насъ мѣсто найдется. (Признаться, мысль о бабушкѣ меня сильно покоробила). А не захочетъ она у насъ жить, такъ во всякомъ городѣ есть такіе дома... они называются богадѣльнями... гдѣ такимъ старушкамъ даютъ и покой, и уходъ внимательный...

— Нѣтъ, что ты! Она изъ лѣса никуда не пойдетъ. Она людей боится.

— Ну, такъ ты ужъ сама придумывай, Олеся, какъ лучше. Тебѣ придется выбирать между мной и бабушкой. Но только знай одно—что безъ тебя мнѣ и жизнь будетъ противна.

— Солнышко мое!—съ глубокой нѣжностью произнесла Олеся.—Ужъ за одни твои слова спасибо тебѣ... Отогрѣлъ ты мое сердце... Но все-таки замужъ я за тебя не пойду. Лучше ужъ я такъ пойду съ тобой, если не прогонишь... Только не спѣши, пожалуйста, не торопи меня. Дай мнѣ денька два, я все это хорошенько обдумаю... И съ бабушкой тоже нужно поговорить.

— Послушай, Олеся,—спросилъ я, осѣненный новой догадкой.—А можетъ быть ты опять... церкви боишься?

Пожалуй, что съ этого вопроса и надо было начать. Почти ежедневно спорилъ я съ Олесей, стараясь разубѣдить ее въ мнимомъ проклятіи, тяготѣющемъ надъ ея родомъ, вмѣстѣ съ обладаніемъ чародѣйными силами. Въ сущности, въ каждомъ русскомъ интеллигентѣ сидитъ немножко развивателя. Это у насъ въ крови, это внѣдрено намъ всей русской беллетристикой послѣднихъ десятилѣтій. Почемъ знать?—если бы Олеся глубоко вѣровала, строго блюла посты и не пропускала бы ни одного церковнаго служенія,—весьма возможно, что тогда я сталъ бы иронизировать (но только слегка, ибо

я всегда былъ вѣрующимъ человѣкомъ) надъ ея религіозностью и развивать въ ней критическую пытливость ума. Но она съ твердой и наивной убѣжденностью исповѣдывала свое общеніе съ темными силами и свое отчужденіе отъ Бога, о которомъ она даже боялась говорить.

Напрасно я покушался поколебать суевѣріе Олеси. Всѣ мои логическіе доводы, всѣ мои иной разъ грубыя и злыя насмѣшки разбивались объ ея покорную увѣренность въ свое таинственное роковое призваніе.

— Ты боишься церкви, Олеся?—повторилъ я.

Она молча наклонила голову.

— Ты думаешь, что Богъ не приметъ тебя?—продолжалъ я съ возрастающей горячностью.—Что у него не хватитъ для тебя милосердія? У того, который, повелѣвая милліонами ангеловъ, сошелъ, однако, на землю и принялъ ужасную, позорную смерть для избавленія всѣхъ людей? У того, кто не погнушался раскаяніемъ самой послѣдней женщины и обѣщалъ разбойнику-убійцѣ, что онъ сегодня же будетъ вмѣстѣ съ нимъ въ раю?..

Все это было уже не ново Олесѣ въ моемъ толкованіи, но на этотъ разъ она даже и слушать меня не стала. Она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя платокъ и, скомкавъ его, бросила мнѣ въ лицо. Началась возня. Я старался отнять у нея цвѣтокъ боярышника. Сопротивляясь, она упала на землю и увлекла меня за собою, радостно смѣясь и протягивая мнѣ свои раскрытыя частымъ дыханіемъ, влажныя милыя губы...

Поздно ночью, когда мы простились и уже разошлись на довольно большое разстояніе, я вдругъ услышалъ за собою голосъ Олеси:

— Ваничка! Подожди минутку... Я тебѣ что-то скажу!

Я повернулся и пошелъ къ ней навстрѣчу. Олеся по-

спѣшно подбѣжала ко мнѣ. На небѣ уже стоялъ тонкій серебряный, зазубренный серпъ молодого мѣсяца, и при его блѣдномъ свѣтѣ я увидѣлъ, что глаза Олеси полны крупныхъ невылившихся слезъ.

— Олеся, о чемъ ты?—спросилъ я тревожно.

Она схватила мои руки и стала ихъ цѣловать поочередно.

— Милый... какой ты хорошій! Какой ты добрый,— говорила она дрожащимъ голосомъ.—Я сейчасъ шла и подумала: какъ ты меня любишь!.. И знаешь, мнѣ ужасно хочется сдѣлать тебѣ что-нибудь очень, очень пріятное.

— Олеся... Дѣвочка моя славная, успокойся...

— Послушай, скажи мнѣ,—продолжала она,—ты бы очень былъ доволенъ, если бы я когда-нибудь пошла въ церковь? Только правду, истинную правду скажи.

Я задумался. У меня вдругъ мелькнула въ головѣ суевѣрная мысль: а не случится ли отъ этого какого-нибудь несчастья?

— Что же ты молчишь? Ну, говори скорѣе, былъ бы ты этому радъ, или тебѣ все равно?

— Какъ тебѣ сказать, Олеся?—началъ я съ запинкой.—Ну, да... пожалуй, мнѣ это было бы пріятно. Я вѣдь много разъ говорилъ тебѣ, что мужчина можетъ не вѣрить, сомнѣваться, даже смѣяться наконецъ. Но женщина... женщина должна быть набожна безъ разсужденій. Въ той простой и нѣжной довѣрчивости, съ которой она отдаетъ себя подъ защиту Бога, я всегда чувствую что-то трогательное, женственное и прекрасное.

Я замолчалъ. Олеся тоже не отзывалась, притаившись головой около моей груди.

— А ты зачѣмъ меня объ этомъ спросила?—полюбопытствовалъ я.

Она вдругъ встрепенулась.

— Такъ себѣ... Просто спросила... Ты не обращай вниманія. Ну, до свиданія, милый. Приходи же завтра.

Она скрылась. Я еще долго глядѣлъ въ темноту, прислушиваясь къ частымъ удалявшимся отъ меня шагамъ. Вдругъ внезапный ужасъ предчувствія охватилъ меня. Мнѣ неудержимо захотѣлось побѣжать вслѣдъ за Олесей, догнать ее и просить, умолять, даже требовать, если нужно, чтобы она не шла въ церковь. Но я сдержалъ свой неожиданный порывъ и даже—помню—пускаясь въ дорогу, проговорилъ вслухъ:

— Кажется, вы сами, дорогой мой Ваничка, заразились суевѣріемъ.

О, Боже мой! Зачѣмъ я не послушался тогда смутнаго влеченія сердца, которое—я теперь безусловно вѣрю въ это!—никогда не ошибается въ своихъ быстрыхъ тайныхъ предчувствіяхъ.

XII.

На другой день послѣ этого свиданія пришелся какъ разъ праздникъ св. Троицы, выпавшій въ этомъ году на день великомученика Тимоѳея, когда, по народнымъ сказаніямъ, бываютъ знаменія передъ неурожаемъ. Село Перебродъ въ церковномъ отношеніи считалось приписнымъ, т.-е., въ немъ хотя и была своя церковь, но отдѣльнаго священника при ней не полагалось, а наѣзжалъ изрѣдка, постомъ и по большимъ праздникамъ, священникъ села Волчьяго.

Мнѣ въ этотъ день необходимо было съѣздить по служебнымъ дѣламъ въ сосѣднее мѣстечко, и я отправился туда часовъ въ восемь утра, еще по холодку, верхомъ. Для разъѣздовъ я давно уже купилъ себѣ небольшого жеребчика, лѣтъ 6—7-ми, происходившаго изъ мѣстной неказистой породы, но очень любовно и тщательно выхоленнаго прежнимъ владѣльцемъ, уѣзднымъ землемѣромъ. Лошадь звали Таранчикомъ. Я сильно привязался

къ этому милому животному, съ крѣпкими, тоненькими, точеными ножками, съ косматой чолкой, изъ-подъ которой сердито и недовѣрчиво выглядывали огненные глазки, съ крѣпкими, энергично сжатыми губами. Масти онъ былъ довольно рѣдкой и смѣшной: весь сѣрый, мышастый, и только по крупу у него шли пестрыя, бѣлыя и черныя пятна.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ все село. Большая зеленая площадь, идущая отъ церкви до кабака, была сплошь занята длинными рядами телѣгъ, въ которыхъ съ женами и дѣтьми пріѣхали на праздникъ крестьяне окрестныхъ деревень: Волоши, Зульни и Печаловки. Между телѣгами сновали люди. Несмотря на ранній часъ и строгія постановленія, между ними уже замѣчались пьяные (водкой по праздникамъ и въ ночное время торговалъ потихоньку бывшій шинкарь Сруль). Утро было безвѣтреное, душное. Въ воздухѣ парило, и день обѣщалъ быть нестерпимо жаркимъ. На раскаленномъ и точно подернутомъ серебристой пылью небѣ не показывалось ни одного облачка.

Справивъ все, что мнѣ нужно было въ мѣстечкѣ, я перекусилъ на скорую руку въ заѣзжемъ домѣ фаршированной еврейской щукой, запилъ ее прескверным, мутнымъ пивомъ и отправился домой. Но проѣзжая мимо кузницы, я вспомнилъ, что у Таранчика давно уже хлябаетъ подкова на лѣвой передней, и остановился, чтобы перековать лошадь. Это заняло у меня еще часа полтора времени, такъ что, когда я подъѣзжалъ къ перебродской околицѣ, было уже между четырьмя и пятью часами пополудни.

Вся площадь кишмя-кишѣла пьянымъ, галдящимъ народомъ. Ограду и крыльцо кабака буквально запрудили, толкая и давя другъ друга, покупатели; перебродскіе крестьяне перемѣшивались съ пріѣзжими, разсѣвшись на травѣ, въ тѣни повозокъ. Повсюду виднѣлись

запрокинутыя назадъ головы и поднятыя вверхъ бутылки. Трезвыхъ уже не было ни одного человѣка. Общее опьяненіе дошло до того предѣла, когда мужикъ начинаетъ бурно и хвастливо преувеличивать свой хмель, когда всѣ движенія его пріобрѣтаютъ разслабленную и грузную размашистость, когда, вмѣсто того, напримѣръ, чтобы утвердительно кивнуть головой, онъ осѣдаетъ внизъ всѣмъ туловищемъ, сгибаетъ колѣни и, вдругъ, потерявъ устойчивость, безпомощно пятится назадъ. Ребятишки возились и визжали тутъ же, подъ ногами лошадей, равнодушно жевавшихъ сѣно. Въ иномъ мѣстѣ баба, сама еле держась на ногахъ, съ плачемъ и руганью тащила домой за рукавъ упиравшагося безобразно пьянаго мужа... Въ тѣни забора густая кучка, человѣкъ въ двадцать мужиковъ и бабъ, тѣсно обсѣли слѣпого лирника, и его дрожащій, гнусавый теноръ, сопровождаемый звенящимъ монотоннымъ жужжаніемъ инструмента, рѣзко выдѣлялся изъ сплошного гула толпы. Еще издали услышалъ я знакомыя слова «думки»:

Ой зійшла зоря, тай вечирняя
Надъ Почаевымъ стала.
Ой вышло війско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Дальше въ этой думкѣ разсказывается о томъ, какъ турки, не осиливъ Почаевской лавры приступомъ, порѣшили взять ее хитростью. Съ этой цѣлью они послали, какъ будто бы въ даръ монастырю, огромную свѣчу, начиненную порохомъ. Привезли эту свѣчу на двѣнадцати парахъ воловъ, и обрадованные монахи уже хотѣли возжечь ее передъ иконой Почаевской Божіей Матери, но Богъ не допустилъ совершиться злодѣйскому замыслу.

А приснилося старшему чтецу:
Той свичи небрати,—
Вывести еи въ чистое поле,
Сокирами зрубати.

И вотъ иноки

Вывезлы еи въ чистое поле,
Сталы еи рубати,
Кули и патроны на вси стороны
Сталы—геть!—роскидати...

Невыносимо жаркій воздухъ, казалось, весь былъ насыщенъ отвратительнымъ смѣшаннымъ запахомъ перегорѣвшей водки, лука, овчинныхъ тулуповъ, крѣпкой махорки-бакуна и испареній грязныхъ человѣческихъ тѣлъ. Пробираясь осторожно между людьми и съ трудомъ удерживая мотавшаго головой Таранчика, я не могъ не замѣтить, что со всѣхъ сторонъ меня провожали безцеремонные, любопытные и враждебные взгляды. Противъ обыкновенія, ни одинъ человѣкъ не снялъ шапки, но шумъ какъ будто бы утихъ при моемъ появленіи. Вдругъ гдѣ-то въ самой серединѣ толпы раздался пьяный, хриплый выкрикъ, котораго я однако ясно не разслышалъ, но въ отвѣтъ на него раздался сдержанный хохотъ. Какой-то женскій голосъ сталъ испуганно урезонивать горлана:

— Тише, ты, дурень... Чего орешь! Услышитъ...

— А что мнѣ, что услышитъ?—продолжалъ задорно мужикъ.—Что же онъ мнѣ, начальство, что ли? Онъ только въ лѣсу у своей.....

.....

Омерзительная, длинная, ужасная фраза повисла въ воздухѣ вмѣстѣ со взрывомъ неистоваго хохота. Я быстро повернулъ назадъ лошадь и судорожно сжалъ рукоятку нагайки, охваченный той безумной яростью, которая ничего не видитъ, ни о чемъ не думаетъ и ничего не боится. И вдругъ странная, болѣзненная, тоскливая мысль промелькнула у меня въ головѣ: «Все это уже происходило когда-то, много, много лѣтъ тому назадъ въ моей жизни... Такъ же горячо палило солнце...

Такъ же была залита шумящимъ, возбужденнымъ народомъ огромная площадь... Такъ же обернулся я назадъ въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва... Но гдѣ это было? Когда? Когда?..» Я опустилъ нагайку и галопомъ поскакалъ къ дому.

Ярмола, медленно вышедшій изъ кухни, принялъ у меня лошадь и сказалъ грубо:

— Тамъ, панычъ, у васъ въ комнатѣ сидитъ изъ Мариновской экономіи приказчикъ.

Мнѣ почудилось, что онъ хочетъ еще что-то прибавить, очень важное для меня и непріятное, мнѣ показалось даже, что по лицу его скользнуло бѣглое выраженіе злой насмѣшки. Я нарочно задержался въ дверяхъ и съ вызовомъ оглянулся на Ярмолу. Но онъ уже, не глядя на меня, тащилъ за узду лошадь, которая вытягивала впередъ шею и осторожно переступала ногами.

Въ моей комнатѣ я засталъ конторщика сосѣдняго имѣнія — Никиту Назарыча Мищенко. Онъ былъ въ сѣромъ пиджачкѣ, съ огромными рыжими клѣтками, въ узкихъ брючкахъ васильковаго цвѣта и въ огненно-красномъ галстукѣ, съ припомаженнымъ проборомъ посрединѣ головы, весь благоухающій персидской сиренью. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ со стула и принялся расшаркиваться, не кланяясь, а какъ-то ломаясь въ поясницѣ, съ улыбкой, обнажавшей блѣдныя десны обѣихъ челюстей.

— Имѣю честь кланяться,—любезно тараторилъ Никита Назарычъ. — Очень пріятно увидѣться... А я ужъ тутъ жду васъ съ самой обѣдни. Давно я васъ видѣлъ, даже соскучился за вами. Что это вы къ намъ никогда не загляпете? Наши степаньскія барышни даже смѣются съ васъ.

И вдругъ, подхваченный внезапнымъ воспоминаніемъ, онъ разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Вотъ, я вамъ скажу, потѣха-то была сегодня!—

воскликнулъ онъ, давясь и прыская.—Ха, ха, ха, ха... Я даже боки рвалъ со смѣху!..

— Что такое? Что за потѣха?—грубо спросилъ я, не скрывая своего неудовольствія.

— Послѣ обѣдни скандалъ здѣсь произошелъ,—продолжалъ Никита Назарычъ, прерывая свою рѣчь залпами хохота.—Перебродскія дивчата... Нѣтъ, ей-Богу, не выдержу... Перебродскія дивчата поймали здѣсь на площади вѣдьму... То-есть, конечно, онѣ ее вѣдьмой считаютъ по своей мужицкой необразованности... Ну, и задали же онѣ ей встряску!.. Хотѣли дегтемъ вымазать, да она вывернулась какъ-то, утекла...

Страшная догадка блеснула у меня въ умѣ. Я бросился къ конторщику и, не помня себя отъ волненія, крѣпко вцѣпился рукой въ его плечо.

— Что вы говорите!—закричалъ я неистовымъ голосомъ.—Да перестаньте же ржать, чортъ васъ подери! Про какую вѣдьму вы говорите?

Онъ вдругъ сразу пересталъ смѣяться и выпучилъ на меня круглые, испуганные глаза.

— Я... я... право не знаю-съ,—растерянно залепеталъ онъ...—Кажется, какая-то Самуйлиха... Мануйлиха... или... Позвольте... Дочка какой-то Мануйлихи?... Тутъ что-то такое болтали мужики, но я, признаться, не запомнилъ.

Я заставилъ его разсказать мнѣ по порядку все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ говорилъ нелѣпо, несвязно, путаясь въ подробностяхъ, и я каждую минуту перебивалъ его нетерпѣливыми разспросами и восклицаніями, почти бранью. Изъ его разсказа я понялъ очень мало и только мѣсяца два спустя возстановилъ всю послѣдовательность этого проклятаго событія со словъ его очевидицы, жены казеннаго лѣсничаго, которая въ тотъ день также была у обѣдни.

Мое предчувствіе не обмануло меня. Олеся перело-

мила свою боязнь и пришла въ церковь, хотя она поспѣла только къ серединѣ службы и стала въ церковныхъ сѣняхъ, но ея приходъ былъ тотчасъ же замѣченъ всѣми находившимися въ церкви крестьянами. Всю службу женщины перешептывались и оглядывались назадъ.

Однако, Олеся нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы достоять до конца обѣдню. Можетъ быть, она не поняла настоящаго значенія этихъ враждебныхъ взглядовъ, можетъ быть, изъ гордости пренебрегла ими. Но когда она вышла изъ церкви, то у самой ограды ее со всѣхъ сторонъ обступила кучка бабъ, становившаяся съ каждой минутой все больше и больше, и все тѣснѣе сдвигавшаяся вокругъ Олеси. Сначала онѣ только молча и безцеремонно разглядывали безпомощную, пугливо озиравшуюся по сторонамъ дѣвушку. Потомъ посыпались грубыя насмѣшки, крѣпкія слова, ругательства, сопровождаемыя хохотомъ, потомъ отдѣльныя восклицанія слились въ общій пронзительный бабій гвалтъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать и который еще больше взвинчивалъ нервы расходившейся толпы. Нѣсколько разъ Олеся пыталась пройти сквозь это живое ужасное кольцо, но ее постоянно отталкивали опять на середину. Вдругъ визгливый старушечій голосъ заоралъ откуда-то позади толпы: «Дегтемъ ее вымазать, стерву!» (Извѣстно, что въ Малороссіи мазанье дегтемъ даже воротъ того дома, гдѣ живетъ дѣвушка, сопряжено для нея съ величайшимъ, несмываемымъ позоромъ). Почти въ ту же минуту надъ головами бѣснующихся бабъ появилась мазница съ дегтемъ и кистью, передаваемая изъ рукъ въ руки.

Тогда Олеся, въ припадкѣ злобы, ужаса и отчаянія, бросилась на первую попавшуюся изъ своихъ мучительницъ такъ стремительно, что сбила ее съ ногъ. Тотчасъ же на землѣ закипѣла свалка, и десятки тѣлъ смѣша-

лись въ одну общую кричащую массу. Но Олесѣ прямо какимъ-то чудомъ удалось выскользнуть изъ этого клубка, и она опрометью побѣжала по дорогѣ—безъ платка, съ растерзанной въ лохмотья одеждой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ было видно голое тѣло. Вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ бранью, хохотомъ и улюлюканьемъ, полетѣли камни. Однако, погнались за ней только немногія, да и тѣ сейчасъ же отстали... Отбѣжавъ шаговъ на пятьдесятъ, Олеся остановилась, повернула къ озвѣрѣвшей толпѣ свое блѣдное, исцарапанное, окровавленное лицо и крикнула такъ громко, что каждое ея слово было слышно на площади:

— Хорошо же!.. Вы еще у меня вспомните это! Вы еще всѣ наплачетесь досыта!

Эта угроза, какъ мнѣ потомъ передавала та же очевидица событія, была произнесена съ такой страстной ненавистью, такимъ рѣшительнымъ, пророческимъ тономъ, что на мгновеніе вся толпа какъ будто бы оцѣпенѣла, но только на мгновеніе, потому что тотчасъ же раздался новый взрывъ брани.

Повторяю, что многія подробности этого происшествія я узналъ гораздо позднѣе. У меня не хватило силъ и терпѣнія дослушать до конца разсказъ Минченки. Я вдругъ вспомнилъ, что Ярмола, навѣрно, не успѣлъ еще разсѣдлать лошадь, и, не сказавъ изумленному конторщику ни слова, поспѣшно вышелъ на дворъ. Ярмола, дѣйствительно, еще водилъ Таранчика вдоль забора. Я быстро взнуздалъ лошадь, затянулъ подпруги и объѣздомъ, чтобы опять не пробираться сквозь пьяную толпу, поскакалъ въ лѣсъ.

XIII.

Невозможно описать того состоянія, въ которомъ я находился въ продолженіе моей бѣшеной скачки. Минутами я совсѣмъ забывалъ, куда и зачѣмъ ѣду; остава-

лось только смутное сознаніе, что совершилось что-то непоправимое, нелѣпое и ужасное,—сознаніе, похожее на тяжелую, безпричинную тревогу, овладѣвающую иногда въ лихорадочномъ кошмарѣ человѣкомъ. И въ то же время—какъ это странно!—у меня въ головѣ не переставалъ дрожать, въ тактъ съ лошадинымъ топотомъ, гнусавый, разбитый голосъ слѣпого лирника:

«Ой вышло війско турецкое,
Янъ та черная хмара...»

Добравшись до узкой тропинки, ведшей прямо къ хатѣ Мануйлихи, я слѣзъ съ Тарапчика, на которомъ по краямъ потника и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его кожа соприкасалась со сбруей, бѣлыми комьями выступила густая пѣна, и повелъ его въ поводу. Отъ сильнаго дневного жара и отъ быстрой ѣзды, кровь шумѣла у меня въ головѣ, точно нагнетаемая какимъ-то огромнымъ, безостановочнымъ насосомъ.

Привязавъ лошадь къ плетню, я вошелъ въ хату. Сначала мнѣ показалось, что Олеси нѣтъ дома, и у меня даже въ груди и во рту похолодѣло отъ страха, но спустя минуту я ее увидѣлъ, лежащую на постели, лицомъ къ стѣнѣ, съ головой, спрятанной въ подушки. Она даже не обернулась на шумъ отворяемой двери.

Мануйлиха, сидѣвшая тутъ же, рядомъ, на землѣ, съ трудомъ поднялась на ноги и замахала на меня руками.

— Тише! Не шуми ты, окаянный,—съ угрозой зашептала она, подходя ко мнѣ вплотную. И, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза своими выцвѣтшими, холодными глазами, она прошипѣла злобно:

— Что? Доигрался, голубчикъ?

— Послушай, бабка,—возразилъ я сурово,—теперь не время считаться и выговаривать. Что съ Олесей?

— Тсс... тише! Безъ памяти лежитъ Олеся, вотъ что съ Олесей... Кабы ты не лѣзъ, куда тебѣ не слѣдуетъ,

да не болталъ бы чепухи дѣвчонкѣ, ничего бы худого не случилось. И я-то, дура пѣтая, смотрѣла, потворствовала... А вѣдь чуяло мое сердце бѣду... Чуяло оно недоброе съ того самаго дня, когда ты чуть не силою къ намъ въ хату ворвался. Что? Скажешь, это не ты ее подбилъ въ церковь потащиться?—вдругъ съ искривленнымъ отъ ненависти лицомъ накинулась на меня старуха.—Не ты, барчукъ проклятый? Да не лги—и не верти лисьимъ хвостомъ-то, срамникъ! Зачѣмъ тебѣ понадобилось ее въ церковь манить?

— Не манилъ я ея, бабка... Даю тебѣ слово въ этомъ. Сама она захотѣла.

— Ахъ ты, горе, горе мое!—всплеснула руками Мануйлиха.—Прибѣжала оттуда—лица на ней нѣтъ, вся рубаха въ шматки растерзана... Простоволосая... Разсказываетъ, какъ что было, а сама—то хохочетъ, то плачетъ... Ну, прямо, вотъ, какъ кликуша какая... Легла въ постель... все плакала, а потомъ, гляжу, какъ будто бы и задремала. Я-то, дура старая, обрадовалась было: вотъ, думаю, все сномъ пройдетъ, перекинется. Гляжу, рука у нея внизъ свѣсилась, думаю: надо поправить, затекетъ рука-то... Тронула я ее, голубушку, за руку, а она вся такъ жаромъ и пышетъ... Значитъ, огневица съ ней началась... Съ часъ безъ умолку говорила, быстро, да жалостно такъ... Вотъ только-только замолчала на минуточку. Что ты надѣлалъ? Что ты надѣлалъ съ ней!—съ новымъ наплывомъ отчаянія воскликнула старуха.

И вдругъ ея коричневое лицо собралось въ чудовищную, отвратительную гримасу плача: губы растянулись и опустились по угламъ внизъ, всѣ личные мускулы напряглись и задрожали, брови поднялись кверху, наморщивъ лобъ глубокими складками, и изъ глазъ необычайно часто посыпались крупныя, какъ горошины, слезы. Обхвативъ руками голову и положивъ локти на столъ,

она принялась качаться взадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ и завыла нараспѣвъ вполголоса:

— Дочечка моя-а-а! Внучечка миленькая-а-а!.. Охъ, г-о-о-орько мнѣ, то-о-ошно!..

— Да не реви ты, старая,—грубо прервалъ я Мануйлиху.—Разбудишь!

Старуха замолчала, но все съ той же страшной гримасой на лицѣ продолжала качаться взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы падали на столъ... Такъ прошло минутъ съ десять. Я сидѣлъ рядомъ съ Мануйлихой и съ тоской слушалъ, какъ, однообразно и прерывисто жужжа, бьется объ оконное стекло муха...

— Бабушка!—раздался вдругъ слабый, чуть слышный голосъ Олеси.—Бабушка, кто у насъ?

Мануйлиха поспѣшно заковыляла къ кровати и тотчасъ же опять завыла:

— Охъ, внучечка моя, ро-одная-а-а! Охъ, горько мнѣ ста-а-арой, тошно мнѣ-ѣ-ѣ-ѣ...

— Ахъ, бабушка, да перестань ты!—съ жалобной мольбой и страданіемъ въ голосѣ сказала Олеся.—Кто у насъ въ хатѣ сидитъ?

Я осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ къ кровати съ тѣмъ неловкимъ виноватымъ сознаніемъ своего здоровья и своей грубости, какое всегда ощущаешь около больного.

— Это я, Олеся,—сказалъ я, понижая голосъ.—Я только-что пріѣхалъ верхомъ изъ деревни... А все утро я въ городѣ былъ... Тебѣ нехорошо, Олеся?

Она, не отнимая лица отъ подушекъ, протянула назадъ обнаженную руку, точно ища чего-то въ воздухѣ. Я понялъ это движеніе и взялъ ея горячую руку въ свои руки. Два огромныхъ синихъ пятна—одно надъ кистью, а другое повыше локтя—рѣзко выдѣлялись на бѣлой нѣжной кожѣ.

— Голубчикъ мой,—заговорила Олеся, медленно, съ

трудомъ отдѣляя одно слово отъ другого. — Хочется мнѣ... на тебя посмотрѣть... да не могу я... Всю меня... изуродовали... Помнишь... тебѣ... мое лицо такъ нравилось?.. Правда, вѣдь нравилось, родной?... И я такъ этому всегда радовалась... А теперь тебѣ противно будетъ... смотрѣть на меня... Ну, вотъ... я... и не хочу...

— Олеся, прости меня,—шепнулъ я, наклоняясь къ самому ея уху.

Ея пылающая рука крѣпко и долго сжала мою.

— Да что ты!.. Что ты, милый?.. Какъ тебѣ не стыдно и думать объ этомъ? Чѣмъ же ты виноватъ здѣсь? Все я одна, глупая... Ну, чего я полѣзла... въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, солнышко, ты себя не виновать...

— Олеся, позволь мнѣ... Только обѣщай сначала, что позволишь...

— Обѣщаю, голубчикъ... все, что ты хочешь...

— Позволь мнѣ, пожалуйста, послать за докторомъ... Прошу тебя! Ну, если хочешь, ты можешь ничего не исполнять изъ того, что онъ прикажетъ. Но ты хоть для меня согласись, Олеся.

— Охъ, милый... Въ какую ты меня ловушку поймалъ! Нѣтъ, ужъ лучше ты позволь мнѣ своего обѣщанія не держать. Я если бы и въ самомъ дѣлѣ была больна, при смерти бы лежала, такъ и то къ себѣ доктора не подпустила бы. А теперь я развѣ больна? Это просто у меня отъ испугу такъ сдѣлалось, это пройдетъ къ вечеру. А нѣтъ—такъ бабушка мнѣ лапдышевой настойки дастъ или малины въ чайникѣ заваритъ. Зачѣмъ же тутъ докторъ? Ты—мой докторъ самый лучшій. Вотъ ты пришелъ, и мнѣ сразу легче сдѣлалось... Ахъ, одно мнѣ только нехорошо: хочу поглядѣть на тебя хоть однимъ глазкомъ, да боюсь...

Я съ нѣжнымъ усиліемъ отнялъ ея голову отъ подушки. Лицо Олеси пылало лихорадочнымъ румянцемъ, темные глаза блестѣли неестественно ярко, сухія губы

нервно вздрагивали. Длинныя красныя ссадины изборождали ея лобъ, щёки и шею. Темные синяки были на лбу и подъ глазами.

— Не смотри на меня... Прошу тебя... Гадкая я теперь,—умоляюще шептала Олеся, стараясь своею ладонью закрыть мнѣ глаза.

Сердце мое переполнилось жалостью. Я приникъ губами къ Олесиной рукѣ, неподвижно лежавшей на одѣялѣ, и сталъ покрывать ее долгими тихими поцѣлуями. Я и раньше цѣловалъ иногда ея руки, но она всегда отнимала ихъ у меня съ торопливымъ застѣнчивымъ испугомъ. Теперь же она не противилась этой ласкѣ и другой, свободной, рукой тихо гладила меня по волосамъ.

— Ты все знаешь?—шепотомъ спросила она.

Я молча наклонилъ голову. Правда, я не все понялъ изъ разсказа Никиты Назарыча. Мнѣ не хотѣлось только, чтобы Олеся волновалась, вспоминая объ утреннемъ происшествіи. Но вдругъ при мысли объ оскорбленіи, которому она подвергалась, на меня сразу нахлынула волна неудержимой ярости.

— О! Зачѣмъ меня тамъ не было въ это время!—вскричалъ я, выпрямившись и сжимая кулаки.—Я бы... я бы...

— Ну, полно... полно... Не сердись, голубчикъ,—кротко прервала меня Олеся.

Я не могъ болѣе удерживать слезъ, давно дававшихъ мнѣ горло и жегшихъ глаза. Припавъ лицомъ къ плечу Олеси, я беззвучно и горько зарыдалъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ты плачешь? Ты плачешь?—въ голосѣ ея зазвучало удивленіе, нѣжность и состраданіе.—Милый мой... Да перестань же, перестань... Не мучай себя, голубчикъ... Вѣдь мнѣ такъ хорошо возлѣ тебя. Не будемъ же плакать, пока мы вмѣстѣ. Давай хоть послѣдніе дни

проведемъ весело, чтобы намъ не такъ тяжело было разставаться.

Я съ изумленіемъ поднялъ голову. Неясное предчувствіе вдругъ медленно сжало мое сердце.

— Послѣдніе дни, Олеся? Почему—послѣдніе? Зачѣмъ же намъ разставаться?

Олеся закрыла глаза и нѣсколько секундъ молчала.

— Надо намъ проститься съ тобой, Ваничка,—заговорила она рѣшительно.—Вотъ какъ только чуть-чуть поправлюсь, сейчасъ же мы съ бабушкой и уѣдемъ отсюда. Нельзя намъ здѣсь оставаться больше...

— Ты боишься чего-нибудь?

— Нѣтъ, мой дорогой, ничего я не боюсь, если понадобится. Только зачѣмъ же людей въ грѣхъ вводить? Ты, можетъ быть, не знаешь... Вѣдь я тамъ... въ Переброде... погрозилась со зла да со стыда... А теперь чуть что случится, сейчасъ на насъ скажутъ: скотъ ли начнетъ падать или хата у кого загорится,—все мы будемъ виноваты. Бабушка,—обратилась она къ Мануйлихѣ, возвышая голосъ,—правду вѣдь я говорю?

— Чего ты говорила-то, внучечка? Не разслышала я, признаться!—прошамкала старуха, подходя поближе и приставляя къ уху ладонь.

— Я говорю, что теперь, какая бы бѣда въ Переброде ни случилась, все на насъ съ тобой свалятъ.

— Охъ, правда, правда, Олеся,—все на насъ, горемычныхъ, свалятъ... Не жить намъ на бѣломъ свѣтѣ, изведутъ насъ съ тобой, совсѣмъ изведутъ, проклятики... А тогда, какъ меня изъ села выгнали... Что жъ?.. Развѣ не такъ же было? Погрозилась я... тоже, вотъ, съ досады... одной дурищѣ полосатой, а у нея—хвать—ребенокъ померъ. То-есть, ни сномъ, ни духомъ тутъ моей вины не было, а вѣдь меня чуть не убили, окаянные... Камнями стали шибать... Я бѣгу отъ нихъ, да только тебя, малолѣтку, все оберегаю... Ну, думаю, пусть ужъ

мнѣ попадетъ, а за что же дитю-то неповинную обижать?.. Одно слово—варвары, висѣльники поганые!

— Да куда же вы поѣдете? У васъ вѣдь нигдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ... Наконецъ, и деньги нужны, чтобы на новомъ мѣстѣ устроиться.

— Обойдемся какъ-нибудь,—небрежно проговорила Олеся.—И деньги у бабушки найдутся, припасла она кое-что.

— Ну ужъ и деньги тоже!—съ неудовольствіемъ возразила старуха, отходя отъ кровати...—Копеечки сиротскія, слезами облитыя...

— Олеся... А я какъ же? Обо мнѣ ты и думать даже не хочешь!—воскликнулъ я, чувствуя, какъ во мнѣ подымается горькій, больной, недобрый упрекъ противъ Олеси.

Она привстала и, не стѣсняясь присутствіемъ бабки, взяла руками мою голову и нѣсколько разъ подъ рядъ поцѣловала меня въ лобъ и щеки.

— Объ тебѣ я больше всего думаю, мой родной. Только... видишь ли... не судьба намъ вмѣстѣ быть... вотъ что!.. Помнишь, я на тебя карты бросала? Вѣдь все такъ и вышло, какъ онѣ сказали тогда. Значитъ не хочетъ судьба нашего съ тобой счастья... А если бы не это, развѣ, ты думаешь, я чего-нибудь испугалась бы?

— Олеся, опять ты про свою судьбу?—воскликнулъ я нетерпѣливо.—Не хочу я въ нее вѣрить... и не буду никогда вѣрить!..

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ... не говори этого,—испуганно запептала Олеся.—Я не за себя, за тебя боюсь, голубчикъ. Нѣтъ, лучше ты ужъ объ этомъ и разговора не начинай совсѣмъ.

Напрасно я старался разубѣдить Олесю, напрасно рисовалъ передъ ней картины безмятежнаго счастія, которому не помѣшаютъ ни завистливая судьба, ни грубые,

злые люди. Олеся только цѣловала мои руки и отрицательно качала головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... я знаю, я вижу,—твердила она настойчиво.—Ничего намъ, кромѣ горя, не будетъ... ничего... ничего...

Растерянный, сбитый съ толку этимъ суевѣрнымъ упорствомъ, я наконецъ спросилъ:

— Но вѣдь во всякомъ случаѣ ты дашь мнѣ знать о днѣ отъѣзда?

Олеся задумалась. Вдругъ слабая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Я тебѣ на это скажу маленькую сказочку... Однажды волкъ бѣжалъ по лѣсу, увидѣлъ зайчика и говоритъ ему: «Заяцъ, а заяцъ, вѣдь я тебя съѣмъ!» Заяцъ сталъ проситься: «Помилуй меня, волкъ, мнѣ еще жить хочется, у меня дома дѣтки маленькія». Волкъ не соглашается. Тогда заяцъ говоритъ: «Ну дай мнѣ хоть три дня еще на свѣтѣ пожить, а потомъ и съѣшь. Все же мнѣ легче умирать будетъ». Далъ ему волкъ эти три дня, не ѣстъ его, а только все стережетъ. Прошелъ одинъ день, прошелъ другой, наконецъ и третій кончается.— «Ну, теперь готовься,—говоритъ волкъ,—сейчасъ я начну тебя ѣсть». Тутъ мой заяцъ и заплакалъ горючими слезами. Ахъ, зачѣмъ ты мнѣ, волкъ, эти три дня подарилъ! Лучше бы ты сразу меня съѣлъ, какъ только увидѣлъ. А то я всѣ три дня не жилъ, а только терзался!» Милый мой, вѣдь зайчикъ-то этотъ правду сказалъ. Какъ ты думаешь?

Я молчалъ, охваченный тоскливымъ предчувствіемъ близкаго одиночества. Олеся вдругъ поднялась и присѣла на постели. Лицо ея стало сразу серьезнымъ.

— Ваня, послушай...—произнесла она съ разстановкой.—Скажи мнѣ: покамѣстъ ты былъ со мною, былъ ли ты счастливъ? Хорошо ли тебѣ было?

— Олеся! И ты еще спрашиваешь!

— Подожди... Жалѣлъ ли ты, что узналъ меня? Думалъ ли ты о другой женщинѣ, когда видѣлся со мною?

— Ни одного мгновенія! Не только въ твоемъ присутствіи, но даже и оставшись одинъ я ни о комъ, кромѣ тебя, не думалъ.

— Ревновалъ ли ты меня? Былъ ли ты когда-нибудь на меня недоволенъ? Не скучалъ ли ты со мною?

— Никогда, Олеся! Никогда!

Она положила обѣ руки мнѣ на плечи и съ невыразимой любовью поглядѣла въ мои глаза.

— Такъ и знай же, мой дорогой, что никогда ты обо мнѣ не вспомнишь дурно или со зломъ,—сказала она такъ убѣдительно, точно читала у меня въ глазахъ будущее.—Какъ разстанемся мы съ тобой, тяжело тебѣ въ первое время будетъ, охъ, какъ тяжело... Плакать будешь, мѣста себѣ не найдешь нигдѣ. А потомъ все пройдетъ, все изгладится. И ужъ безъ горя ты будешь обо мнѣ думать, а легко и радостно.

Она опять откинулась головой на подушки и прошептала ослабѣвшимъ голосомъ:

— А теперь поѣзжай, мой дорогой... Поѣзжай домой, голубчикъ... Устала я немножко. Подожди... поцѣлуй меня... Ты бабушки не бойся... она позволитъ. Позволишь вѣдь, бабушка?

— Да ужъ простись, простись, какъ слѣдуетъ,— недовольно проворчала старуха...—Чего же передо мной таиться-то?.. Давно знаю...

— Поцѣлуй меня сюда и сюда еще... и сюда,—говорила Олеся, притрогиваясь пальцемъ къ своимъ глазамъ, щекамъ и рту.

— Олеся! Ты прощаешься со мною такъ, какъ будто бы мы уже не увидимся больше!—воскликнулъ я съ испугомъ.

— Не знаю, не знаю, мой милый. Ничего не знаю.

Ну, поѣзжай съ Богомъ. Нѣтъ, постой... еще минуточку... Наклони ко мнѣ ухо... Знаешь, о чемъ я жалѣю?—зашептала она, прикасаясь губами къ моей щекѣ.—О томъ, что у меня нѣтъ отъ тебя ребеночка. Ахъ, какъ я была бы рада этому!

Я вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи Мануйлихи. Полнеба закрыла черная туча съ рѣзкими курчавыми краями, но солнце еще свѣтило, склоняясь къ западу, и въ этомъ смѣшеніи свѣта и надвигающейся тьмы было что-то зловѣщее. Старуха посмотрѣла вверхъ, прикрывъ глаза какъ зонтикомъ ладонью и значительно покачала головой.

— Быть сегодня надъ Перебродомъ грозѣ,—сказала она убѣдительнымъ тономъ.—А чего добраго, даже и съ градомъ.

XIV.

Я подъѣзжалъ уже къ Переброду, когда внезапный вихрь закрутилъ и погналъ по дорогѣ столбы пыли. Упали первыя—рѣдкія и тяжелыя—капли дождя.

Мануйлиха не ошиблась. Гроза, медленно накоплявшаяся за весь этотъ жаркій нестерпимо-душный день, разразилась съ необыкновенной силой надъ Перебродомъ. Молнія блистала почти безпрерывно, и отъ раскатовъ грома дрожали и звенѣли стекла въ окнахъ моей комнаты. Часовъ около восьми вечера гроза утихла на нѣсколько минутъ, но только для того, чтобы потомъ начаться съ новымъ ожесточеніемъ. Вдругъ что-то съ оглушительнымъ трескомъ посыпалось на крышу и на стѣны стараго дома. Я бросился къ окну. Огромный градъ, съ грецкій орѣхъ величиной, стремительно падалъ на землю, высоко подпрыгивая потомъ кверху. Я взглянулъ на тутовое дерево, росшее около самаго дома, оно стояло совершенно голое: всѣ листья были сбиты съ него страшными ударами града... Подъ окномъ показалась еле замѣтная въ темнотѣ фигура Ярмолы, который, накрыв-

шись съ головой свиткой, выбѣжалъ изъ кухни, чтобы притворить ставни. Но онъ опоздалъ. Въ одно изъ стеколъ вдругъ съ такой силой ударилъ громадный кусокъ льду, что оно разбилось, и осколки его со звономъ разлетѣлись по полу комнаты.

Я почувствовалъ себя утомленнымъ и прилегъ, не раздѣваясь, на кровать. Я думалъ, что мнѣ вовсе не удастся заснуть въ эту ночь и что я до утра буду въ безсильной тоскѣ ворочаться съ боку на бокъ, поэтому я рѣшилъ лучше не снимать платья, чтобы потомъ хоть немного утомить себя однообразной ходьбой по комнатѣ. Но со мной случилась очень странная вещь: мнѣ показалось, что я только на минутку закрылъ глаза; когда же я раскрылъ ихъ, то сквозь щели ставенъ уже тянулись длинные яркіе лучи солнца, въ которыхъ кружились безчисленныя золотыя пылинки.

Надъ моей кроватью стоялъ Ярмола. Его лицо выражало суровую тревогу и нетерпѣливое ожиданіе: должно быть онъ уже давно дожидался здѣсь моего пробужденія.

— Панычъ,—сказалъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось безпокойство.—Панычъ, треба вамъ отсюда уѣзжать...

Я свѣсилъ ноги съ кровати и съ изумленіемъ поглядѣлъ на Ярмолу.

— Уѣзжать? Куда уѣзжать? Зачѣмъ? Ты, вѣрно, съ ума сошелъ?

— Ничего я съ ума не сходилъ,—огрызнулся Ярмола.—Вы не чули, что вчерашній градъ наробилъ? У половины села жито какъ ногами потоптано. У кривого Максима, у Козла, у Мута, у Прокопчуковъ, у Гордія Олефира... Наслала-таки шкоду видьмака чортова... чтобъ ей сгинуть!

Мнѣ вдругъ, въ одно мгновеніе, вспомнился весь вче-

рашній день, угроза, произнесенная около церкви Олесей, и ея опасенія.

— Теперь вся громада бунтуется,—продолжалъ Ярмола.—Съ утра всѣ опять перепились и орутъ... И про васъ, панычу, кричатъ недоброе... А вы знаете, яка у насъ громада?... Если они видьмакамъ що зробятъ, то такъ и треба, то справедливое дѣло, а вамъ, панычу, я скажу одно—утекайте скорѣйше.

Итакъ, опасенія Олеси оправдались. Нужно было немедленно предупредить ее о грозившей ей и Мануйлихѣ бѣдѣ. Я торопливо одѣлся, на-ходу сполоснулъ водою лицо и черезъ полчаса уже ѣхалъ крупной рысью по направленію Бисова Кута.

Чѣмъ ближе подвигался я къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, тѣмъ сильнѣе возрастало во мнѣ неопредѣленное, тоскливое безпокойство. Я съ увѣренностью говорилъ самому себѣ, что сейчасъ меня постигнетъ какое-то новое, неожиданное горе.

Почти бѣгомъ пробѣжалъ я узкую тропинку, вившуюся по песчаному пригорку. Окна хаты были открыты, дверь растворена настежь.

— Господи! Что же такое случилось?—прошепталъ я, входя съ замираніемъ сердца въ сѣни.

Хата была пуста. Въ ней господствовалъ тотъ печальный, грязный безпорядокъ, который всегда остается послѣ поспѣшнаго выѣзда. Кучи сора и тряпокъ лежали на полу да въ углу стоялъ деревянный остовъ кровати...

Съ стѣсненнымъ, переполненнымъ слезами сердцемъ я хотѣлъ уже выйти изъ хаты, какъ вдругъ мое вниманіе привлекъ яркій предметъ, очевидно, нарочно повѣщенный на уголъ оконной рамы. Это была нитка дешевыхъ красныхъ бусъ, извѣстныхъ въ Полѣсьи подъ названіемъ «коралловъ», — единственная вещь, которая осталась мнѣ на память объ Олесѣ и объ ея нѣжной, великодушной любви.

МОРСКАЯ БОЛѢЗНЬ.

I.

Море въ гавани было грязно-зеленаго цвѣта, а дальняя песчаная коса, которая врѣзалась въ него на горизонтѣ, казалась нѣжно-фіолетовой. На молу пахло тухлой рыбой и смоленымъ канатомъ. Было шесть часовъ вечера.

На палубѣ прозвонили въ третій разъ. Пароходный гудокъ засипѣлъ, точно онъ отъ простуды никакъ не могъ сначала выдавить изъ себя настоящаго звука. Наконецъ ему удалось прокашляться, и онъ заревѣлъ такимъ низкимъ мощнымъ голосомъ, что всѣ внутренности громаднаго судна задрожали въ своей темной глубинѣ.

Онъ ревѣлъ нескончаемо долго. Женщины на пароходѣ, зажавъ уши ладонями, смѣялись, жмурились и наклоняли внизъ головы. Разговаривающіе кричали, но казалось, что они только шевелятъ губами и улыбаются. И когда гудокъ пересталъ, всѣмъ вдругъ сдѣлалось такъ легко и такъ возбужденно весело, какъ это бываетъ только въ послѣднія секунды передъ отходомъ парохода.

— Ну, прощайте, товарищъ Елена,—сказалъ Васютинскій.—Сейчасъ будутъ убирать сходни. Иду.

— Прощайте, дорогой,—сказала Травина, подавая ему руку.—Спасибо вамъ, за все, за все. Въ вашемъ кружкѣ прямо душой возрождаешься.

— И вамъ спасибо, милая. Вы насъ разогрѣли. Мы, знаете, больше теоретики, книгоѣды, а вы насъ какъ живой водой вспрыснули.

Онъ, по обыкновенію, тряхнулъ ея руку, точно дѣйствовалъ насосомъ, больно сжавъ ей пальцы обручальнымъ кольцомъ.

— А качки вы все-таки не бойтесь,—сказалъ онъ.— У Тарханкута васъ, дѣйствительно, немного поваляетъ, но вы ложитесь заранѣе на койку, и все будетъ чудесно. Супругу и повелителю поклонъ. Скажите ему, что всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его брошюрку. Если здѣсь не удастся тиснуть, отпечатаемъ за границей... Соскучились небось?—спросилъ онъ, не выпуская ея руки и съ фамильярнымъ ласковымъ лукавствомъ заглядывая ей въ глаза.

Елена улыбнулась.

— Да. Есть немножко.

— То-то. Я ужъ вижу. Шутка ли, помилуйте—десять дней не видались! Ну, addio, mio carissimo amico. Всѣмъ знакомымъ ялтинцамъ привѣтъ. Чудесная вы, ей-Богу, человѣчица. Прощайте. Всего хорошаго.

Онъ сошелъ на молъ и сталъ какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ стояла Елена, облокотившаяся на буковыя перила борта. Вѣтеръ раздувалъ его сѣрую крылатку, и самъ онъ, со своимъ высокимъ ростомъ и необычайной худобой, съ остренькой бородкой и длинными сѣдѣющими волосами, которые трепались изъ-подъ широкополой черной шляпы, имѣлъ въ наружности что-то добродушно и комично-воинственное, напоминавшее донъ-Кихота, одѣтаго по модѣ радикаловъ семидесятыхъ годовъ.

И когда Елена, глядя на него сверху внизъ, подумала о безконечной добротѣ и душевной дѣтской чистотѣ этого смѣшноватаго человѣка, о долгихъ годахъ каторги, перенесенной имъ, о его стальной непоколеби-

мости въ дѣлѣ, о его безграничной вѣрѣ въ близость освобожденія, о его громадномъ вліяніи на молодежь— она почувствовала въ этой комичности что-то безконечно цѣнное, умиляющее и прекрасное. Васютинскій былъ первымъ руководителемъ ея и ея мужа на революціонномъ поприщѣ. И теперь, улыбаясь ему сверху и кивая головой, она жалѣла, что не поцѣловала на прощанье у него руку и не назвала его учителемъ. Какъ бы онъ сконфузился, бѣдный!

Кранъ паровой лебедки поднялся въ послѣдній разъ кверху, точно гигантская удочка, таща на концѣ цѣпи раскачивающуюся и вращающуюся массу чемодановъ и сундуковъ.

— Все готово!—крикнули снизу.

— Убирай сходни!—отвѣтили наверху на рубкѣ и засвистали.

Носильщики въ синихъ блузахъ подняли съ обѣихъ сторонъ сходню на плечи и отнесли ее въ сторону. Подъ пароходомъ что-то забурлило и заклокотало.

По молу проходила грязнолицая оборванная дѣвочка съ корзиной цвѣтовъ, которые она тономъ нищенки предлагала провожающимъ:

— Бя-я-ринъ, купите цвѣтучковъ!

Васютинскій выбралъ у нея небольшой букетикъ полуувядшихъ фіалокъ и бросилъ его кверху, черезъ бортъ, задѣвъ по шляпѣ почтеннаго сѣдого господина, который отъ неожиданности извинился. Елена подняла цвѣты и, глядя съ улыбкой на Васютинскаго, приложила ихъ къ губамъ.

А пароходъ, повинуясь свисткамъ и командѣ и выплевывая изъ боковъ нижнихъ отверстій каскады пѣнной воды, уже замѣтно отдѣлился отъ пристани. Онъ, точно большое мудрое животное, сознающее свою непомѣрную силу и боящееся ея, осторожно, бокомъ отваливалъ отъ берега, выбираясь на свободное пространство.

Елена долго еще видѣла Васютинскаго, возвышавшагося головой надъ сосѣдями. Онъ ритмически подымалъ и опускалъ надъ головой свою бандитскую шляпу. Елена отвѣчала ему, размахивая платкомъ. Но мало-по-малу всѣ люди на молу слились въ одну темную сплошную массу, надъ которой точно рой пестрыхъ бабочекъ колебались платки, шляпы и зонтики.

Въ Ялтѣ теперь былъ разгаръ пасхальнаго сезона, и поэтому съ пароходомъ ѣхало необыкновенно много народа. Вся корма, всѣ проходы между бортами и пассажирскими помѣщеніями, всѣ скамейки и пушки, всѣ коридоры и диваны въ салонахъ были завалены и затисканы людьми, тюками, чемоданами, верхней одеждой. Назойливо и скучно кричали грудныя дѣти, пароходные официанты увеличивали толкотню, носясь по пароходу взадъ и впередъ безъ всякой нужды; женщины, какъ и всегда онѣ дѣлаютъ въ публичныхъ мѣстахъ, застревали со своей болтовней именно тамъ, гдѣ всего сильнѣе кипѣла суета—въ дверяхъ, въ узкихъ переходахъ; онѣ заграждали общее движеніе и упорно не давали никому дороги. Трудно было себѣ вообразить, какъ размѣстится вся эта масса. Но мало-по-малу все утолклось, улеглось, пришло въ порядокъ, и когда пароходъ, выйдя на середину гавани, и не стѣсняясь больше своей осторожностью, взялъ полный ходъ—на палубѣ уже стало просторно.

II.

Травина стояла на кормѣ, глядя назадъ, на уходящій городъ, который бѣлымъ амфитеатромъ подымался вверхъ по горамъ и вѣнчался полукруглой бесѣдкой изъ тонкихъ колоннъ. Глазу было ясно замѣтно то мѣсто, гдѣ спокойный глубокій синій цвѣтъ моря переходилъ въ жидкую и грязную зелень гавани. Далеко, у берега, какъ голый лѣсъ, возвышались трубы, мачты и реи

судовъ. Море зыбилось. Внизу, подъ винтомъ, вода кипѣла бѣлыми, какъ вспѣненное молоко, буграми, и далеко за пароходомъ среди ровной широкой синевы тянулась, чуть змѣясь, узкая зеленая гладкая дорожка, изборожденная, какъ мраморъ, пѣнными бѣлыми причудливыми струйками. Бѣлыя чайки, рѣдко и тяжело маша крыльями, летѣли навстрѣчу пароходу, къ землѣ.

Еще не качало, но Елена, которая не успѣла пообѣдать въ городѣ и разсчитывала поѣсть на пароходѣ, вдругъ почувствовала, что потеряла аппетитъ. Тогда она спустилась внизъ, въ глубину каютныхъ отдѣленій и попросила у горничной дать ей койку. Оказалось, однако, что всѣ мѣста заняты. Краснѣя отъ стыда за себя и за другого человѣка, она вынула изъ портмонэ рубль и неловко протянула его горничной. Та отказалась.

— Я бы, барышня, съ моимъ удовольствіемъ, только, ей-Богу, ни одного мѣстечка. Даже свое помѣщеніе уступила одной дамѣ. Вотъ въ Севастополѣ будетъ посвободнѣе.

Елена опять вышла на палубу.—Сильный вѣтеръ, дувшій навстрѣчу пароходу, облѣплялъ вокругъ ея ногъ платье и заставлялъ ее нагибаться впередъ и придерживать рукой край шляпы.

Старый маленькій красноносый боцманъ прилаживалъ къ правому борту кормы какой-то мѣдный цилиндрическій инструментъ съ циферблатомъ и стрѣлкой. Въ лѣвой рукѣ у него былъ бунтъ изъ бѣлаго плотнаго шнура, свернутаго правильными спиралями и оканчивавшагося мѣдной гирькой съ лопастями по бокамъ.

Прикрѣпивъ прочно мѣдный инструментъ къ борту, боцманъ пустилъ гирьку на отвѣсъ, быстро развертѣлъ ее правой рукой, такъ что она вмѣстѣ съ концомъ шнура образовала сплошной мрѣющій кругъ, и вдругъ далеко метнулъ ее назадъ, туда, куда уходила зелено-бѣлая дорожка изъ-подъ винта. И въ томъ, какъ гирька со сви-

стомъ описывала длинную дугу, въ той скорости, съ которой потомъ сбѣгали съ лѣвой руки боцмана свернутые круги, а главное—въ дѣловой небрежности, съ какой онъ это дѣлалъ, Елена почувствовала особенное, спеціальное морское щегольство. У нея былъ необыкновенно зоркій глазъ на эти мелочи.

Затѣмъ, когда гирька, скрывшись изъ глазъ, бултыхнула далеко за пароходомъ въ воду, боцманъ вставилъ оставшійся у него въ рукѣ свободный конецъ съ крючкомъ въ заднюю стѣнку инструмента.

— Что это такое?—спросила Травина

— Лагъ!—сердито отвѣтилъ боцманъ.

Но, обернувшись и увидѣвъ ея милое дѣтское лицо, онъ добавилъ мягче:

— Это лагъ, барышня. Стало быть перо въ водѣ вертится, потому какъ съ крыльями, стало быть и лаглинь вертится. А тутъ вотъ жубчатки и стрѣлка. Мы стало быть смотримъ на стрѣлку и знаемъ сколько узловъ прошли. Потому какъ этотъ берегъ скроемъ, а тотъ откроемъ только утромъ. Это у насъ называется лагъ, барышня.

Елена была уже два года замужемъ, но ее очень часто называли барышней, что иногда льстило ей, а иногда причиняло досаду. Она и въ самомъ дѣлѣ была похожа на восемнадцатилѣтнюю дѣвушку со своей тонкой, гибкой фигурой, маленькой грудью и узкими бедрами, въ простомъ костюмѣ изъ бѣлой, чуть желтоватой шаршавой кавказской матеріи, въ простой англійской шляпѣ съ черной бархоткой.

Помощникъ капитана, коренастый, широкогрудый, толстоногій молодой брюнетъ въ бѣломъ короткомъ кителѣ съ золотыми пуговицами, провѣрялъ билеты. Елена замѣтила его, еще входя на пароходъ. Онъ тогда стоялъ на палубѣ по одну сторону сходни, а по другую стоялъ юнга, ученикъ мореходныхъ классовъ, тонкій,

ловкій и стройный въ своей матросской курточкѣ мальчишка, подвижной какъ молодая обезьянка. Они оба провожали глазами всѣхъ подымавшихся женщинъ и дѣлали за ихъ спинами другъ другу веселыя гримасы, кивая головами, дергая бровями въ ихъ сторону и прищуривая одинъ глазъ. Елена еще издали замѣтила это. Она до дрожи отвращенія ненавидѣла такія восточныя красивыя лица, какъ у этого помощника капитана, очевидно, грека, съ толстыми, почти не закрывающимися, какими-то оголенными, губами, съ подбородкомъ синимъ отъ бритья и сильной растительности, съ тоненькими усами колечкомъ, съ глазами черно-коричневыми какъ пережженныя кофейныя зерна, и при томъ всегда томными, точно въ любовномъ экстазѣ, и многозначительно-безсмысленными. Но она также считала для себя унизительнымъ проходить въ такихъ случаяхъ мимо незнакомыхъ мужчинъ опустивъ глаза, краснѣя и дѣлая видъ, что ничего не замѣчаешь. И потому, когда Елена переступила со сходни на палубу и ей загородили дорогу— съ одной стороны этотъ самый морякъ, а съ другой толстая, старая женщина съ кулаками въ обѣихъ рукахъ, которая, задохнувшись отъ подъема, толклась и переваливалась на одномъ мѣстѣ, она равнодушно поглядѣла на побѣдоноснаго брюнета и сказала, какъ говорятъ нерасторопной прислугѣ:

— Потрудитесь посторониться.

И она съ удовольствіемъ увидѣла, какъ игривая молодцеватость мгновенно слиняла съ его лица отъ ея увѣреннаго, пренебрежительнаго тона, и какъ онъ суетливо, безъ всякаго ломанья, отскочилъ въ сторону.

Теперь онъ подошелъ къ Еленѣ, которая стояла, прислонившись къ борту, и, возвращая ей билетъ, нарочно—это она сразу поняла—прикоснулся горячей щекочущей кожей своихъ пальцевъ къ ея ладони и задержалъ руку, можетъ быть, только на четверть секунды

долѣе, чѣмъ это было нужно. И переведя глаза съ ея обручальнаго кольца на ея лицо и искательно улыбаясь, онъ спросилъ съ вѣжливостью, которая должна была быть свѣтской:

— Виноватъ-съ. Вы, кажется, съ супругомъ изволите ѣхать?

— Нѣтъ, я одна,—отвѣтила Елена и отвернулась отъ него къ борту, лицомъ въ море.

Но въ этотъ моментъ у нея слегка закружилась голова, потому что палуба подъ ея ногами вдругъ показалась ей странно неустойчивой, а собственное тѣло необыкновенно легкимъ. Она сѣла на край скамейки.

Городъ едва бѣлѣлъ вдали въ золотисто-пыльномъ сіяніи, и теперь уже нельзя было себѣ представить, что онъ стоитъ на горѣ. Налѣво плоско тянулся и пропадалъ въ морѣ низкій песчаный чуть розоватый берегъ.

III.

Помощникъ капитана нѣсколько разъ проходилъ мимо нея сначала одинъ, потомъ съ своимъ товарищемъ, тоже морякомъ, въ кителѣ съ золотыми пуговицами. И хоть она не глядѣла на него, но каждый разъ какимъ-то боковымъ чутьемъ видѣла, какъ онъ закручивалъ усы и подолгу оглядывалъ ее таящимъ бараньимъ взглядомъ черныхъ глазъ. Она даже услышала разъ его слова, сказанныя, навѣрное, въ расчетѣ, чтобы она услышала:

— Чортъ! Вотъ это женщина! Это я понимаю!

— Да-а, бабецъ!—сказалъ другой.

Она встала, чтобы перемѣнить мѣсто и сѣсть напротивъ, но ноги плохо ея слушались, и ее понесло вдругъ вбокъ, къ запасному компасу, обмотанному парусиной. Она еле-еле успѣла удержаться за него. Тутъ только она замѣтила, что началась настоящая, ощутимая качка. Она съ трудомъ добралась до скамейки на противоположномъ борту и упала на нее.

Стемнѣло. На самомъ верху мачты вспыхнулъ одинокій желтый электрическій свѣтъ, и тотчасъ же на всемъ пароходѣ зажглись лампочки. Стеклянная будка надъ салономъ I класса и курительная комната тепло и уютно засіяли огнями. На палубѣ сразу точно сдѣлалось прохладнѣе. Сильный вѣтеръ дулъ съ той стороны, гдѣ сидѣла Елена, мелкія соленыя брызги изрѣдка долетали до ея лица и прикасались къ губамъ, но вставать ей не хотѣлось.

Мучительное, долгое, тянущее чувство какой-то отвратительной щекотки начиналось у нея въ груди и въ животѣ, и отъ него холодѣлъ лобъ и во рту набиралась жидкая щиплющая слюна. Палуба медленно-медленно поднималась кверху, останавливалась на секунду въ колеблющемъ равновѣсіи, и вдругъ, дрогнувъ, начинала опускаться внизъ все быстрѣе и быстрѣе, и вотъ, точно шлепнувшись о воду, шла опять вверхъ. Казалось, она дышала—то распухая, то опадая, и въ зависимости отъ этихъ движеній Елена ощущала, какъ ея тѣло то становилось тяжелымъ и приплюскивалось къ скамейкѣ, то вслѣдъ затѣмъ пріобрѣтало необычайную противную легкость и неустойчивость. И эта чередующаяся перемѣна была болѣзненнѣе всего, что Еленѣ приходилось испытывать въ жизни.

Городъ и берегъ давно уже скрылись изъ виду. Глазъ свободно, не встрѣчая препятствій, охватывалъ кругообразную черту, замыкавшую небо и море. Вдали бѣжали неровными грядами бѣлые барашки, а внизу, около парохода, вода раскачивалась взадъ и впередъ длинными скользящими ямами, и, взмывая наверхъ, заворачивалась бѣлыми пѣнными раковинами.

— Пардонъ, мадамъ,—услышала Елена надъ собою голосъ.

Она оглянулась и увидала все того же черномазаго

помощника капитана. Онъ глядѣлъ на нее сладкими, тающими, закатывающимися глазами и говорилъ:

— Извините, если я вамъ позволю дать совѣтъ. Не глядите внизъ, это гораздо хуже, отъ этого происходитъ круженіе головы. Лучше всего глядѣть на какую-нибудь неподвижную точку. Напримѣръ, на звѣзду. А лучше бы всего вамъ лечь.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не нужно,—сказала Елена, отвернувшись отъ него.

Но онъ не уходилъ и продолжалъ заискивающимъ, изнѣженнымъ голосомъ, въ которомъ слышался привычный тонъ пароходнаго соблазнителя:

— Вы меня простите, пожалуйста, что я такъ подошелъ къ вамъ, не имѣя чести... Но мнѣ необыкновенно знакома ваша личность. Позвольте узнать, вы не ѣхали ли прошлымъ рейсомъ съ нами до Одессы? Э-э-э... можно присѣсть?

— Благодарю васъ,—сказала она, подымаясь съ мѣста и не глядя на него.—Вы очень заботливы, но предупреждаю васъ: если вы еще хоть одинъ разъ попробуете предложить мнѣ ваши совѣты или услуги, я тотчасъ же, по пріѣздѣ въ Севастополь, телеграфирую Василію Эдуардовичу, чтобы васъ немедленно убрали изъ Русскаго Общества пароходства и торговли. Слышали?

Она назвала первое попавшееся на языкъ имя, отчество. Это былъ старый, уморительный пріемъ, «трюкъ», которымъ когда-то спасся одинъ изъ ея друзей отъ преслѣдованія сыщика. Теперь она употребила его почти безсознательно, и это подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ на первобытный умъ грека. Онъ поспѣшно вскочилъ со скамейки, приподнялъ надъ головой бѣлую фуражку, и даже при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ сквозь стекла надъ салономъ, она увидѣла, какъ онъ быстро и густо покраснѣлъ...

— Ради Бога... Не истолкуйте превратно... Честное слово... Вы, можетъ быть, подумали? Ей-Богу...

Но въ эту секунду палуба, начавшая скользить внизъ, вдругъ круто качнулась вбокъ налѣво, и Елена навѣрно упала бы, если бы морякъ во-время ловко и деликатно не подхватилъ ее за талію. Въ этомъ объятіи не было ничего умышленнаго, и она сказала ему нѣсколько мягче:

— Благодарю васъ, но только оставьте меня. Мнѣ нехорошо.

Онъ приложилъ руку къ козырьку, сказалъ по-морскому «есть!» и поспѣшно ушелъ.

Елена забралась съ ногами на скамейку, положила локти на буковыя перила и, угнѣздивъ между ними голову, закрыла глаза. Морякъ вдругъ сталъ въ ея глазахъ ничуть не опаснымъ, а смѣшнымъ и жалкимъ трусомъ. Ей вспомнились какіе-то глупые куплеты о пароходномъ капитанѣ, которые пѣлъ ея братъ, студентъ Аркадій,—«сумасшедшій студентъ», какъ его звали въ семьѣ. Тамъ что-то говорилось о дамѣ, плывшей на пароходѣ въ Одессу, о внезапно поднявшейся бурѣ и морской болѣзни.

Но кап-питанъ любезный былъ,
Въ каюту пригласилъ.
Онъ лечь въ постель мнѣ далъ совѣтъ
И разстегнуть корсетъ...
Шикъ, блескъ, иммеръ элеганъ...

Ей уже вспомнился мотивъ и серьезное длинное лицо Аркадія, произносившаго говоркомъ дурацкія слова. Въ другое время она разсмѣялась бы воспоминанію, но теперь ей было все равно, все въ мірѣ для нея было какъ-то скучно, неинтересно и вяло. Чтобы испытать себя, она нарочно подумала о Васютинскомъ и его кружкѣ, о мужѣ, о пріятной работѣ для него на ремингтонѣ, старалась представить давно жданную радость свиданія

съ нимъ, которая казалась такой яркой и сладостной тамъ, на берегу—нѣтъ, все выходило какимъ-то сѣрымъ, далекимъ, равнодушнымъ, не трогающимъ сердца. Во всемъ ея тѣлѣ и въ сознаніи осталось только тягучее, раздражающее, разслабленное состояніе полуобморока. Ея кожа съ ногъ до головы обливалась липкимъ холоднымъ потомъ. Невозможно было сжать влажныхъ замиравшихъ пальцевъ въ кулакъ—такъ они обмякли и обезсилѣли. Казалось, вотъ-вотъ сейчасъ наступитъ полный обморокъ и забвеніе. Она ждала этого и боялась.

Но вдругъ въ глазахъ ея стало мутно и зелено, раздражающая щекотка подступила къ горлу, сердце безсильно затрепыхалось гдѣ-то глубоко внизу, въ животѣ. Елена едва успѣла вскочить и наклониться надъ бортомъ.

IV.

На минуту ей стало какъ будто легче.

— Вы бы лучше походили, сударыня,—сказалъ ей участливо тотъ самый старичокъ, котораго Васютинскій задѣлъ цвѣтами по шляпѣ. Онъ сидѣлъ на сосѣдней скамьѣ и видѣлъ, какъ Еленѣ сдѣлалось дурно.

— Вы походите по воздуху и старайтесь дышать какъ можно рѣже и глубже. Это помогаетъ.

Но она только покачала отрицательно головой и опять, улегшись лицомъ на локоть, закрыла глаза.

Ей съ трудомъ удалось заснуть. Проспала она, должно быть, часа два и проснулась отъ внезапнаго всплеска пѣнной воды, которая, взмывъ изъ-за борта, окатила ей волосы и шею. Была глубокая ночь—темная, облачная, безлунная и вѣтреная. Пароходъ валяло съ носу на корму и съ боку на бокъ. Шелъ мелкій косой дождь. На палубѣ было пусто, только въ проходахъ у стѣнъ рубокъ, куда не достигали брызги, лежали спящіе люди.

За лѣвымъ бортомъ, въ безконечно далекой чернотѣ ночи, точно на краю свѣта, загорѣлась вдругъ яркая, бѣлая, свѣтящаяся точка маяка; продержавшись съ секунду, она мгновенно гасла, а черезъ нѣсколько секундъ опять вспыхивала и опять гасла, и опять вспыхивала черезъ точные промежутки. Смутное нѣжное чувство прикоснулось вдругъ къ душѣ Елены.

«Вотъ,—подумала она,—гдѣ-то въ одиночествѣ, на пустынномъ мысѣ, среди ночи и бури, сидитъ человѣкъ и слѣдитъ внимательно за этими вспышками огня и, можетъ быть, вотъ сейчасъ, когда я думаю о немъ, можетъ быть, и онъ мечтаетъ о сердцѣ, которое въ это мгновеніе за много верстъ на невидимомъ пароходѣ думаетъ о немъ съ благодарностью».

И ей припомнилось, какъ прошлой зимой ее и ея мужа везъ со станціи Тумы самонадѣянный рязанскій мальчишка. Была ночь и вьюга. Не прошло и получасу, какъ мальчишка потерялъ дорогу, и они втроемъ кружили по какому-то дикому сугробному полю, перерѣзанному канавами, возвращаясь на свои слѣды, только что прорытые въ цѣлинѣ. Кругомъ, куда бы ни глядѣлъ глазъ, была одна и та же тусклая, мертвая, бѣлесая муть, въ которой сливались однотонно снѣгъ и небо. Когда лошадь попадала въ канавы, всѣмъ троимъ приходилось вылѣзать изъ саней и итти по поясъ въ снѣгу. Ноги у Елены окоченѣли и уже начали терять чувствительность.

Тихое, беззлобное отчаяніе овладѣло ею. Мужъ молчалъ, боясь заразить ее своей тревогой. Мальчишка на козлахъ больше ужъ не дергалъ веревочными вожжами и не чмокалъ на лошадь. Она шла покорнымъ шагомъ, низко опустивъ голову.

И вдругъ мальчишка закричалъ радостно:

— Вёшка!

Елена сначала ничего не поняла, такъ какъ была

впервые въ такой глубокой деревенской глуши. Но когда она увидѣла большую сосновую вѣтку, торчавшую изъ снѣга, и другую вѣтку, смутно темнѣвшую вдали сквозь ночную сѣрую муть, и когда она узнала, что такимъ порядкомъ мужики обозначаютъ дорогу на случай мятели—она почувствовала теплое, благодарное умиленіе. Кто-то, кого она, вѣроятно, ни разу въ жизни не увидитъ и не услышитъ, шелъ днемъ вдоль этой дороги и заботливо втыкалъ налѣво и направо эти первобытные маяки. Пусть онъ даже вовсе и не думалъ тогда о заблудившихся путникахъ, какъ, можетъ быть, не думаетъ теперь сторожъ маяка о признательности женщины, сидящей на бортѣ парохода и глядящей на вспышки далекаго бѣлаго огня,—но какъ радостно сблизить въ мысляхъ двѣ души, изъ которыхъ одна оставила за собою бережный, нѣжный и безкорыстный слѣдъ, а другая принимаетъ этотъ даръ съ безконечной любовью и преклоненіемъ.

И она съ восторгомъ подумала о великихъ словахъ, о глубокихъ мысляхъ, о безсмертныхъ книгахъ, оставленныхъ потомству. «Развѣ это не тѣ же вешки на загадочномъ пути человѣчества?»

Знакомый старый красноносый боцманъ въ клеенчатомъ желтомъ пальто, съ надвинутымъ на голову капюшономъ, съ маленькимъ фонарикомъ въ рукѣ, торопливо пробѣжалъ по палубѣ къ лагу и нагнулся надъ нимъ, освѣтивъ его циферблатъ. На обратномъ пути онъ узналъ Елену и остановился около нея.

— Не спите, барышня? Закачало? Здѣсь всегда такъ. Тарханкутъ. Самое поганое мѣсто.

— Почему?

— Н-ну! Тутъ сколько аваріевъ было. Съ одной стороны мысъ, а съ другой вода кружится, какъ въ котлѣ. Остается только узенькое мѣсто. Вотъ вы и угадайте. Вотъ какъ разъ, гдѣ мы сейчасъ идемъ, тутъ «Влади-

миръ» пошелъ ко дну, когда его «Колумбія» саданула въ бокъ. Такъ и покатился внизъ. И не нашли... Здѣсь яица саженъ въ четыреста...

Наверху, на капитанскомъ мостикѣ, засвистали. Боцманъ рванулся было туда, но остановился и добавилъ торопливо:

— Эхъ, вижу я, барышня, мутитъ васъ. Нехорошо это. А вы, знаете, лимончикъ пососите. А то раскиснете. Да.

Елена встала и пошла по палубѣ, стараясь все время держаться руками за борта и за ручки дверей. Такъ она дошла до палубы 3-го класса. Тутъ всюду, въ проходахъ, на брезентѣ, покрывавшемъ люкъ, на ящикахъ и тюкахъ, почти навалившись другъ на друга, лежали, спутавшись въ кучу, мужчины, женщины и дѣти.

Иногда на нихъ падалъ свѣтъ лампочекъ, и ихъ лица отъ нездороваго сна и отъ мученій послѣ морской болѣзни казались синевато-мертвенно блѣдными.

Она пошла дальше. Ближе къ носу парохода, на свободномъ пространствѣ, раздѣленномъ пополамъ коновязью, стояли маленькія хорошенькія лошадки съ выхоленною шерстью и съ подстриженными хвостами и гривами. Ихъ везли въ Севастополь въ циркъ. И жалко и трогательно было видѣть, какъ бѣдныя, умныя животныя стойко подавали тѣло то на переднія, то на заднія ноги, сопротивляясь качкѣ, какъ они прищуривали уши и косили недоумѣвающими глазами назадъ, на бушующее море.

Затѣмъ она сошла внизъ по крутой желѣзной лѣстницѣ во второй классъ. Тамъ заняты были всѣ мѣста; даже въ обѣденномъ залѣ на диванахъ, шедшихъ вдоль по стѣнамъ, лежали одѣтыми блѣдные, стонущіе люди. Морская болѣзнь всѣхъ уравняла и заставила забыть всѣ приличія. И часто нога еврейскаго комиссіонера со сползающимъ башмакомъ и грязнымъ бѣльемъ, выгля-

дывавшимъ изъ-подъ панталонъ, почти касалась головы красивой нарядной женщины.

Но въ спертомъ воздухѣ закрытаго со всѣхъ сторонъ помѣщенія такъ отвратительно пахло людьми, человѣческимъ соннымъ дыханіемъ, запахомъ извергнутой пищи, что Елена тотчасъ же быстро поднялась наверхъ, едва удерживая приступъ тошноты.

Теперь качка стала еще сильнѣе. Каждый разъ, когда носъ корабля, взобравшись на волну и на мгновеніе задержавшись на ней, вдругъ рѣшительно, съ возрастающей скоростью врывался въ воду, Елена слышала, какъ его борта съ уханьемъ погружались въ море и какъ шипѣли вокругъ него точно разсерженныя волны.

И опять зеленая противная муть поплыла передъ ея глазами. Лбу стало холодно, и тошно-томительное ощущеніе обморока овладѣло ея тѣломъ и всѣмъ ея существомъ. Она нагнулась надъ бортомъ, думая, какъ давеча, получить облегченіе, но она видѣла только темное тяжелое пространство внизу и на немъ бѣлыя волны, то возникающія, то тающія.

Состояніе ея было настолько мучительно, что она невольно подумала о томъ, что если бы была возможность какъ-нибудь вдругъ, сейчасъ же, умереть, не сходя съ мѣста, лишь бы окончилось это ощущеніе медленнаго и отвратительнаго умиранія, то она согласилась бы съ равнодушною усталостью. Но не было силъ самой прекратить это насильственно, потому что не было ни воли, ни желанія.

V.

Къ ней подходилъ все тотъ же помощникъ капитана. Теперь онъ съ почтительнымъ видомъ остановился довольно далеко отъ нея, разставя ноги для устойчивости, балансируя движеніями тѣла при качкѣ.

— Ради Бога, не разсердитесь, не растолкуйте пре-

вратно моихъ словъ,—сказалъ онъ вѣжливо, но просто.—Мнѣ такъ было тяжело и прискорбно, что вы придали недавно какой-то нехорошій смыслъ... Впрочемъ, можетъ быть, я самъ въ этомъ виноватъ, я не спорю, но я, право, не могу видѣть какъ вы мучитесь. Ради Бога, не отказывайтесь отъ моей услуги. Я до утра стою на вахтѣ. Моя каюта остается совершенно свободной. Не побрезгуйте, прошу васъ. Тамъ чистое бѣлье... все... что угодно. Я пришлю горничную... Позвольте мнѣ помочь вамъ.

Она ничего не отвѣтила, но мысль о возможности протянуться свободно на удобной, покойной кровати и полежать одной, неподвижно, хоть полчаса, показалась ей необыкновенно пріятной, почти радостной. Теперь она уже не находила никакихъ возраженій противъ фатовской наружности капитана и противъ его предложенія.

— Прошу васъ, дайте мнѣ руку, я проведу васъ,—говорилъ помощникъ капитана съ мягкой ласковостью.—Я пришлю вамъ горничную, у васъ будетъ ключъ, вы можете раздѣться, если вамъ угодно.

У этого грека былъ пріятный голосъ, звучавшій необыкновенно искренно и почтительно, именно въ такомъ тонѣ, не возбуждающемъ никакихъ сомнѣній, какъ умѣютъ лгать женщинамъ опытные женолюбцы и сладострастники, имѣвшіе въ своей жизни множество легкихъ, веселыхъ, минутныхъ связей. Къ тому же воля Елены совершенно угасла, растаяла отъ ужасныхъ приступовъ морской болѣзни.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело!—съ трудомъ выговорила она, почти не двигая холодными, помертвѣвшими губами.

— Идемте, идемте,—сказалъ онъ ласково, и какъ-то трогательно, по-братски, помогъ ей подняться со скамейки, поддерживая ее.

Она не сопротивлялась.

Каюта помощника капитана была очень мала, въ ней съ трудомъ помѣщалась кровать и маленькій письменный столъ, между которыми едва можно было втиснуть раскладную ковровую табуретку. Но все было щегольски чисто, ново и даже кокетливо. Плюшевое тигровое одѣяло на кровати было на половину открыто, и свѣжее бѣлье, безъ единой складочки, прельщало глазъ сладостной бѣлизной.

Электрическая лампочка въ хрустальномъ колпачкѣ мягко свѣтила изъ-подъ зеленаго абажура. Около зеркала, на складномъ умывальникѣ краснаго дерева, стоялъ флакончикъ съ ландышами и нарциссами.

— И вотъ, пожалуйста... Ради Бога,—говорилъ помощникъ капитана, избѣгая глядѣть на Елену.—Будьте какъ дома, здѣсь вы все найдете нужное для туалета. Мой домъ—вашъ домъ. Это наша морская обязанность,—оказывать услуги прекрасному полу.

Онъ разсмѣялся съ такимъ видомъ, который долженъ былъ показать, что послѣднія слова—не болѣе, какъ милая дружеская шутка, сказанная небрежно и даже грубовато простымъ и сердечнымъ малымъ.

— Итакъ, не бойтесь, пожалуйста,—сказалъ онъ и вышелъ.

Только разъ, на одно мгновеніе, поворачиваясь въ дверяхъ, онъ взглянулъ на Елену и даже не въ ея глаза, а куда-то повыше, туда, гдѣ у нея начинались пышною волной тонкіе золотистые волосы.

Какая-то инстинктивная боязнь, какой-то остатокъ благоразумной осторожности вдругъ встревожилъ Елену, но въ этотъ моментъ полъ каюты особенно сильно поднялся и точно покатился вбокъ, и тотчасъ же прежняя зеленая муть понеслась передъ глазами женщины, и тяжело заныло въ груди предобморочное чувство. За-

бывъ о своемъ мгновенномъ предчувствіи, она сѣла на кровать и схватилась рукой за ея спинку.

Когда ее немного отпустило, она покрыла кровать одѣяломъ, разстегнула кнопки кофточки, крючки лифа и непослушные крючки низкаго мягкаго корсета, который сдавливалъ ея животъ. Затѣмъ она съ наслажденіемъ легла на спину, опустивъ голову глубоко въ подушки и спокойно протянувъ усталыя ноги.

Ей сразу стало до счастья легко.

«Отдохну совсѣмъ и потомъ раздѣнусь», подумала она съ удовольствіемъ.

Она закрыла глаза. Сквозь опущенныя вѣки свѣтъ лампочки пріятнымъ розовымъ свѣтомъ ласкалъ глаза. Теперь покачиванія парохода уже не были такъ мучительны. Она чувствовала, что пройдетъ еще немного минутъ, и качка успокоитъ ее и смежитъ ей глаза легкимъ, освѣжающимъ сномъ. Нужно было только лишь не шевелиться.

Но въ дверь постучали. Она вспомнила, что не успѣла запереть дверь, и смутилась. Но это могла быть горничная. Приподнявшись на кровати, она крикнула:

— Войдите.

Вошелъ помощникъ капитана, и вдругъ ясное ощущеніе надвигающагося ужаса потрясло Елену. Голова у моряка была наклонена внизъ, онъ не глядѣлъ на Елену, но у него двигались ноздри, и она даже услышала, какъ онъ коротко и глубоко дышалъ.

— Прошу извиненія, я здѣсь забылъ журналъ,—сказалъ онъ глухо.

Онъ пошарилъ на столѣ, стоя спиной къ Еленѣ и нагнувшись. У нея мелькнула мысль—встать и тотчасъ же уйти изъ каюты, но онъ, точно угадывая и предупреждая ея мысль, вдругъ гибкимъ, чисто звѣринымъ движеніемъ, въ одинъ прыжокъ подскочилъ къ двери и заперъ ее двумя оборотами ключа.

— Что вы дѣлаете!—крикнула Елена и безпомощно, по-дѣтски, всплеснула руками.

Онъ мягкимъ, но необыкновенно сильнымъ движеніемъ усадилъ ее на кровать и усѣлся съ нею рядомъ. Дрожащими руками онъ взялся за ея кофточку спереди и сталъ ее раскрывать. Руки его были горячи, и точно какая-то нервная, страстно возбужденная сила истекала изъ нихъ. Онъ дышалъ тяжело и даже съ хрипомъ, и на его покраснѣвшемъ лицѣ вздулись вверхъ отъ переносицы двѣ расходящіяся кницей жилы.

— Дорогая моя...—говорилъ онъ отрывисто, и въ голосѣ его слышалась мучительная, слѣпая, томная страсть.—Дорогая... Я хочу вамъ помочь... вмѣсто горничной... Нѣтъ! Нѣтъ!.. Не подумайте чего-нибудь дурного... Какая у васъ грудь... Какое тѣло...

Онъ положилъ ей на обнаженную грудь горячую, воспаленную голову и лепеталъ, какъ въ забытьи:

— Надо совсѣмъ разстегнуться, тогда будетъ лучше. Ради Бога, не думайте, что я чего-нибудь... Одна минута... Только одна минута... Вѣдь никто не узнаетъ... Вы испытаете блаженство... Вамъ будетъ пріятно... Никто никогда не узнаетъ... Это предразсудки.

Она отталкивала его, упираясь руками ему въ грудь, въ голову и говорила съ отвращеніемъ:

— Пустите меня, гадина... Животное... Подлецъ... Ко мнѣ никто не смѣлъ прикасаться такъ.

Въ ужасѣ и гнѣвѣ она начала кричать безъ словъ, пронзительно, но онъ своими толстыми, открытыми и мокрыми губами зажалъ ей ротъ. Она барахталась, кусала его губы, и когда ей удавалось на секунду отстранить свое лицо, кричала и плевалась. И вдругъ опять томительное, противное, предсмертное ощущеніе обморока обезсилило ее. Руки и ноги сдѣлались вялыми, какъ и все ея тѣло.

Было ужасно то, что въ пароксизмѣ страсти, похо-

жемъ на припадокъ падучей, этотъ человѣкъ былъ грубъ и безстыденъ. Но еще ужаснѣе и омерзительнѣе было то, что она въ самый послѣдній моментъ увидѣла его лицо, его часто-часто дрожавшія вѣки, его скошенные мокрые идіотскіе глаза, его вытянутыя впередъ развернутыя губы и открытый ротъ, изъ котораго длинной тонкой струйкой висѣла слюна.

И какъ только онъ оставилъ ее, всталъ и началъ, тяжела дыша и пошатываясь на ногахъ, поправлять свои одежды, она, вся похолодѣвшая, быстро свѣсилась головой съ кровати и мучительный приступъ рвоты овладѣлъ ею.

— Чортъ побери! Вотъ этого я ужъ не люблю. Это ужъ свинство,—сказалъ помощникъ капитана.—Нельзя развѣ было удержаться и сдѣлать это въ горшокъ? Вотъ вамъ.

И онъ громко выдвинулъ изъ-подъ койки ночной приборъ.

— Господи, что вы со мною сдѣлали!—сказала она тихо,—вы сдѣлали хуже, чѣмъ убійство. Боже мой! Боже мой!

Въ эту минуту постучали въ дверь. Морякъ, все еще сопя, отперъ, и въ каюту вошелъ тотъ веселый, похожій на ловкую обезьянку, юнга, котораго видѣла Елена днемъ около сходни.

— Кончили?—спросилъ онъ и потеръ руками.

— Боже мой! Боже мой! Боже мой!—сказала женщина, закрывъ лицо руками.

VI.

Наступило утро. Въ то время, когда разгружали людой и тюки въ Евпаторіи, Елена проснулась на верхней палубѣ отъ легкой сырости утренняго тумана. Море было спокойно и ласково. Сквозь туманъ розовѣло солн-

це. Дальняя плоская полоска берега чуть желтѣла впереди.

Только теперь, когда постепенно вернулось къ ней застланное сномъ сознаніе, она глубоко охватила умомъ весь ужасъ и позоръ прошедшей ночи. Она вспомнила помощника капитана, потомъ юнгу, потомъ опять помощника капитана. Вспомнила, какъ грубо, съ нескрываемымъ отвращеніемъ низменнаго, пресытившагося человѣка, выпроваживалъ ее этотъ красавецъ-грекъ изъ своей каюты. Но одно воспоминаніе было тяжелѣй всего. Хотя она не была виновата, оно казалось ей какимъ-то гнуснымъ противоестественнымъ грѣхомъ съ ея стороны. Отъ того ли, что у юнги еще сохранились остатки стыдливости, или отъ того, что онъ былъ очень молодъ, но онъ оставался съ нею чрезвычайно долго. И, вотъ, несмотря на то, у Елены быстро охладѣло сердце, несмотря на позывы тошноты и ощущеніе обморока, она вдругъ на нѣсколько моментовъ испытала нѣчто ни на что не похожее, какое-то мучительное страданіе, которое было раздражающе сладостно. И хотя она всегда была совершенно, даже ненормально, чужда половому любопытству, она понимала теперь, что это ощущеніе было именно то самое, о которомъ ей много разъ говорилъ мужъ,—ощущеніе, котораго она не могла понять съ его словъ и вызвать въ себѣ, и отсутствіе котораго у нея причиняло мужу печаль и ревнивое безпокойство къ будущему.

На три часа пароходъ задержался въ Севастополѣ, пока длинные послушные хоботы лебедокъ выгружали и нагружали тюки, бочки, связки желѣзныхъ брусьевъ, какія-то мраморныя доски и мѣшки. Туманъ разсѣялся. Прелестная круглая бухта, окаймленная желтыми берегами, лежала неподвижно. Проворные бѣлые и черные катеры легко бороздили ея поверхность. Быстро проносились бѣлыя лодки военнаго флота съ Андреев-

скимъ косымъ крестомъ на кормѣ. Матросы съ обнаженными шеями, всѣ какъ одинъ, далеко откидывались назадъ, выбрасывая весла изъ воды.

Елена сошла на берегъ и, сама не зная для чего, объѣхала городъ на электрическомъ трамваѣ. Весь гористый, каменный бѣлый городъ казался пустымъ, вымирающимъ, и можно было подумать, что никто въ немъ не живетъ, кромѣ морскихъ офицеровъ, матросовъ и солдатъ—точно онъ былъ завоеванъ.

Она посидѣла немного въ городскомъ саду, равнодушно глядя на его газоны, пальмы и подрѣзанные кусты, равнодушно слушая музыку, игравшую въ ротондѣ. Потомъ она вернулась на пароходъ.

Въ часъ дня пароходъ отвалилъ. Только тогда, послѣ общаго завтрака, Елена потихоньку, точно крадучись, спустилась въ салонъ. Какое-то унизительное чувство, противъ ея воли, заставляло ее избѣгать общества и быть въ одиночествѣ. И для того, чтобы выйти на палубу послѣ завтрака, ей пришлось сдѣлать надъ собой громадное усиліе. До самой Ялты она просидѣла у борта, облокотившись лицомъ на его перила.

Низкій желтый песчаный берегъ постепенно началъ возвышаться, и на немъ запестрѣли рѣдкіе темные кусты зелени. Кто-то изъ пассажировъ сидѣлъ рядомъ съ Еленой и по книжкѣ путеводителя разсказывалъ, нарочно громко, чтобы его слышали кругомъ, о тѣхъ мѣстахъ, которыя шли навстрѣчу пароходу, и она безъ всякаго участія, подавленная кошмарнымъ ужасомъ вчерашняго, чувствуя себя съ ногъ до головы точно вывалянной въ вонючей грязи, со скукою глядѣла какъ развертывались передъ нею прекрасныя мѣста Крымскаго полуострова. Проплылъ мысъ Фіолентъ, красный, крутой, съ заострившимися глыбами, готовыми вотъ-вотъ сорваться въ море. Когда-то тамъ стоялъ храмъ кровожадной богини—ей приносились человѣческія жертвы, и тѣла

плѣнниковъ сбрасывали внизъ съ обрыва. Прошла Балаклава съ едва замѣтными силуэтами разрушенной генуэзской башни на горѣ, мохнатый мысъ Айя, кудрявый Ласпи, Форосъ, съ византійской церковью, стоящей высоко, точно на подносѣ, съ Байдарскими воротами, вѣнчающими гору. А тамъ потянулись, среди густой зелени садовъ и парковъ, между зигзагами бѣлой дороги— бѣлыя дачи, богатыя виллы, горныя татарскія деревушки съ плоскими крышами. Море нѣжно стлалось вокругъ парохода; въ водѣ играли дельфины.

Крѣпко, свѣжо и радостно пахло морскимъ воздухомъ. Но ничто не радовало глазъ Елены. У нея было такое чувство, точно не люди, а какое-то высшее, всемогущее, злобное и насмѣшливое существо вдругъ нелѣпо взяло и опоганило ея тѣло, осквернило ея мысли, сломало ея гордость и навѣки лишило ее спокойной, довѣрчивой радости жизни. Она сама не знала, что ей дѣлать, и думала объ этомъ такъ же вяло и безразлично, какъ глядѣла она на берегъ, на небо, на море.

Теперь публика вся толпилась на лѣвомъ борту. Однажды, мелькомъ, Елена увидала помощника капитана въ толпѣ. Онъ быстро скользнулъ отъ нея глазами прочь, трусливо повернулся и скрылся за рубкой. Но не только въ его быстромъ взглядѣ, а даже въ томъ, какъ подъ бѣлымъ кителемъ онъ судорожно передернулъ спиною, она прочла глубокое, брезгливое отвращеніе къ ней. И она тотчасъ же почувствовала себя навѣки-вѣчные, до самаго конца ея жизни, связанной съ нимъ и совершенно равной ему.

Прошли Алупку, съ ея широкимъ зеленоватымъ, мавританскаго стиля, дворцомъ и съ роскошнымъ паркомъ, весь зеленый, кудрявый Мисхоръ, бѣлый, точно выточенный изъ сахара, Дюльберъ и «Ласточкино Гнѣздо»— красный безобразный домъ съ башней, прилѣпившейся на самомъ краю отвѣсной скалы, падающей въ море.

Подходили къ Ялтѣ. Теперь вся палуба была занята поклажею. Нельзя было повернуться. Въ томъ стадномъ стремленіи, которое всегда охватываетъ людей на пароходахъ, на желѣзныхъ дорогахъ и на вокзалахъ передъ посадкой и высадкой, пассажиры стали торопливы и недоброжелательны другъ къ другу. Елену часто толкали, наступали ей на ноги и на платье. Она не оборачивалась. Теперь ей начинало становиться страшно передъ мужемъ. Она не могла себѣ представить, какъ произойдетъ ихъ встрѣча, что она будетъ говорить ему? Хватитъ ли рѣшимости у нея сказать ему все? Что онъ сдѣлаетъ? Проститъ? Разсердится? Пожалѣетъ или оттолкнетъ ее, какъ привычную обманщицу и распутницу?

Каждый разъ, представляя себѣ тотъ моментъ, когда она рѣшится, наконецъ, развернуть передъ нимъ свою бѣдную, оплеванную душу, она блѣднѣла, и, закрывая глаза, глубоко набирала въ грудь воздуху.

Густой паркъ Ореанды, благородныя развалины Мраморнаго дворца, красный дворецъ Ливадіи, правильные ряды виноградника на горахъ, и, вотъ, наконецъ, включенный въ подкову горъ, веселый, пестрый амфитеатръ Ялты, золотые купола собора, тонкіе, стройные, темные кипарисы, похожіе на черныя узкія веретена, каменная набережная и на ней, точно игрушечные, люди, лошади и экипажи.

Медленно и осторожно повернувшись на одномъ мѣстѣ, пароходъ бокомъ причалилъ къ пристани. Тотчасъ же масса людей въ грубой овечьей подражательности ринулась съ парохода по сходнѣ на берегъ, давя, толкая и тиская другъ друга. Глубокое отвращеніе почувствовала Елена ко всѣмъ этимъ краснымъ мужскимъ затылкамъ, растеряннымъ, злымъ, пудреннымъ впопыхахъ женскимъ лицамъ, потнымъ рукамъ, изогнутымъ угрожающимъ локтямъ. Казалось ей, что въ каждомъ

изъ этихъ озвѣрѣвшихъ безъ нужды людяхъ сидѣло то же самое животное, которое вчера раздавило ее.

Только тогда, когда пассажиры отхлынули и палуба стала свободна, она подошла къ борту и тотчасъ же увидѣла мужа. И вдругъ все въ немъ: синяя шелковая косоворотка, подтянутая широкимъ кушакомъ, и панталоны навыпускъ, бѣлая широкополая войлочная шляпа, которую тогда носили поголовно всѣ соціалъ-демократы, его маленькій ростъ, золотые очки, прищуренные глаза, напряженная отъ солнечныхъ лучей гримаса вокругъ рта,—все въ немъ вдругъ показалось ей безконечно знакомымъ и въ то же время почему-то враждебнымъ и непріятнымъ. У нея мелькнуло сожалѣніе, зачѣмъ она не телеграфировала изъ Севастополя, что уѣзжаетъ навсегда: такъ, просто, написать бы, безъ всякаго объясненія причинъ.

Но онъ уже увидѣлъ ее издали и размахивалъ шляпой и высоко поднятой палкой.

VII.

Поздно ночью она встала съ своей постели, которая отдѣлялась отъ его постели ночнымъ столикомъ, и, не зажигая свѣта, сѣла у него въ ногахъ и слегка прикоснулась къ нему. Онъ тотчасъ же приподнялся и прошепталъ съ испугомъ:

— Что съ тобой, Елочка? Что ты?

Онъ былъ смущенъ и тяжело обезпокоенъ ея сегодняшнимъ напряженнымъ молчаніемъ, и, хотя она ссылалась на головную боль отъ морской болѣзни, онъ чувствовалъ за ея словами какое-то горе или тайну. Днемъ онъ все приставалъ къ ней съ разспросами, думая, что время само покажетъ и объяснитъ. Но и теперь, когда онъ не перешелъ еще отъ сна къ пошлой мудрости жизни, онъ безошибочно, гдѣ-то въ самыхъ темныхъ глу-

бинахъ души, почувствовалъ, что сейчасъ произойдетъ нѣчто грубое, страшное, неповторяющееся никогда вторично въ жизни.

Оба окна были открыты настежь. Сладостно до щекотки пахло невидимыми глициніями. Въ городскомъ саду игралъ струнный оркестръ, и звуки его казались прекрасными и печальными.

— Сергѣй, выслушай меня, — сказала Елена.— Нѣтъ, нѣтъ, не зажигай свѣчу,—прибавила она торопливо, услышавъ, что онъ затрахтѣлъ коробкою со спичками.—Такъ будетъ лучше... безъ огня... То, что я тебѣ скажу, будетъ необычайно и невыносимо тяжело для тебя, но я не могу иначе, и я должна испытать тебя... Прости меня!

Она едва видѣла его въ темнотѣ по бѣлой рубашкѣ. Онъ ощупью отыскалъ стаканъ и графинъ, и она слышала, какъ дрожало стекло объ стекло. Она слышала какъ большими громкими глотками пилъ онъ воду.

— Говори, Елочка,—сказалъ онъ шопотомъ.

— Послушай! Скажи мнѣ, что бы ты сдѣлалъ или сказалъ, если бы я пришла къ тебѣ и сказала: «Милый Сергѣй, вотъ я, твоя жена, которая никого не любила кромѣ тебя, никого не полюбитъ, кромѣ тебя, и я сегодня измѣнила тебѣ. Пойми меня, измѣнила совсѣмъ, до того послѣдняго предѣла, который только возможенъ между мужчиною и женщиною». Нѣтъ, не торопись отвѣчать мнѣ. «Измѣнила не тайкомъ, не скрываючись, а нехотя, во власти обстоятельствъ... Ну, предположи... капризъ истерической натуры, необыкновенную, неудержимую похоть, ну, наконецъ, насиліе со стороны пьянаго человѣка... какого-нибудь пѣхотнаго офицера... Милый Сергѣй, не дѣлай никакихъ отговорокъ и отклоненій, не останавливай меня, а отвѣчай мнѣ прямо. И помни, что, сдѣлавъ это, я ни на одну секунду не переставала любить тебя больше всего, что мнѣ дорого».

Онъ помолчалъ, повозился немного на постели, отыскалъ ея руку, хотѣлъ пожать ее, но она отняла руку.

— Елочка, ты испугала меня, я не знаю, что тебѣ сказать, я положительно не знаю. Вѣдь, если ты полюбила бы другого, вѣдь ты сказала бы мнѣ, вѣдь ты не стала бы меня обманывать, ты пришла бы ко мнѣ и сказала: «Сергѣй! Мы оба свободные и честные люди, я перестала любить тебя, я люблю другого, прости меня— и разстанемся». И я поцѣловалъ бы твою руку на прощанье и сказалъ бы: «Благодарю тебя за все, что ты мнѣ дала, благословляю твое имя, позволь мнѣ только сохранить твою дружбу».

— Нѣтъ! Нѣтъ... не то... совсѣмъ не то... Не полюбила, а просто грубо измѣнила тебѣ. Измѣнила потому, что не могла не измѣнить, потому, что не была виновата.

— Но онъ тебѣ нравился? Ты испытала сладость любви?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Сергѣй, все время отвращеніе, глубокое, невѣроятное отвращеніе. Ну, вотъ скажи, напримѣръ, если бы меня изнасиловали?

Онъ осторожно привлекъ ее къ себѣ—она теперь не сопротивлялась. Онъ говорилъ:

— Милая, Елочка, зачѣмъ объ этомъ думать? Это все равно, если бы ты спросила меня, разлюблю ли я тебя, если вдругъ оспа обезобразитъ твое лицо или желѣзнодорожный поѣздъ отрѣжетъ тебѣ ногу. Такъ и это. Если тебя изнасиловалъ какой-нибудь негодяй,—Господи, что не возможно въ нашей современной жизни!—я взялъ бы тебя, положилъ твою голову себѣ на грудь, вотъ какъ я дѣлаю сейчасъ, и сказалъ бы: «Милое мое, обиженное, бѣдное дитя, вотъ я жалѣю тебя, какъ мужъ, какъ братъ, какъ единственный другъ, и смываю съ твоего сердца позоръ моимъ поцѣлуемъ».

Долго они молчали, потомъ Сергѣй заговорилъ:

— Разскажи мнѣ все!

И она начала такъ:

ленькихъ, гибкихъ аммореянокъ, сложенныхъ безъ упрека,—ихъ вѣрность и покорность въ любви вошли въ пословицу; женщинъ изъ Ассиріи, удлинявшихъ красками свои глаза и вытравливавшихъ синія звѣзды на лбу и на щекахъ; образованныхъ, веселыхъ и остроумныхъ дочерей Сидона, умѣвшихъ хорошо пѣть, танцовать, а также играть на арфахъ, лютняхъ и флейтахъ, подъ аккомпаниментъ бубна; желтокожихъ египтянокъ, неутомимыхъ въ любви и безумныхъ въ ревности; сладострастныхъ вавилонянокъ, у которыхъ все тѣло подъ одеждой было гладко какъ мраморъ, потому что онѣ особой пастой истребляли на немъ волосы; дѣвъ Бактріи, красившихъ волосы и ногти въ огненно-красный цвѣтъ и носившихъ шальвары; молчаливыхъ, застѣнчивыхъ моавитянокъ, у которыхъ роскошныя груди были прохладны въ самыя жаркія лѣтнія ночи; безпечныхъ и расточительныхъ аммонитянокъ съ огненными волосами и съ тѣломъ такой бѣлизны, что оно свѣтилось во тьмѣ; хрупкихъ голубоглазыхъ женщинъ съ льняными волосами и нѣжнымъ запахомъ кожи, которыхъ привезили съ сѣвера, черезъ Баальбекъ, и языкъ которыхъ былъ непонятенъ для всѣхъ живущихъ въ Палестинѣ. Кромѣ того, любилъ царь многихъ дочерей Іудеи и Израиля.

Также раздѣлялъ онъ ложе съ Балкисъ-Мѣкеда, царицей Савской, превзошедшей всѣхъ женщинъ въ мірѣ красотой, мудростью, богатствомъ и разнообразіемъ искусства въ страсти; и съ Ависагой-сунамитянкой, согрѣвавшей старость царя Давида, съ этой ласковой, тихой красавицей, изъ-за которой Соломонъ предалъ своего старшаго брата Адонію смерти отъ руки Ваней, сына Іодаева.

И съ бѣдной дѣвушкой изъ виноградника, по имени Суламиѳь, которую одну изъ всѣхъ женщинъ любилъ царь всѣмъ своимъ сердцемъ.

Носильный одръ сдѣлалъ себѣ Соломонъ изъ лучша-

го кедроваго дерева, съ серебряными столпами, съ золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ, съ шатромъ изъ пурпуровой тирской ткани. Внутри же весь шатеръ былъ украшенъ золотымъ шитьемъ и драгоцѣнными камнями—любовными дарами женъ и дѣвъ Іерусалимскихъ. И когда стройные черные рабы проносили Соломона въ дни великихъ празднествъ среди народа, поистинѣ былъ прекрасенъ царь, какъ лилія Саронской долины!

Блѣдно было его лицо, губы—точно яркая алая лента; волнистые волосы черны изсиня и въ нихъ—украшеніе мудрости—блестѣла сѣдина, подобно серебрянымъ нитямъ горныхъ ручьевъ, падающихъ съ высоты темныхъ скалъ Аэрмона; сѣдина сверкала и въ его черной бородѣ, завитой, по обычаю царей Ассирійскихъ, правильными мелкими рядами.

Глаза же у царя были темны, какъ самый темный агатъ, какъ небо въ безлунную лѣтнюю ночь, а рѣсницы, разверзавшіяся стрѣлами вверхъ и внизъ, походили на черные лучи вокругъ черныхъ звѣздъ. И не было человѣка во вселенной, который могъ бы выдержать взглядъ Соломона, не потупивъ своихъ глазъ. И молніи гнѣва въ очахъ царя повергали людей на землю.

Но бывали минуты сердечнаго веселія, когда царь опьянялся любовью или виномъ, или сладостью власти, или радовался онъ мудрому или красивому слову, сказанному кстати. Тогда тихо опускались до половины его длинныя рѣсницы, бросая синія тѣни на свѣтлое лицо, и въ глазахъ царя загорались, точно искры въ черныхъ бриллiантахъ, теплые огни ласковаго нѣжнаго смѣха; и тѣ, кто видѣли эту улыбку, готовы были за нее отдать тѣло и душу — такъ она была неописуемо прекрасна. Одно имя царя Соломона, произнесенное вслухъ, волновало сердца женщинъ, какъ ароматъ пролитаго мирра, напоминающій о ночахъ любви.

Руки царя были нѣжны, бѣлы, теплы и красивы, какъ у женщины, но въ нихъ заключался такой избытокъ жизненной силы, что, налагая ладони на темя больныхъ, царь исцѣлялъ головныя боли, судороги, черную меланхолію и бѣснованіе. На указательномъ пальцѣ лѣвой руки носилъ Соломонъ гемму изъ кроваво-краснаго астерикса, извергавшаго изъ себя шесть лучей жемчужнаго цвѣта. Много сотенъ лѣтъ было этому кольцу и на оборотной сторонѣ его камня вырѣзана была надпись на языкѣ древняго, исчезнувшаго народа: «Все проходитъ».

И такъ велика была власть души Соломона, что повиновались ей даже животныя: львы и тигры ползали у ногъ царя и терлись мордами о его колѣна, и лизали его руки своими жесткими языками, когда онъ входилъ въ ихъ помѣщенія. И онъ, находившій веселіе сердца въ сверкающихъ переливахъ драгоцѣнныхъ камней, въ ароматѣ египетскихъ благовонныхъ смолъ, въ нѣжномъ прикосновеніи легкихъ тканей, въ сладостной музыкѣ, въ тонкомъ вкусѣ краснаго искристаго вина, играющаго въ чеканномъ финуанскомъ потирѣ,—онъ любилъ также гладить суровыя гривы львовъ, бархатныя спины черныхъ пантеръ и нѣжныя лапы молодыхъ пятнистыхъ леопардовъ, любилъ слушать ревъ дикихъ звѣрей, видѣть ихъ сильныя и прекрасныя движенія и ощущать горячій запахъ ихъ хищнаго дыханія.

Такъ живописалъ царя Соломона Іосафатъ, сынъ Ахилуда, историкъ его дней.

III.

«За то, что ты не просилъ себѣ долгой жизни, не просилъ себѣ богатства, не просилъ себѣ душъ враговъ, но просилъ мудрости, то вотъ я дѣлаю по слову твоему.

Вотъ я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ что подобнаго тебѣ не было прежде тебя, и послѣ тебя не возстанетъ подобный тебѣ».

Такъ сказалъ Соломону Богъ, и по слову Его позналь царь составленіе міра и дѣйствіе стихій, постигъ начало, конецъ и середину временъ, проникъ въ тайну вѣчнаго волнообразнаго и кругового возвращенія событій; у астрономовъ Библоса, Акры, Саргона, Борсиппы и Ниневіи научился онъ слѣдить за измѣненіемъ расположенія звѣздъ и за годовыми кругами. Зналъ онъ также естество всѣхъ животныхъ и угадывалъ чувства звѣрей, понималъ происхожденіе и направленіе вѣтровъ, различныя свойства растеній и силу цѣлебныхъ травъ.

Помыслы въ сердцѣ человѣческомъ—глубокая вода, но и ихъ умѣлъ вычерпывать мудрый царь. Въ словахъ и голосѣ, въ глазахъ, въ движеніяхъ рукъ, такъ же ясно читалъ онъ самыя сокровенныя тайны душъ, какъ буквы въ открытой книгѣ. И потому со всѣхъ концовъ Палестины приходило къ нему великое множество людей, прося суда, совѣта, помощи, разрѣшенія спора, а также и за разгадкою непонятныхъ предзнаменованій и сновъ. И дивились люди глубинѣ и тонкости отвѣтовъ Соломоновыхъ.

Три тысячи притчей сочинилъ Соломонъ и тысячу и пять пѣсней. Диктовалъ онъ ихъ двумъ искуснымъ и быстрымъ писцамъ, Елихоферу и Ахіи, сыновьямъ Сивы, и потомъ сличалъ написанное обоими. Всегда облекалъ онъ свои мысли изящными выраженіями, потому что золотому яблоку въ чашѣ изъ прозрачнаго сардоникса подобно слово, сказанное умѣло, и потому также, что слова мудрыхъ остры какъ иглы, крѣпки какъ вбитые гвозди, и составители ихъ всѣ отъ Единаго Пастыря. «Слово—искра въ движеніи сердца»,—такъ говорилъ царь. И была мудрость Соломона выше всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости египтянъ. Былъ онъ

мудрѣе и Еѳана Езрахитянина, и Емана, и Хилколы, и Додры, сыновей Махола. Но уже начиналъ онъ тяготиться красотою обыкновенной человѣческой мудрости, и не имѣла она въ глазахъ его прежней цѣны. Безпокойнымъ и пытливымъ умомъ жаждалъ онъ той высшей мудрости, которую Господь имѣлъ на своемъ пути прежде всѣхъ созданій своихъ, искони, отъ начала, прежде бытія земли, той мудрости, которая была при Немъ великой художницей, когда Онъ проводилъ круговую черту по лицу бездны. И не находилъ ея Соломонъ.

Изучилъ царь ученія маговъ халдейскихъ и ниневійскихъ, науку астрологовъ изъ Абидоса, Саиса и Мемфиса, тайны волхвовъ, мистагоговъ, и эпоптовъ ассирійскихъ, и прорицателей изъ Бактры и Персополя и убѣдился, что знанія ихъ были знаніями человѣческими.

Также искалъ онъ мудрости въ тайнодѣйствіяхъ древнихъ языческихъ вѣрованій, и потому посѣщалъ капища и приносилъ жертвы: могущественному Ваалу-Либанону, котораго чтили подъ именемъ Мелькарта, бога созиданія и разрушенія, покровителя мореплаванія, въ Тирѣ и Сидонѣ, называли Аммономъ въ оазисѣ Сизахъ, гдѣ идолъ его кивалъ головою, указывая пути праздничнымъ шествіямъ, Бэломъ у халдеевъ, Молохомъ у хананеевъ; поклонялся также женѣ его—грозной и сладострастной Астартѣ, имѣвшей въ другихъ храмахъ имена Иштаръ, Исааръ, Ваальтисъ, Ашера, Истаръ-Белитъ и Атаргатисъ. Изливалъ онъ елей и возжигалъ куреніе Изидѣ и Озирису египетскимъ, брату и сестрѣ, соединившимся бракомъ еще во чревѣ матери своей и зачавшихъ тамъ бога Гора, и Деркето, рыбообразной богинѣ тирской, и Аппубису съ собачьей головой, богу бальзамированія, и вавилонскому Оанну, и Дагону филистимскому, и Авденаго ассирійскому, и Утсабу, идолу ниневійскому, и мрачной Киббелѣ, и Белъ-Меродоху, покро-

вителю Вавилона—богу планеты Юпитеръ, и халдейскому Ору—богу вѣчнаго огня, и таинственной Оморогѣ, праматери боговъ, которую Бэлъ разсѣкъ на двѣ части, создавъ изъ нихъ небо и землю, а изъ головы—людей; и поклонялся царь еще богинѣ Атанаисъ, въ честь которой дѣвушки Финикіи, Лидіи, Арменіи и Персіи отдавали прохожимъ свое тѣло, какъ священную жертву, на порогѣ храмовъ.

Но ничего не находилъ царь въ обрядахъ языческихъ, кромѣ пьянства, ночныхъ оргій, блуда, кровосмѣшенія и противоестественныхъ страстей, и въ догматахъ ихъ видѣлъ суесловіе и обманъ. Но никому изъ подданныхъ не воспрещалъ онъ приношеніе жертвъ любимому богу, и даже самъ построилъ на Масличной горѣ капище Хамосу, мерзости моавитской, по просьбѣ прекрасной, задумчивой Эллаанъ—моавитянки, бывшей тогда возлюбленной женою царя. Одного лишь не терпѣлъ Соломонъ и преслѣдовалъ смертью—жертвоприношеніе дѣтей.

И увидѣлъ онъ въ своихъ исканіяхъ, что участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ одна: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одно дыханіе у всѣхъ, и нѣтъ у человѣка преимущества передъ скотомъ. И понялъ царь, что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ познаніе—умножаетъ скорбь. Узналъ онъ также, что и при смѣхѣ иногда болитъ сердце и концомъ радости бываетъ печаль. И однажды утромъ впервые продиктовалъ онъ Елихоферу и Ахіи:

— Все суета суетъ и томленіе духа,—такъ говоритъ Екклезіастъ.

Но тогда не зналъ еще царь, что скоро пошлетъ ему Богъ такую нѣжную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожитъ и не боится смерти.

IV.

Виноградникъ былъ у царя въ Ваалъ-Гамонѣ, на южномъ склонѣ Ватнъ-Эль-Хава, къ западу отъ капища Молоха; туда любилъ царь уединяться въ часы великихъ размышленій. Гранатовыя деревья, оливы и дикія яблони, вперемежку съ кедрами и кипарисами, окаймляли его съ трехъ сторонъ по горѣ, съ четвертой же былъ онъ огражденъ отъ дороги высокой каменной стѣной. И другіе виноградники, лежавшіе вокругъ, также принадлежали Соломону; онъ отдавалъ ихъ въ наемъ сторожамъ за 1000 сребрениковъ каждый.

Только съ разсвѣтомъ окончился во дворцѣ роскошный пиръ, который давалъ царь Израильскій въ честь пословъ царя Ассирійскаго, славнаго Тиглатъ-Пилеазара. Несмотря на утомленіе, Соломонъ не могъ заснуть этимъ утромъ. Ни вино, ни сикера не отуманили крѣпкихъ ассирійскихъ головъ и не развязали ихъ хитрыхъ языковъ. Но проницательный умъ мудраго царя уже опередилъ ихъ планы и уже вязалъ въ свою очередь тонкую политическую сѣть, которою онъ оплететъ этихъ важныхъ людей съ надменными глазами и съ льстивой рѣчью. Соломонъ сумѣетъ сохранить необходимую пріязнь съ повелителемъ Ассиріи, и въ то же время, ради вѣчной дружбы съ Хирамомъ Тирскимъ, спасетъ отъ разграбленія его царство, которое своими неисчислимыми богатствами, скрытыми въ подвалахъ подъ узкими улицами съ тѣсными домами, давно уже привлекаетъ жадные взоры восточныхъ владыкъ.

И вотъ на зарѣ приказалъ Соломонъ отнести себя на гору Ватнъ-Эль-Хавъ, оставилъ носилки далеко на дорогѣ и теперь одинъ сидитъ на простой деревянной скамьѣ, наверху виноградника, подъ сѣнью деревьевъ, еще затаившихъ въ своихъ вѣтвяхъ росистую прохладу ночи. Простой бѣлый плащъ надѣтъ на царѣ, скрѣплен-

ный на правомъ плечѣ и на лѣвомъ боку двумя египетскими аграфами изъ зеленаго золота, въ формѣ свернувшихся крокодиловъ—символъ бога Себаха. Руки царя лежатъ неподвижно на колѣняхъ, а глаза, затѣненные глубокой мыслью, не мигая, устремлены на востокъ, въ сторону Мертваго моря,—туда, гдѣ изъ-за круглой вершины Аназе восходитъ въ пламени зари солнце.

Утренній вѣтеръ дуетъ съ востока и разноситъ ароматъ цвѣтущаго винограда,—тонкій ароматъ резеды и вареннаго вина. Темные кипарисы важно раскачиваютъ тонкими верхушками и льютъ свое смолистое дыханіе. Торопливо переговариваются серебряно-зеленые листы оливъ.

Но вотъ Соломонъ встаетъ и прислушивается. Милый женскій голосъ, ясный и чистый, какъ это росистое утро, поетъ гдѣ-то невдалекѣ, за деревьями. Простой и нѣжный мотивъ льется, льется себѣ, какъ звонкій ручей въ горахъ, повторяя все тѣ же пять-шесть нотъ. И его незатѣйливая, изящная прелесть вызываетъ тихую улыбку умиленія въ глазахъ царя.

Все ближе слышится голосъ. Вотъ онъ уже здѣсь, рядомъ, за раскидистыми кедрами, за темной зеленью можжевельника. Тогда царь осторожно раздвигаетъ руками вѣтви, тихо пробирается между колючими кустами и выходитъ на открытое мѣсто.

Передъ нимъ, за низкой стѣной, грубо сложенной изъ большихъ желтыхъ камней, разстилается вверхъ виноградникъ. Дѣвушка въ легкомъ голубомъ платьѣ ходитъ между рядами лозъ, нагибается надъ чѣмъ-то внизу и опять выпрямляется и поетъ. Рыжіе волосы ея горятъ на солнцѣ.

День дохнулъ прохладою,
Убѣгаютъ ночныя тѣни.
Возвращайся скорѣе, мой милый,
Будь легокъ какъ серна,
Какъ молодой олень среди горныхъ ущелій...

Такъ поетъ она, подвязывая виноградныя лозы, и медленно спускается внизъ, ближе и ближе къ каменной стѣнѣ, за которой стоитъ царь. Она одна—никто не видитъ и не слышитъ ея; запахъ цвѣтущаго винограда, радостная свѣжесть утра и горячая кровь въ сердцѣ опьяняютъ ее, и вотъ слова наивной пѣсенки мгновенно рождаются у нея на устахъ и уносятся вѣтромъ, забытыя навсегда:

Ловите намъ лисъ и лисенятъ,
Они портятъ наши виноградники,
А виноградники наши въ цвѣтѣ.

Такъ она доходитъ до самой стѣны и, не замѣчая царя, поворачиваетъ назадъ и идетъ, легко взбираясь въ гору, вдоль сосѣдняго ряда лозъ. Теперь пѣсня звучитъ глуше:

Бѣги, возлюбленный мой,
Будь подобенъ сернѣ
Или молодому оленю
На горахъ бальзамическихъ.

Но вдругъ она замолкаетъ и такъ пригибается къ землѣ, что ея не видно за виноградникомъ.

Тогда Соломонъ произноситъ голосомъ, ласкающимъ ухо:

— Дѣвушка, покажи мнѣ лицо твое, дай еще услышать твой голосъ.

Она быстро выпрямляется и оборачивается лицомъ къ царю. Сильный вѣтеръ срывается въ эту секунду и треплетъ на ней легкое платье и вдругъ плотно облѣпляетъ его вокругъ ея тѣла и между ногъ. И царь, на мгновенье, пока она не становится спиною къ вѣтру, видитъ всю ее подъ одеждой, какъ нагую, высокую и стройную, въ сильномъ расцвѣтѣ тринадцати лѣтъ; видитъ ея маленькія, круглыя, крѣпкія груди и возвышенія сосцовъ, отъ которыхъ матерія лучами расходится врозь,

и круглый, какъ чаша, дѣвическій животъ, и глубокую линію, которая раздѣляетъ ея ноги снизу до верху и тамъ расходится надвое, къ выпуклымъ бедрамъ.

— Потому, что голосъ твой сладокъ и лицо твое пріятно!—говоритъ Соломонъ.

Она подходитъ ближе и смотритъ на царя съ трепетомъ и съ восхищеніемъ. Невыразимо прекрасно ея смуглое и яркое лицо. Тяжелые, густые темно-рыжіе волосы, въ которые она воткнула два цвѣтка алаго мака, упругими безчисленными кудрями покрываютъ ея плечи и разбѣгаются по спинѣ и пламенѣютъ, пронзенные лучами солнца, какъ золотой пурпуръ. Самодѣльное ожерелье изъ какихъ-то красныхъ сухихъ ягодъ трогательно и невинно обвиваетъ въ два раза ея темную высокую тонкую шею.

— Я не замѣтила тебя!—говоритъ она нѣжно, и голосъ ея звучитъ какъ пѣніе флейты.— Откуда ты пришелъ?

— Ты такъ хорошо пѣла, дѣвушка!

Она стыдливо опускаетъ глаза и сама краснѣетъ, но подъ ея длинными рѣсницами и въ углахъ губъ дрожитъ тайная улыбка.

— Ты пѣла о своемъ миломъ. Онъ легокъ, какъ серна, какъ молодой горный олень. Вѣдь онъ очень красивъ, твой милый, дѣвушка, не правда ли?

Она смѣется такъ звонко и музыкально, точно серебряный градъ падаетъ на золотое блюдо.

— У меня нѣтъ милаго. Это только пѣсня. У меня еще не было милаго...

Они молчатъ съ минуту и глубоко, безъ улыбки, смотрятъ другъ на друга... Птицы громко перекликаются среди деревьевъ. Грудь дѣвушки часто колеблется подъ ветхимъ полотномъ.

— Я не вѣрю тебѣ, красавица. Ты такъ прекрасна...

— Ты смѣешься надо мною. Посмотри, какая я черная...

Она поднимаетъ кверху маленькія темныя руки, и широкіе рукава легко скользятъ внизъ, къ плечамъ, обнажая ея локти, у которыхъ такой тонкій и круглый дѣвическій рисунокъ.

И она говоритъ жалобно:

— Братья мои разсердились на меня и поставили меня стеречь виноградникъ, и вотъ—погляди, какъ опалило меня солнце!

— О, нѣтъ, солнце сдѣлало тебя еще красивѣе, прекраснѣйшая изъ женщинъ! Вотъ ты засмѣялась, и зубы твои — какъ бѣлые двойни-ягнята, вышедшіе изъ купальни, и ни на одномъ изъ нихъ нѣтъ порока. Щеки твои—точно половинки граната подъ кудрями твоими. Губы твои алы—наслажденіе смотрѣть на нихъ. А волосы твои... Знаешь, на что похожи твои волосы? Видала ли ты, какъ съ Галаада вечеромъ спускается овечье стадо? Оно покрываетъ всю гору, съ вершины до подножья, и отъ свѣта зари и отъ пыли кажется такимъ же краснымъ и такимъ же волнистымъ, какъ твои кудри. Глаза твои глубоки, какъ два озера Есевонскихъ у воротъ Баграббима. О, какъ ты красива! Шея твоя прямa и стройна, какъ башня Давидова!..

— Какъ башня Давидова! — повторяетъ она въ упоеніи.

— Да, да, прекраснѣйшая изъ женщинъ. Тысяча щитовъ виситъ на башнѣ Давида, и все это щиты побѣжденныхъ военачальниковъ. Вотъ и мой щитъ вѣшаю я на твою башню...

— О, говори, говори еще...

— А когда ты обернулась назадъ, на мой зовъ, и подулъ вѣтеръ, то я увидѣлъ подъ одеждой оба сосца твои и подумалъ: вотъ двѣ маленькія серны, которыя пасутся между лиліями. Станъ твой былъ похожъ на пальму и груди твои на грозди виноградные.

Дѣвушка слабо вскрикиваетъ, закрываетъ лицо ладо-

нями, а грудь локтями и такъ краснѣетъ, что даже уши и шея становятся у нея пурпуровыми.

— И бедра твои я увидѣлъ. Они стройны, какъ драгоцѣнная ваза—издѣліе искуснаго художника. Отними же твои руки, дѣвушка. Покажи мнѣ лицо твое.

Она покорно опускаетъ руки внизъ. Густое золотое сіяніе льется изъ глазъ Соломона и очаровываетъ ее, и кружитъ ей голову, и сладкой, теплой дрожью струится по кожѣ ея тѣла.

— Скажи мнѣ, кто ты?—говоритъ она медленно, съ недоумѣніемъ.—Я никогда не видѣла подобнаго тебѣ.

— Я пастухъ, моя красавица. Я пасу чудесныя стада бѣлыхъ ягнятъ на горахъ, гдѣ зеленая трава пестрѣетъ нарциссами. Не придешь ли ты ко мнѣ, на мое пастбище?

Но она тихо качаетъ головою:

— Неужели ты думаешь, что я повѣрю этому? Лицо твое не огрубѣло отъ вѣтра и не обожжено солнцемъ и руки твои бѣлы. На тебѣ дорогой хитонъ, и одна застежка на немъ стоитъ годовой платы, которую братья мои вносятъ за нашъ виноградникъ Адониираму, царскому сборщику. Ты пришелъ оттуда, изъ-за стѣны... Ты, вѣрно, одинъ изъ людей, близкихъ къ царю? Мнѣ кажется, что я видѣла тебя однажды въ день великаго празднества, мнѣ даже помнится—я бѣжала за твоей колесницей.

— Ты угадала, дѣвушка. Отъ тебя трудно скрыться. И правда, зачѣмъ тебѣ быть скиталицей около стадъ пастушескихъ? Да, я одинъ изъ царской свиты. Я главный поваръ царя. И ты видѣла меня, когда я ѣхалъ въ колесницѣ Аминодавовой въ день праздника Пасхи. Но зачѣмъ ты стоишь такъ далеко отъ меня? Подойди ближе, сестра моя! Сядь вотъ здѣсь на камнѣ стѣны и разскажи мнѣ что-нибудь о себѣ. Скажи мнѣ твое имя.

— Суламиѳь,—говоритъ она.

— За что же, Суламиѳь, разсердились на тебя твои братья?

— Мнѣ стыдно говорить объ этомъ. Они выручили деньги отъ продажи вина и послали меня въ городъ купить хлѣба и козьяго сыра. А я...

— А ты потеряла деньги?

— Нѣтъ, хуже...

Она низко склоняетъ голову и шепчетъ:

— Кромѣ хлѣба и сыра, я купила еще немножко, совсѣмъ немножко, розоваго масла у египтянъ въ старомъ городѣ.

— И ты скрыла это отъ братьевъ?

— Да...

И она произноситъ еле слышно:

— Розовое масло такъ хорошо пахнетъ!

Царь ласково гладитъ ея маленькую жесткую руку.

— Тебѣ, вѣрно, скучно одной въ виноградникѣ?

— Нѣтъ. Я работаю, пою... Въ полдень мнѣ приносятъ поѣсть, а вечеромъ меня смѣняетъ одинъ изъ братьевъ. Иногда я рою корни мандрагоры, похожіе на маленькихъ человѣчковъ... У насъ ихъ покупаютъ халдейскіе купцы. Говорятъ, они дѣлаютъ изъ нихъ сонный напитокъ... Скажи, правда ли, что ягоды мандрагоры помогаютъ въ любви?

— Нѣтъ, Суламиѳь, въ любви помогаетъ только любовь. Скажи, у тебя есть отецъ или мать?

— Одна мать. Отецъ умеръ два года тому назадъ. Братья—всѣ старше меня—они отъ перваго брака, а отъ второго только я и сестра.

— Твоя сестра такъ же красива, какъ и ты?

— Она еще мала. Ей только девять лѣтъ.

Царь смѣется, тихо обнимаетъ Суламиѳь, привлекаетъ ее къ себѣ и говоритъ ей на ухо:

— Девять лѣтъ... Значитъ, у нея еще нѣтъ такой груди, какъ у тебя? Такой гордой, такой горячей груди!

Она молчитъ, горя отъ стыда и счастья. Глаза ея свѣтятся и меркнутъ, они туманятся блаженной улыбкой. Царь слышитъ въ своей рукѣ бурное біеніе ея сердца.

— Теплота твоей одежды благоухаетъ лучше чѣмъ мирра, лучше чѣмъ нардъ,—говоритъ онъ, жарко касаясь губами ея уха.—И когда ты дышишь, я слышу запахъ отъ ноздрей твоихъ какъ отъ яблоковъ. Сестра моя, возлюбленная моя, ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ твоихъ очей, однимъ ожерельемъ на твоей шеѣ.

— О, не гляди на меня!—проситъ Суламиѳь.—Глаза твои волнуютъ меня.

Но она сама изгибаетъ назадъ спину и кладетъ голову на грудь Соломона. Губы ея рдѣютъ надъ блестящими зубами, вѣки дрожатъ отъ мучительнаго желанія. Соломонъ приникаетъ жадно устами къ ея зовущему рту. Онъ чувствуетъ пламень ея губъ и скользкость ея зубовъ, и сладкую влажность ея языка и весь горитъ такимъ нестерпимымъ желаніемъ, какого онъ еще никогда не зналъ въ жизни.

Такъ проходитъ минута и двѣ.

— Что ты дѣлаешь со мною!—слабо говоритъ Суламиѳь, закрывая глаза.—Что ты дѣлаешь со мной!

Но Соломонъ шепчетъ около самаго ея рта:

— Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста, медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ... О, иди скорѣе ко мнѣ. Здѣсь за стѣной темно и прохладно. Никто не увидитъ насъ. Здѣсь мягкая зелень подъ кедрами.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня. Я не хочу, не могу.

— Суламиѳь... ты хочешь, ты хочешь... Сестра моя, возлюбленная моя, иди ко мнѣ!

Чьи-то шаги раздаются внизу по дорогѣ, у стѣны царскаго виноградника, но Соломонъ удерживаетъ за руку испуганную дѣвушку.

— Скажи мнѣ скорѣе, гдѣ ты живешь? Сегодня ночью я приду къ тебѣ,—говоритъ онъ быстро.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Я не скажу тебѣ этого. Пусти меня. Я не скажу тебѣ.

— Я не пущу тебя, Суламиѳь, пока ты не скажешь... Я хочу тебя!

— Хорошо, я скажу... Но сначала обѣщай мнѣ не приходить этой ночью... Также не приходи и въ слѣдующую ночь... и въ слѣдующую за той... Царь мой! Заклинаю тебя сернами и полевыми ланями, не тревожь свою возлюбленную, пока она не захочетъ!

— Да, я обѣщаю тебѣ это... Гдѣ же твой домъ, Суламиѳь?

— Если, по пути въ городъ, ты перейдешь черезъ Кедронъ, по мосту выше Силоама, ты увидишь нашъ домъ около источника. Тамъ нѣтъ другихъ домовъ.

— А гдѣ же тамъ твое окно, Суламиѳь?

— Зачѣмъ тебѣ это знать, милый? О, не гляди же на меня такъ. Взглядъ твой околдовываетъ меня... Не цѣлуй меня... Не цѣлуй меня... Милый! Цѣлуй меня еще...

— Гдѣ же твое окно, единственная моя?

— Окно на южной сторонѣ. Ахъ, я не должна тебѣ этого говорить... Маленькое, высокое окно съ рѣшеткой.

— И рѣшетка отворяется изнутри?

— Нѣтъ, это глухое окно. Но за угломъ есть дверь. Она прямо ведетъ въ комнату, гдѣ я сплю съ сестрою. Но вѣдь ты обѣщалъ мнѣ!.. Сестра моя спитъ чутко. О, какъ ты прекрасенъ, мой возлюбленный. Ты вѣдь обѣщалъ, не правда ли?

Соломонъ тихо гладитъ ея волосы и щеки.

— Я приду къ тебѣ этой ночью,—говоритъ онъ настойчиво.—Въ полночь я приду. Это такъ будетъ, такъ будетъ. Я хочу этого.

— Милый!

— Нѣтъ. Ты будешь ждать меня. Только не бойся и вѣрь мнѣ. Я не причиню тебѣ горя. Я дамъ тебѣ такую радость, рядомъ съ которой все на землѣ ничтожно. Теперь прощай. Я слышу, что за мной идутъ.

— Прощай, возлюбленный мой... О, нѣтъ, не уходи еще. Скажи мнѣ твое имя, я не знаю его.

Онъ на мгновеніе, точно нерѣшительно, опускаетъ рѣсницы, но тотчасъ же поднимаетъ ихъ.

— У меня одно имя съ царемъ. Меня зовутъ Соломономъ. Прощай. Я люблю тебя.

V.

Свѣтелъ и радостенъ былъ Соломонъ въ этотъ день, когда сидѣлъ онъ на тронѣ въ залѣ дома Ливанскаго и творилъ судъ надъ людьми, приходившими къ нему.

Сорокъ колоннъ, по четыре въ рядъ, поддерживали потолокъ судилища, и всѣ онѣ были обложены кедромъ и оканчивались капителями въ видѣ лилій; полъ состоялъ изъ штучныхъ кипарисовыхъ досокъ, и на стѣнахъ нигдѣ не было видно камня изъ-за кедровой отдѣлки, украшенной золотой рѣзьбой, представлявшей пальмы, ананасы и херувимовъ. Въ глубинѣ трехсвѣтнаго зала шесть ступеней вели къ возвышенію трона, и на каждой ступени стояло по два бронзовыхъ золоченыхъ льва, по одному съ каждой стороны. Самый же тронъ былъ изъ слоновой кости съ золотой инкрустаціей и золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ. Высокая спинка трона завершалась золотымъ дискомъ. Завѣсы изъ фіолетовыхъ и пурпурныхъ тканей висѣли отъ пола до потолка при входѣ въ залъ, отдѣляя притворъ, гдѣ между пяти колоннъ толпились истцы, просители и свидѣтели, а также обвиняемые и преступники подъ крѣпкой стражей.

На царѣ былъ надѣтъ красный хитонъ, а на головѣ

простой узкій вѣнецъ изъ 60 берилловъ, оправленныхъ въ золото. По правую руку стоялъ тронъ для матери его, Вирсавіи, но въ послѣднее время, благодаря преклоннымъ лѣтамъ, она рѣдко показывалась въ городѣ.

Ассирійскіе гости, съ суровыми, чернобородыми лицами, сидѣли вдоль стѣнъ на яшмовыхъ скамьяхъ; на нихъ были свѣтлыя оливковыя одежды, вышитыя по краямъ красными и бѣлыми узорами. Они еще у себя въ Ассиріи слышали такъ много о правосудіи Соломона, что старались не пропустить ни одного изъ его словъ, чтобы потомъ разсказывать о судѣ царя израильтянъ. Между ними сидѣли военачальники Соломоновы, его министры, начальники провинцій и придворные. Здѣсь былъ Ванея,—нѣкогда царскій палачъ, убійца Іоава, Адонія и Семея,—теперь главный начальникъ войска, невысокій, тучный старецъ съ рѣдкой длинной сѣдой бородой; его выцвѣтшіе голубоватые глаза, окруженные красными, точно вывороченными, вѣками, глядѣли по-старчески тупо; ротъ былъ открытъ и мокръ, а мясистая красная нижняя губа безсильно свисала внизъ; голова его была всегда потуплена и слегка дрожала. Былъ также Азарія, сынъ Наѳановъ, желчный, высокій человѣкъ, съ сухимъ, болѣзненнымъ лицомъ и темными кругами подъ глазами, и добродушный, разсѣянный Іосафатъ, исторіографъ, и Ахеларъ, начальникъ двора Соломонова, и Завуѳъ, носившій высокій титулъ друга царя, и Бенъ-Авинодавъ, женатый на старшей дочери Соломона — Таѳафіи, и Бенъ-Геверъ, начальникъ области Арговіи, что въ Васанѣ; подъ его управленіемъ находилось шестьдесятъ городовъ, окруженныхъ стѣнами, съ воротами на мѣдныхъ затворахъ; и Ваана, сынъ Хушая, нѣкогда славившійся искусствомъ метать копье на разстояніи тридцати парасанговъ, и многіе другіе. Шестьдесятъ воиновъ, блестя золочеными шлемами и щитами, стояло въ рядъ по лѣвую и

по правую сторону трона; старшимъ надъ ними сегодня былъ чернокудрый красавецъ Эліавъ, сынъ Ахилуда.

Первымъ предсталъ передъ Соломономъ со своей жалобой нѣкто Ахіоръ, ремесломъ гранильщикъ. Работая въ Белѣ Финикійскомъ, онъ нашелъ драгоцѣнный камень, обдѣлалъ его и попросилъ своего друга Захарію, отправлявшагося въ Іерусалимъ, отдать этотъ камень его, Ахіоровой, женѣ. Черезъ нѣкоторое время возвратился домой и Ахіоръ. Первое, о чемъ онъ спросилъ свою жену, увидѣвшись съ нею,—это о камнѣ. Но она очень удивилась вопросу мужа и сказала, и клятвенно подтвердила, что никакого камня она не получала. Тогда Ахіоръ отправился за разъясненіемъ къ своему другу Захарію; но тотъ увѣрялъ, и тоже съ клятвою, что онъ тотчасъ же по пріѣздѣ передалъ камень по назначенію. Онъ даже привелъ двухъ свидѣтелей, подтверждавшихъ, что они видѣли, какъ Захарія при нихъ передавалъ камень женѣ Ахіора.

И вотъ теперь всѣ четверо—Ахіоръ, Захарія и двое свидѣтелей—стояли передъ трономъ царя Израильскаго.

Соломонъ поглядѣлъ каждому изъ нихъ въ глаза поочередно и сказалъ стражѣ:

— Отведите всѣхъ ихъ въ отдѣльные покои и заприте каждаго отдѣльно.

И когда это было исполнено, онъ приказалъ принести четыре куска сырой глины

— Пусть каждый изъ нихъ,—повелѣлъ царь,—вылѣпитъ изъ глины ту форму, которую имѣлъ камень.

Черезъ нѣкоторое время слѣпки были готовы. Но одинъ изъ свидѣтелей сдѣлалъ свой слѣпокъ въ видѣ лошадиной головы, какъ обычно обдѣлывались драгоцѣнные камни; другой—въ видѣ овечьей головы, и только у двоихъ—у Ахіора и Захаріи слѣпки были одинаковы, похожіе формой на женскую грудь.

И царь сказалъ:

— Теперь и для слѣпого ясно, что свидѣтели подкуплены Захаріей. Итакъ, пусть Захарія возвратитъ камень Ахіору, и вмѣстѣ съ нимъ уплатитъ ему тридцать гражданскихъ сиклей судебныхъ издержекъ и отдастъ десять сиклей священныхъ на храмъ. Свидѣтели же, обличившіе сами себя, пусть заплатятъ по пяти сиклей въ казну за ложное показаніе.

Затѣмъ приблизились къ трону Соломонову три брата, судившіеся о наслѣдствѣ. Отецъ ихъ передъ смертью сказалъ имъ: «Чтобы вы не ссорились при дѣлежѣ, я самъ раздѣлю васъ по справедливости. Когда я умру, идите на холмъ, что въ срединѣ рощи за домомъ, и разройте его. Тамъ найдете вы ящикъ съ тремя отдѣленіями: знайте, что верхнее для старшаго, среднее—для средняго, нижнее—для меньшого изъ братьевъ». И когда, послѣ его смерти, они пошли и сдѣлали, какъ онъ завѣщалъ, то нашли, что верхнее отдѣленіе было наполнено доверху золотыми монетами, между тѣмъ, какъ въ среднемъ лежали только простыя кости, а въ нижнемъ куски дерева. И вотъ возникла между меньшими братьями зависть къ старшему и вражда, и жизнь ихъ сдѣлалась подъ конецъ такой невыносимой, что рѣшили они обратиться къ царю за совѣтомъ и судомъ. Даже и здѣсь, стоя передъ трономъ, не воздержались они отъ взаимныхъ упрековъ и обидъ.

Царь покачалъ головой, выслушавъ ихъ, и сказалъ:

— Оставьте ссоры; тяжелъ камень, вѣсокъ и песокъ, но гнѣвъ глупца тяжелѣе ихъ обоихъ. Отецъ вашъ былъ, очевидно, мудрый и справедливый человѣкъ, и свою волю онъ высказалъ въ своемъ завѣщаніи такъ же ясно, какъ будто бы это совершилось при сотнѣ свидѣтелей. Неужели сразу не догадались вы, несчастные крикуны, что старшему брату онъ оставилъ всѣ деньги, средне-

му—весь скотъ и всѣхъ рабовъ, а младшему—домъ и пашню. Идите же съ миромъ и не враждуйте больше.

И трое братьевъ—недавніе враги—съ просіявшими лицами поклонились царю въ ноги и вышли изъ судилища рука объ руку.

И еще рѣшилъ царь другое дѣло о наслѣдствѣ, начатое три дня тому назадъ. Одинъ человѣкъ, умирая, сказалъ, что онъ оставляетъ все свое имущество достойнѣйшему изъ двухъ его сыновей. Но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не соглашался признать себя худшимъ, то и обратились они къ царю.

Соломонъ спросилъ ихъ, кто они по дѣламъ своимъ и, услышавъ въ отвѣтъ, что оба они охотники-лучники, сказалъ:

— Возвращайтесь домой. Я прикажу поставить у дерева трупъ вашего отца. Посмотримъ, сначала, кто изъ васъ мѣтче попадетъ ему стрѣлой въ грудь, а потомъ рѣшимъ ваше дѣло.

Теперь оба брата возвратились назадъ въ сопровожденіи человѣка, посланнаго царемъ съ ними для присмотра. Его и разспрашивалъ Соломонъ о состязаніи.

— Я исполнилъ все, что ты приказалъ, царь,—сказалъ этотъ человѣкъ.—Я поставилъ трупъ старика у дерева и далъ каждому изъ братьевъ ихъ луки и стрѣлы. Старшій стрѣлялъ первымъ. На разстояніи ста двадцати локтей онъ попалъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ бьется у живого человѣка сердце.

— Прекрасный выстрѣлъ,—сказалъ Соломонъ.—А младшій?

— Младшій... Прости меня, царь, я не могъ настоять на томъ, чтобы твое повелѣніе было исполнено въ точности... Младшій натянулъ тетиву и положилъ уже на нее стрѣлу, но вдругъ опустилъ лукъ къ ногамъ, повернулся и сказалъ, заплакавъ: «Нѣтъ, я не могу сдѣлать этого... Не буду стрѣлять въ трупъ моего отца».

— Такъ пусть ему и принадлежитъ имѣніе его отца,—рѣшилъ царь.—Онъ оказался достойнѣйшимъ сыномъ. Старшій же, если хочетъ, можетъ поступить въ число моихъ тѣлохранителей. Мнѣ нужны такіе сильные и жадные люди, съ мѣткою рукою, вѣрнымъ взглядомъ и съ сердцемъ, обросшимъ шерстью.

Затѣмъ предстали предъ царемъ три человѣка. Ведя общее торговое дѣло, нажили они много денегъ. И вотъ когда пришла имъ пора ѣхать въ Іерусалимъ, то зашили они золото въ кожаный поясъ и пустились въ путь. Дорогою заночевали они въ лѣсу, а поясъ для сохранности зарыли въ землю. Когда же они проснулись на утро, то не нашли пояса въ томъ мѣстѣ, куда его положили.

Каждый изъ нихъ обвинялъ другого въ тайномъ похищеніи, и такъ какъ всѣ трое казались людьми очень хитрыми и тонкими въ рѣчахъ, то сказалъ имъ царь:

— Прежде, чѣмъ я рѣшу ваше дѣло, выслушайте то, что я разскажу вамъ. Одна красивая дѣвица обѣщала своему возлюбленному, отправлявшемуся въ путешествіе, ждать его возвращенія и никому не отдавать своего дѣвства, кромѣ него. Но уѣхавъ, онъ въ непродолжительномъ времени женился въ чужомъ городѣ на другой дѣвушкѣ, и она узнала объ этомъ. Между тѣмъ къ ней посватался богатый и добросердечный юноша изъ ея города, другъ ея дѣтства. Понуждаемая родителями, она не рѣшилась отъ стыда и страха сказать ему о своемъ обѣщаніи и вышла за него замужъ. Когда же по окончаніи брачнаго пира онъ повелъ ее въ спальню и хотѣлъ лечь съ нею, она стала умолять его: «Позволь мнѣ сходить въ тотъ городъ, гдѣ живетъ прежній мой возлюбленный. Пусть онъ сниметъ съ меня клятву, тогда я возвращусь къ тебѣ и сдѣлаю все, что ты хочешь!» И такъ какъ юноша очень любилъ ее, то согласился онъ на ея просьбу, отпустилъ ее, и она пошла.

Дорогой напалъ на нее разбойникъ, ограбилъ ее и уже хотѣлъ ее изнасиловать. Но дѣвица упала передъ нимъ на колѣни и въ слезахъ молила пощадить ея цѣломудріе, и разсказала она разбойнику все, что произошло съ ней и зачѣмъ идетъ она въ чужой городъ. И разбойникъ, выслушавъ ее, такъ удивился ея вѣрности слову и такъ тронулся добротой ея жениха, что не только отпустилъ дѣвушку съ миромъ, но и возвратилъ ей отнятыя драгоцѣнности. Теперь спрашиваю я васъ, кто изъ всѣхъ трехъ поступилъ лучше предъ лицомъ Бога— дѣвица, женихъ или разбойникъ?

И одинъ изъ судившихся сказалъ, что дѣвица болѣе всѣхъ достойна похвалы за свою твердость въ клятвѣ. Другой удивлялся великой любви ея жениха; третій же находилъ самымъ великодушнымъ поступокъ разбойника.

И сказалъ царь послѣднему:

— Значитъ ты и укралъ поясъ съ общимъ золотомъ, потому что по своей природѣ ты жаденъ и желаешь чужого.

Человѣкъ же этотъ, передавъ свой дорожный посохъ одному изъ товарищей, сказалъ, поднявъ руки кверху, какъ бы для клятвы:

— Свидѣтельствую передъ Іеговой, что золото не у меня, а у него!

Царь улыбнулся и приказалъ одному изъ своихъ воиновъ:

— Возьми жезлъ этого человѣка и разломи его пополамъ.

И когда воинъ исполнилъ повелѣніе Соломона, то посыпались на полъ золотыя монеты, потому что онѣ были спрятаны внутри выдолбленной палки; воръ же, пораженный мудростью царя, упалъ ницъ передъ его трономъ и признался въ своемъ преступленіи.

Также пришла въ домъ Ливанскій женщина, бѣдная вдова каменщика, и сказала:

— Я прошу правосудія, царь! На послѣдніе два динарія, которые у меня оставались, я купила муки, насыпала ее вотъ въ эту большую глиняную чашу и понесла домой. Но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и развѣялъ мою муку. О, мудрый царь, кто возвратитъ мнѣ этотъ убытокъ! Мнѣ теперь нечѣмъ накормить моихъ дѣтей.

— Когда это было?—спросилъ царь.

— Это случилось сегодня утромъ, на зарѣ.

И вотъ Соломонъ приказалъ позвать нѣсколькихъ богатыхъ купцовъ, корабли которыхъ должны были въ этотъ день отправляться съ товарами въ Финикію черезъ Іаффу. И когда они явились, встревоженные, въ залъ судилища, царь спросилъ ихъ:

— Молили ли вы Бога или боговъ о попутномъ вѣтрѣ для вашихъ кораблей?

И они отвѣтили:

— Да, царь! Это такъ. И Богу были угодны наши жертвы, потому что онъ послалъ намъ добрый вѣтеръ.

— Я радуюсь за васъ,—сказалъ Соломонъ.—Но тотъ же вѣтеръ развѣялъ у бѣдной женщины муку, которую она несла въ чашѣ. Не находите ли вы справедливымъ, что вамъ нужно вознаградить ее?

И они, обрадованные тѣмъ, что только за этимъ призывалъ ихъ царь, тотчасъ же набросали женщинѣ полную чашу мелкой и крупной серебряной монеты. Когда же она со слезами стала благодарить царя, онъ ясно улыбнулся и сказалъ:

— Подожди, это еще не все. Сегодняшній утренній вѣтеръ далъ и мнѣ радость, которой я не ожидалъ. Итакъ, къ дарамъ этихъ купцовъ я прибавлю и свой царскій даръ.

И онъ повелѣлъ Адонириму, казначею, положить сверхъ денегъ купцовъ столько золотыхъ монетъ, чтобы вовсе не было видно подъ ними серебра.

Никого не хотѣлъ Соломонъ видѣть въ этотъ день несчастнымъ. Онъ роздалъ столько наградъ, пенсій и подарковъ, сколько не раздавалъ иногда въ цѣлый годъ, и простилъ онъ Ахимааса, правителя земли Неофалимовой, на котораго прежде пылалъ гнѣвомъ за беззаконные поборы, и сложилъ вины многимъ, преступившимъ законъ, и не оставилъ онъ безъ вниманія просьбъ своихъ подданныхъ, кромѣ одной.

Когда выходилъ царь изъ дома Ливанскаго малыми южными дверями, сталъ на его пути нѣкто въ желтой кожаной одеждѣ, приземистый, широкоплечій человѣкъ съ темнокраснымъ сумрачнымъ лицомъ, съ черною густою бородою, съ воловьей шеей и съ суровымъ взглядомъ изъ-подъ косматыхъ черныхъ бровей. Это былъ главный жрецъ капища Молоха. Онъ произнесъ только одно слово умоляющимъ голосомъ:

— Царь!..

Въ бронзовомъ чревѣ его бога было семь отдѣленій: одно для муки, другое для голубей, третье для овецъ, четвертое для барановъ, пятое для телятъ, шестое для быковъ, седьмое же, предназначенное для живыхъ младенцевъ, приносимыхъ ихъ матерями, давно пустовало по запрещенію царя.

Соломонъ прошелъ молча мимо жреца, но тотъ протянулъ вслѣдъ ему руки и воскликнулъ съ мольбой:

— Царь! Заклинаю тебя твоей радостью!.. Царь, окажи мнѣ эту милость, и я открою тебѣ, какой опасности подвергается твоя жизнь.

Соломонъ не отвѣтилъ, и жрецъ, сжавъ кулаки сильныхъ рукъ, проводилъ его до выхода яростнымъ взглядомъ.

VI.

Вечеромъ пошла Суламиѳь въ старый городъ, туда, гдѣ длинными рядами тянулись лавки мѣнялъ, ростовщиковъ и торговцевъ благовонными снадобьями. Тамъ продала она ювелиру за три драхмы и одинъ динарій свою единственную драгоцѣнность—праздничныя серьги, серебряныя, кольцами, съ золотой звѣздочкой каждая.

Потомъ она зашла къ продавцу благовоній. Въ глубокой, темной каменной нишѣ, среди банокъ съ сѣрой аравійской амброй, пакетовъ съ ливанскимъ ладаномъ, пучковъ ароматическихъ травъ и склянокъ съ маслами—сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и щуря лѣнивые глаза, неподвижный, самъ весь благоухающій, старый, жирный, сморщенный скопецъ-египтянинъ. Онъ осторожно отсчиталъ изъ финикійской склянки въ маленькій глиняный флакончикъ ровно столько капель мирры, сколько было динаріевъ во всѣхъ деньгахъ Суламиѳи, и, когда онъ окончилъ это дѣло, то сказалъ, подбирая пробкой остатокъ масла вокругъ горлышка и лукаво смѣясь:

— Смуглая дѣвушка, прекрасная дѣвушка! Когда сегодня твой милый поцѣлуетъ тебя между грудей и скажетъ: «Какъ хорошо пахнетъ твое тѣло, о, моя возлюбленная!»—ты вспомни обо мнѣ въ этотъ мигъ. Я перелилъ тебѣ три лишнія капли.

И вотъ, когда наступила ночь и луна поднялась надъ Силоамомъ, перемѣшавъ синюю бѣлизну его домовъ съ черной синевой тѣней и съ матовой зеленью деревьевъ, встала Суламиѳь съ своего бѣднаго ложа изъ козьей шерсти и прислушалась. Все было тихо въ домѣ. Сестра ровно дышала у стѣны, на полу. Только снаружи, въ придорожныхъ кустахъ, сухо и страстно кричали цикады, а кровь толчками шумѣла въ ушахъ. Рѣшетка окна, вырисованная лунным сіяніемъ, четко и косо лежала на полу.

Дрожа отъ робости, ожиданья и счастья, разстегнула Суламиѳь свои одежды, опустила ихъ внизъ къ ногамъ и, перешагнувъ черезъ нихъ, осталась среди комнаты нагая, лицомъ къ окну, освѣщенная луною черезъ переплетъ рѣшетки. Она налила густую благовонную мирру себѣ на плечи, на грудь, на животъ, и, боясь потерять хоть одну драгоцѣнную каплю, стала быстро растирать масло по ногамъ, подъ мышками и вокругъ шеи. И гладкое, скользящее прикосновеніе ея ладоней и локтей къ тѣлу заставляло ее вздрагивать отъ сладкаго предчувствія. И улыбаясь и дрожа, глядѣла она въ окно, гдѣ за рѣшеткой виднѣлись два тополя, темные съ одной стороны, осеребренные съ другой, и шептала про себя:

— Это для тебя, мой милый, это для тебя, возлюбленный мой. Милый мой лучше десяти тысячъ другихъ, голова его—чистое золото, волосы его волнистые, черные какъ воронъ. Уста его сладость и весь онъ—желаніе. Вотъ кто возлюбленный мой, вотъ кто братъ мой, дочери Іерусалимскія!..

И вотъ, благоухающая миррой, легла она на свое ложе. Лицо ея обращено къ окну; руки она, какъ дитя, зажала между колѣнями, сердце ея громко бьется въ комнатѣ. Проходитъ много времени. Почти не закрывая глазъ, она погружается въ дремоту, но сердце ея бодрствуетъ. Ей грезится, что милый лежитъ съ ней рядомъ. Правая рука его у нея подъ головой, лѣвой онъ обнимаетъ ее. Въ радостномъ испугѣ сбрасываетъ она съ себя дремоту, ищетъ возлюбленнаго около себя на ложѣ, но не находитъ никого. Лунный узоръ на полу передвинулся ближе къ стѣнѣ, укоротился и сталъ косѣе. Кричатъ цикады, монотонно лепечетъ Кедронскій ручей, слышно, какъ въ городѣ заунывно поетъ ночной сторожъ.

«Что, если онъ не придетъ сегодня», думаетъ Суламиѳь, «я просила его, и вдругъ онъ послушался меня?.. Заклинаю васъ, дочери Іерусалимскія, серпами и поле-

выми лиліями: не будите любви, доколѣ она не придетъ... Но вотъ любовь посѣтила меня. Приди скорѣй, мой возлюбленный! Невѣста ждетъ тебя. Будь быстръ какъ молодой олень въ горахъ бальзамическихъ».

Песокъ захрустѣлъ на дворѣ подъ легкими шагами. И души не стало въ дѣвушкѣ. Осторожная рука стучитъ въ окно. Темное лицо мелькаетъ за рѣшеткой. Слышится тихій голосъ милаго:

— Отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! Голова моя покрыта росой.

Но волшебное оцѣпенѣніе овладѣваетъ вдругъ тѣломъ Суламиѳи. Она хочетъ встать и не можетъ, хочетъ пошевельнуть рукою и не можетъ. И, не понимая, что съ нею дѣлается, она шепчетъ, глядя въ окно:

— Ахъ, кудри его полны ночною влагой! Но я скинула мой хитонъ. Какъ же мнѣ опять надѣть его.

— Встань, возлюбленная моя. Прекрасная моя, выйди. Близится утро, раскрываются цвѣты, виноградъ льетъ свое благоуханіе, время пѣнія настало, голосъ горлицы доносится съ горъ.

— Я вымыла ноги мои,—шепчетъ Суламиѳь,—какъ же мнѣ ступать ими на полъ.

Темная голова исчезаетъ изъ оконнаго переплета, звучные шаги обходятъ домъ, затихаютъ у двери. Милый осторожно просовываетъ руку сквозь дверную скважину. Слышно, какъ онъ ищетъ пальцами внутреннюю задвижку.

Тогда Суламиѳь встаетъ, крѣпко прижимаетъ ладони къ грудямъ и шепчетъ въ страхѣ:

— Сестра моя спитъ, я боюсь разбудить ее.

Она нерѣшительно обуваетъ сандаліи, надѣваетъ на голое тѣло легкій хитонъ, накидываетъ сверхъ него покрывало и открываетъ дверь, оставляя на ея замкѣ слѣды мирры. Но никого уже нѣтъ на дорогѣ, которая одиноко бѣлѣетъ среди темныхъ кустовъ въ сѣрой утрен.

ней мглѣ. Милый не дождался—ушелъ, даже шаговъ его не слышно. Луна уменьшилась и поблѣднѣла и стоитъ высоко. На востокѣ надъ волнами горъ холодно розовѣетъ небо передъ зарею. Вдали бѣлѣютъ стѣны и дома Іерусалимскіе.

— Возлюбленный мой! Царь жизни моей!—кричитъ Суламиѳь во влажную темноту.—Вотъ я здѣсь. Я жду тебя... Вернись!

Но никто не отзывается.

«Побѣгу же я по дорогѣ, догоню, догоню моего милаго», говоритъ про себя Суламиѳь. «Пойду по городу, по улицамъ, по площадямъ, буду искать того, кого любитъ душа моя. О, если бы ты былъ моимъ братомъ, сосавшимъ грудь матери моей! Я встрѣтила бы тебя на улицѣ и цѣловала бы тебя, и никто не осудилъ бы меня. Я взяла бы тебя за руку и привела бы въ домъ матери моей. Ты училъ бы меня, а я поила бы тебя сокомъ гранатовыхъ яблоковъ. Заклинаю васъ, дочери Іерусалимскія: если встрѣтите возлюбленнаго моего, скажите ему, что я уязвлена любовью».

Такъ говоритъ она самой себѣ и легкими послушными шагами бѣжитъ по дорогѣ къ городу. У Навозныхъ воротъ около стѣны сидятъ и дремлютъ въ утренней прохладѣ двое сторожей, обходившихъ ночью городъ. Они просыпаются и смотрятъ съ удивленіемъ на бѣгущую дѣвушку. Младшій изъ нихъ встаетъ и загораживаетъ ей дорогу распростертыми руками.

— Подожди, подожди, красавица!—восклицаетъ онъ со смѣхомъ.—Куда такъ скоро? Ты провела тайкомъ ночь въ постели у своего любезнаго и еще тепла отъ его объятій, а мы продрогли отъ ночной сырости. Будетъ справедливо, если ты немножко посидишь съ нами.

Старшій тоже поднимается и хочетъ обнять Суламиѳь. Онъ не смѣется, онъ дышитъ тяжело, часто и со свистомъ, онъ облизываетъ языкомъ синія губы. Лицо

его, обезображенное большими шрамами отъ зажившей проказы, кажется страшнымъ въ блѣдной мглѣ. Онъ говоритъ гнусавымъ и хриплымъ голосомъ:

— И правда. Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ мужчинъ, милая дѣвушка! Закрой глаза, и ты не отличишь меня отъ него. Я даже лучше, потому что, навѣрно, поопытнѣе его.

Они хватаютъ ее за грудь, за плечи, за кисти рукъ, за одежду. Но Суламиѳь гибка и сильна, и тѣло ея, умащенное масломъ, скользко. Она вырывается, оставивъ въ рукахъ сторожей свое верхнее покрывало, и еще быстрѣе бѣжитъ назадъ прежней дорогой. Она не испытала ни обиды, ни страха— она вся поглощена мыслью о Соломонѣ. Проходя мимо своего дома, она видитъ, что дверь, изъ которой она только что вышла, такъ и осталась отворенной, зіяя чернымъ четырехугольникомъ на бѣлой стѣнѣ. Но она только затаиваетъ дыханіе, съеживается какъ молодая кошка и на цыпочкахъ беззвучно пробѣгаетъ мимо.

Она переходитъ черезъ Кедронскій мостъ, огибаетъ окраину Силоамской деревни и каменистой дорогой взбирается постепенно на южный склонъ Ватнъ-Эль-Хава, въ свой виноградникъ. Братъ ея еще спитъ между лозами, завернувшись въ шерстяное одѣяло, все мокрое отъ росы. Суламиѳь будитъ его, но онъ не можетъ проснуться, окованный молодымъ утреннимъ сномъ.

Какъ и вчера, заря пылаетъ надъ Аназе. Подымается вѣтеръ. Струится ароматъ винограднаго цвѣтенія.

— Пойду погляжу на то мѣсто у стѣны, гдѣ стоялъ мой возлюбленный,—говоритъ Суламиѳь.—Прикоснусь руками къ камнямъ, которые онъ трогалъ, поцѣлую землю подъ его ногами.

Легко скользитъ она между лозами. Роса падаетъ съ нихъ и холодитъ ей ноги и брызжетъ на ея локти. И вотъ радостный крикъ Суламиѳи оглашаетъ виноград-

никъ! Царь стоитъ за стѣной. Онъ съ сіяющимъ лицомъ протягиваетъ ей навстрѣчу руки.

Легче птицы переносится Суламиѳь черезъ ограду и безъ словъ, со стономъ счастья обвивается вокругъ царя.

Такъ проходитъ нѣсколько минутъ. Наконецъ, отрываясь губами отъ ея рта, Соломонъ говоритъ въ упоеніи и голосъ его дрожитъ:

— О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

— О, какъ ты прекрасенъ, возлюбленный мой!

Слезы восторга и благодарности—блаженныя слезы блестятъ на блѣдномъ и прекрасномъ лицѣ Суламиѳи. Изнемогая отъ любви, она спускается на землю и едва слышно шепчетъ безумныя слова:

— Ложе у насъ зелень. Кедры — потолокъ надъ нами... Лобзай меня лобзаніемъ устъ твоихъ. Ласки твои лучше вина...

Спустя небольшое время Суламиѳь лежитъ головою на груди Соломона. Его лѣвая рука обнимаетъ ее.

Склонившись къ самому ея уху, царь шепчетъ ей что-то, царь нѣжно извиняется, и Суламиѳь краснѣетъ отъ его словъ и закрываетъ глаза. Потомъ съ невыразимо прелестной улыбкой смущенія она говоритъ:

— Братья мои поставили меня стеречь виноградникъ... а своего виноградника я не уберегла.

Но Соломонъ беретъ ея маленькую темную руку и горячо прижимаетъ ее къ губамъ.

— Ты не жалѣешь объ этомъ, Суламиѳь?

— О, нѣтъ, царь мой, возлюбленный мой, я не жалѣю. Если бы ты сейчасъ же всталъ и ушелъ отъ меня и если бы я осуждена была никогда потомъ не видѣть тебя, я до конца моей жизни буду произносить съ благодарностью твое имя, Соломонъ!

— Скажи мнѣ еще, Суламиѳь... Только, прошу тебя, скажи правду, чистая моя... Знала ли ты, кто я?

— Нѣтъ, я и теперь не знаю этого. Я думала... Но мнѣ стыдно признаться... Я боюсь, ты будешь смѣяться надо мной... Разсказываютъ, что здѣсь, на горѣ Ватнъ-Эль-Хавъ, иногда бродятъ языческіе боги... Многіе изъ нихъ, говорятъ, прекрасны... И я думала: не Горъ ли ты, сынъ Озириса, или иной богъ?

— Нѣтъ, я только царь, возлюбленная. Но вотъ на этомъ мѣстѣ я цѣлую твою милую руку, опаленную солнцемъ и клянусь тебѣ, что еще никогда: ни въ пору первыхъ любовныхъ томленій юности, ни въ дни моей славы не горѣло мое сердце такимъ неутолимымъ желаніемъ, которое будитъ во мнѣ одна твоя улыбка, одно прикосновеніе твоихъ огненныхъ кудрей, одинъ изгибъ твоихъ пурпуровыхъ губъ! Ты прекрасна какъ шатры Кидарскіе, какъ завѣсы въ храмѣ Соломоновомъ! Ласки твои опьяняютъ меня. Вотъ груди твои—онѣ ароматны. Сосцы твои—какъ вино!

— О, да, гляди, гляди на меня, возлюбленный. Глаза твои волнуютъ меня! О, какая радость: вѣдь это ко мнѣ, ко мнѣ обращено желаніе твое! Волосы твои душисты. Ты лежишь какъ мирровый пучокъ у меня между грудей!

Время прекращаетъ свое теченіе и смыкается надъ ними солнечнымъ кругомъ. Ложе у нихъ зелень, кровля—кедры, стѣны—кипарисы. И знамя надъ ихъ шатромъ—любовь.

VII.

Бассейнъ былъ у царя во дворцѣ, восьмиугольный, прохладный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора. Темно-зеленыя малахитовыя ступени спускались къ его дну. Облицовка изъ египетской яшмы, снѣжно-бѣлой съ розовыми чуть замѣтными прожилками, служила ему рамою. Луч-

шее черное дерево пошло на отдѣлку стѣнъ. Четыре львиныя головы изъ розоваго сардоникса извергали тонкими струями воду въ бассейнъ. Восемь серебряныхъ отполированныхъ зеркалъ отличной сидонской работы, въ ростъ человѣка, были вдѣланы въ стѣны между легкими бѣлыми колоннами.

Передъ тѣмъ, какъ войти Суламиѳи въ бассейнъ, молодыя прислужницы влили въ него ароматные составы, и вода отъ нихъ побѣлѣла, поголубѣла и заиграла переливами молочнаго опала. Съ восхищеніемъ глядѣли рабыни, раздѣвавшія Суламиѳь, на ея тѣло и, когда раздѣли, подвели ее къ зеркалу. Ни одного недостатка не было въ ея прекрасномъ тѣлѣ, озолоченномъ, какъ смуглый зрѣлый плодъ, золотымъ пухомъ нѣжныхъ волосъ. Она же, глядя на себя нагую въ зеркало, краснѣла и думала:

«Все это для тебя, мой царь!»

Она вышла изъ бассейна свѣжая, холодная и благоухающая, покрытая дрожащими каплями воды. Рабыни надѣли на нее короткую бѣлую тунику изъ тончайшаго египетскаго льна и хитонъ изъ драгоцѣннаго саргонскаго виссона, такого блестящаго золотого цвѣта, что одежда казалась сотканной изъ солнечныхъ лучей. Онѣ обули ея ноги въ красныя сандаліи изъ кожи молодого козленка, онѣ осушили ея темно-огненные кудри и перевили ихъ нитями крупнаго чернаго жемчуга, и украсили ея руки звенящими запястьями.

Въ такомъ нарядѣ предстала она предъ Соломономъ, и царь воскликнулъ радостно:

— Кто это, блистающая какъ заря, прекрасная какъ луна, свѣтлая какъ солнце? О, Суламиѳь, красота твоя грознѣе, чѣмъ полки съ распущенными знаменами! Семьсотъ женъ я зналъ и триста наложницъ, и дѣвицъ безъ числа, но единственная—ты, прекрасная моя! Увидятъ тебя царицы и превознесутъ, и поклонятся тебѣ

наложницы, и восхвалятъ тебя всѣ женщины на землѣ. О, Суламиѳь, тотъ день, когда ты сдѣлаешься моей женой и царицей, будетъ самымъ счастливымъ для моего сердца.

Она же подошла къ рѣзной масличной двери и, прижавшись къ ней щекою, сказала:

— Я хочу быть только твоею рабою, Соломонъ. Вотъ я приложила ухо мое къ дверному косяку. И прошу тебя: по закону Моисееву, пригвозди мнѣ ухо, въ свидѣтельство моего добровольнаго рабства предъ тобою.

Тогда Соломонъ приказалъ принести изъ своей сокровищницы драгоцѣнныя подвѣски изъ глубоко-красныхъ карбункуловъ, обдѣланныхъ въ видѣ удлиненныхъ грушъ. Онъ самъ продѣлъ ихъ въ уши Суламиѳи и сказалъ:

— Возлюбленная моя принадлежитъ мнѣ, а я ей.

И, взявъ Суламиѳь за руку, повелъ ее царь въ залу пиршества, гдѣ уже дожидались его друзья и приближенные.

VIII.

Семь дней прошло съ того утра, когда вступила Суламиѳь въ царскій дворецъ. Семь дней она и царь наслаждались любовью и не могли насытиться ею.

Соломонъ любилъ украшать свою возлюбленную драгоцѣнностями. «Какъ стройны твои маленькія ноги въ сандаліяхъ!» восклицалъ онъ съ восторгомъ и, становясь передъ нею на колѣни, цѣловалъ поочередно пальцы на ея ногахъ и нанизывалъ на нихъ кольца съ такими прекрасными и рѣдкими камнями, какихъ не было даже на эфодѣ первосвященника. Суламиѳь заслушивалась его, когда онъ разсказывалъ ей о внутренней природѣ камней, о ихъ волшебныхъ свойствахъ и таинственныхъ значеніяхъ.

— Вотъ анфраксъ, священный камень земли Офиръ,—говорилъ царь.—Онъ горячъ и влаженъ. Погляди, онъ красенъ какъ кровь, какъ вечерняя заря, какъ распустившійся цвѣтъ граната, какъ густое вино изъ виноградниковъ энгедскихъ, какъ твои губы, моя Суламиѳь, какъ твои губы утромъ, послѣ ночи любви. Это камень любви, гнѣва и крови. На рукѣ человѣка, томящагося въ лихорадкѣ или опьяненнаго желаніемъ, онъ становится теплѣе и горитъ краснымъ пламенемъ. Надѣнь его на руку, моя возлюбленная, и ты увидишь, какъ онъ загорится... Если его растолочь въ порошокъ и принимать съ водой, онъ даетъ румянецъ лицу, успокаиваетъ желудокъ и веселитъ душу. Носящій его пріобрѣтаетъ власть надъ людьми. Онъ врачуетъ сердце, мозгъ и память. Но при дѣтяхъ не слѣдуетъ его носить, потому что онъ будитъ вокругъ себя любовныя страсти.

— Вотъ прозрачный камень цвѣта мѣдной яри. Въ странѣ эфіоповъ, гдѣ онъ добывается, его называютъ Мгнадисъ-Фза. Мнѣ подарилъ его отецъ моей жены, царицы Астисъ, египетскій фараонъ Суссакимъ, которому этотъ камень достался отъ плѣннаго царя. Ты видишь—онъ некрасивъ, но цѣна его неисчислима, потому что только четыре человѣка на землѣ владѣютъ камнемъ Мгнадисъ-Фза. Онъ обладаетъ необыкновеннымъ качествомъ притягивать къ себѣ серебро, точно жадный и сребролюбивый человѣкъ. Я тебѣ его дарю, моя возлюбленная, потому что ты безкорыстна.

— Посмотри, Суламиѳь, на эти сапфиры. Одни изъ нихъ похожи цвѣтомъ на васильки въ пшеницѣ, другіе на осеннее небо, иные на море въ ясную погоду. Это камень дѣвственности—холодный и чистый. Во время далекихъ и тяжелыхъ путешествій его кладутъ въ ротъ для утоленія жажды. Онъ также излѣчиваетъ проказу и всякіе злые наросты. Онъ даетъ ясность мыслямъ.

Жрецы Юпитера въ Римѣ носятъ его на указательномъ пальцѣ.

— Царь всѣхъ камней—камень Шамиръ. Греки называютъ его Адамасъ, что значитъ—*неодолимый*. Онъ крѣпче всѣхъ веществъ на свѣтѣ и остается невредимымъ въ самомъ сильномъ огнѣ. Это свѣтъ солнца, сгустившійся въ землѣ и охлажденный временемъ. Полюбуйся, Суламиѳь: онъ играетъ всѣми цвѣтами, но самъ остается прозрачнымъ, точно капля воды. Онъ сіяетъ въ темнотѣ ночи, но даже днемъ теряетъ свой свѣтъ на рукѣ убійцы. Шамиръ привязываютъ къ рукѣ женщины, которая мучится тяжелыми родами, и его также надѣваютъ воины на лѣвую руку, отправляясь въ бой. Тотъ, кто носитъ Шамиръ—угоденъ царямъ и не боится злыхъ духовъ. Шамиръ сгоняетъ пестрый цвѣтъ съ лица, очищаетъ дыханіе, даетъ спокойный сонъ лунатикамъ и отпотѣваетъ отъ близкаго сосѣдства съ ядомъ. Камни Шамиръ бываютъ мужскіе и женскіе; зарытые глубоко въ землю, они способны размножаться.

— Лунный камень, блѣдный и кроткій какъ сіяніе луны—это камень маговъ халдейскихъ и вавилонскихъ. Передъ прорицаніями они кладутъ его подъ языкъ, и онъ сообщаетъ имъ даръ видѣть будущее. Онъ имѣетъ странную связь съ луною, потому что въ новолуніе холодѣетъ и сіяетъ ярче. Онъ благопріятенъ для женщины въ тотъ годъ, когда она изъ ребенка становится дѣвушкой.

— Это кольцо съ смарагдомъ ты носи постоянно, возлюбленная, потому что смарагдъ любимый камень Соломона, царя Израильскаго. Онъ зеленъ, чистъ, веселъ и нѣженъ, какъ трава весенняя, и когда смотришь на него долго, то свѣтлѣетъ сердце; если поглядѣть на него съ утра, то весь день будетъ для тебя легкимъ. У тебя надъ ночнымъ ложемъ я повѣшу смарагдъ, прекрасная моя,—пусть онъ отгоняетъ отъ тебя дурные сны, утишаетъ біеніе сердца и отводитъ черныя мысли. Кто но-

сить смарагдъ, къ тому не приближаются змѣи и скорпіоны; если же держать смарагдъ передъ глазами змѣи, то польется изъ нихъ вода и будетъ литься до тѣхъ поръ, пока она не ослѣпнетъ. Толченый смарагдъ даютъ отравленному ядомъ человѣку вмѣстѣ съ горячимъ верблюжьимъ молокомъ, чтобы вышелъ ядъ испариной; смѣшанный съ розовымъ масломъ, смарагдъ врачуетъ укусы ядовитыхъ гадовъ, а растертый съ шафраномъ и приложенный къ больнымъ глазамъ исцѣляетъ куриную слѣпоту. Помогаетъ онъ еще отъ кроваваго поноса и при черномъ кашлѣ, который неизлѣчимъ никакими средствами человѣческими.

Дарилъ также царь своей возлюбленной ливійскіе аметисты, похожіе цвѣтомъ на раннія фіалки, распускающіяся въ лѣсахъ у подножія Ливійскихъ горъ,—аметисты, обладавшіе чудесной способностью обуздывать вѣтеръ, смягчать злобу, предохранять отъ опьяненія и помогать при ловлѣ дикихъ звѣрей; персопольскую бирюзу, которая приноситъ счастіе въ любви, прекращаетъ ссору супруговъ, отводитъ царскій гнѣвъ и благопріятствуетъ при укрощеніи и продажѣ лошадей; и кошачій глазъ—оберегающій имущество, разумъ и здоровье своего владѣльца, и блѣдный, сине-зеленый, какъ морская вода у берега, верилій—средство отъ бѣльма и проказы, добрый спутникъ странниковъ; и разноцвѣтный агатъ—носящій его не боится козней враговъ и избѣгаетъ опасности быть раздавленнымъ во время землетрясенія; и нефритъ, почечный камень, отстраняющій удары молніи; и яблочно-зеленый, мутно-прозрачный опихій—сторожъ хозяина отъ огня и сумасшествія; и ясписъ, заставляющій дрожать звѣрей; и черный ласточкинъ камень, дающій краснорѣчіе; и уважаемый беременными женщинами орлиный камень, который орлы кладутъ въ свои гнѣзда, когда приходитъ пора вылупляться ихъ птенцамъ; и заберзатъ изъ Офира, сіяющій какъ маленькія

солнца; и желто-золотистый хрисолитъ—другъ торговцевъ и воровъ; и сардоникъ, любимый царями и царицами; и малиновый лигирій: его находятъ, какъ извѣстно, въ желудкѣ рыси, зрѣніе которой такъ остро, что она видитъ сквозь стѣны,—поэтому и носящіе лигирій отличаются зоркостью глазъ,—кромѣ того онъ останавливаетъ кровотеченіе изъ носу и заживляетъ всякія раны, исключая ранъ, нанесенныхъ камнемъ и желѣзомъ.

Надѣвалъ царь на шею Суламиѳи многоцѣнныя ожерелья изъ жемчуга, который ловили его подданные въ Персидскомъ морѣ, и жемчугъ отъ теплоты ея тѣла пріобрѣталъ живой блескъ и нѣжный цвѣтъ. И кораллы становились краснѣе на ея смуглой груди, и оживала бирюза на ея пальцахъ, и издавали въ ея рукахъ трескучія искры тѣ желтыя янтарныя бездѣлушки, которыя привозили въ даръ царю Соломону съ береговъ далекихъ сѣверныхъ морей отважные корабельщики царя Хирама Тирскаго.

Златоцвѣтомъ и лиліями покрывала Суламиѳь свое ложе, приготовляя его къ ночи, и, покоясь на ея груди, говорилъ царь въ веселіи сердца:

— Ты похожа на царскую ладью въ странѣ Офиръ, о моя возлюбленная, на золотую легкую ладью, которая плыветъ, качаясь, по священной рѣкѣ, среди бѣлыхъ ароматныхъ цвѣтовъ.

Такъ посѣтила царя Соломона—величайшаго изъ царей и мудрѣйшаго изъ мудрецовъ—его первая и послѣдняя любовь.

Много вѣковъ прошло съ той поры. Были царства и цари, и отъ нихъ не осталось слѣда, какъ отъ вѣтра, пробѣжавшаго надъ пустыней. Были длинныя, безпо-

щадныя войны, послѣ которыхъ имена полководцевъ сіяли въ вѣкахъ точно кровавыя звѣзды, но время стерло даже самую память о нихъ.

Любовь же бѣдной дѣвушки изъ виноградника и великаго царя никогда не пройдетъ и не забудется, потому что крѣпка какъ смерть любовь, потому что каждая женщина, которая любитъ,—царица, потому что любовь—прекрасна!

IX.

Семь дней прошло съ той поры, когда Соломонъ—поэтъ, мудрецъ и царь—привелъ въ свой дворецъ бѣдную дѣвушку, встрѣченную имъ въ виноградникѣ на разсвѣтѣ. Семь дней наслаждался царь ея любовью и не могъ насытиться ею. И великая радость освѣщала его лицо, точно золотое солнечное сіяніе.

Стояли свѣтлыя, теплыя, лунныя ночи—сладкія ночи любви! На ложѣ изъ тигровыхъ шкуръ лежала обнаженная Суламиѳь, и царь, сидя на полу у ея ногъ, наполнялъ свой изумрудный кубокъ золотистымъ виномъ изъ Мареотиса и пилъ за здоровье своей возлюбленной, веселясь всѣмъ сердцемъ, и разсказывалъ онъ ей мудрыя древнія странныя сказанія. И рука Суламиѳи покоилась на его головѣ, гладила его волнистые черные волосы.

— Скажи мнѣ, мой царь,—спросила однажды Суламиѳь.—Не удивительно ли, что я полюбила тебя такъ внезапно? Я теперь вспоминаю все, и мнѣ кажется, что я стала принадлежать тебѣ съ самаго перваго мгновенія, когда не успѣла еще увидѣть тебя, а только услышала твой голосъ. Сердце мое затрепетало и раскрылось навстрѣчу къ тебѣ, какъ раскрывается цвѣтокъ во время лѣтней ночи отъ южнаго вѣтра. Чѣмъ ты такъ плѣнилъ меня, мой возлюбленный?

И царь, тихо склоняясь головой къ нѣжнымъ колѣнямъ Суламиѳи, ласково улыбнулся и отвѣтилъ:

— Тысячи женщинъ до тебя, о моя прекрасная, задавали своимъ милымъ этотъ вопросъ и сотни вѣковъ послѣ тебя онѣ будутъ спрашивать объ этомъ своихъ милыхъ. Три вещи есть въ мірѣ, непонятныя для меня, и четвертую я не постигаю: путь орла въ небѣ, змѣи на скалѣ, корабля среди моря и путь мужчины къ сердцу женщины. Это не моя мудрость, Суламиѳь, это слова Агура, сына Іакеева, слышанныя отъ него учениками. Но почтимъ и чужую мудрость.

— Да,—сказала Суламиѳь задумчиво,—можетъ быть и правда, что человѣкъ никогда не пойметъ этого. Сегодня во время пира на моей груди было благоухающее вязаніе стакти. Но ты вышелъ изъ-за стола, и цвѣты мои перестали пахнуть. Мнѣ кажется, что тебя должны любить, о царь, и женщины, и мужчины, и звѣри, и даже цвѣты! Я часто думаю и не могу понять: какъ можно любить кого-нибудь другого, кромѣ тебя?

— И кромѣ тебя, кромѣ тебя, Суламиѳь! Каждый часъ я благодарю Бога, что Онъ послалъ тебя на моемъ пути.

— Я помню. Я сидѣла на камнѣ стѣнки, и ты положилъ свою руку сверхъ моей. Огонь побѣжалъ по моимъ жиламъ, голова у меня закружилась. Я сказала себѣ: «Вотъ кто господинъ мой, вотъ кто царь мой, возлюбленный мой!»

— Я помню, Суламиѳь, какъ обернулась ты на мой зовъ. Подъ тонкимъ платьемъ я увидѣлъ твое тѣло, твое прекрасное тѣло, которое я люблю какъ Бога. Я люблю его, покрытое золотымъ пухомъ, точно солнце оставило на немъ свой поцѣлуй. Ты стройна точно кобылица въ колесницѣ фараоновой, ты прекрасна какъ колесница Аминодавова. Глаза твои какъ два голубя, сидящихъ у истока водъ.

— О, милый, слова твои волнуютъ меня. Твоя рука сладко жжетъ меня. О, мой царь, ноги твои какъ мраморные столбы. Животъ твой точно ворохъ пшеницы, окруженный лиліями.

Окруженные, осіянные молчаливымъ свѣтомъ луны, они забывали о времени, о мѣстѣ, и вотъ проходили часы, и они съ удивленіемъ замѣчали, какъ въ рѣшетчатыя окна покоя заглядывала розовая заря.

Также сказала однажды Суламиѳь:

— Ты зналъ, мой возлюбленный, женъ и дѣвицъ безъ числа, и всѣ онѣ были самыя красивыя женщины на землѣ. Мнѣ стыдно становится, когда я подумаю о себѣ, простой, неученой дѣвушкѣ, и о моемъ бѣдномъ тѣлѣ, опаленномъ солнцемъ.

Но, касаясь губами ея губъ, говорилъ царь съ безконечной любовью и благодарностью:

— Ты царица, Суламиѳь. Ты родилась настоящей царицей. Ты смѣла и щедра въ любви. Семьсотъ женъ у меня и триста наложницъ, и дѣвицъ я зналъ безъ числа, но ты единственная моя, кроткая моя, прекраснѣйшая изъ женщинъ. Я нашелъ тебя подобно тому, какъ водолазъ въ Персидскомъ заливѣ наполняетъ множество корзинъ пустыми раковинами и малоцѣнными жемчужинами, прежде чѣмъ достанетъ съ морского дна перлъ, достойный царской короны. Дитя мое, тысячи разъ можетъ любить человѣкъ, но только одинъ разъ онъ любитъ. Тьмы-темъ людей думаютъ, что они любятъ, но только двумъ изъ нихъ посылаетъ Богъ любовь. И когда ты отдалась мнѣ тамъ, между кипарисами, подъ кровлей изъ кедровъ, на ложѣ изъ зелени, я отъ души благодарилъ Бога, столь милостиваго ко мнѣ.

Еще однажды спросила Суламиѳь:

— Я знаю, что всѣ онѣ любили тебя, потому что тебя нельзя не любить. Царица Савская приходила къ тебѣ изъ своей страны. Говорятъ, она была мудрѣе и

прекрасѣе всѣхъ женщинъ, когда-либо бывшихъ на землѣ. Точно во снѣ я вспоминаю ея караваны. Не знаю почему, но съ самаго ранняго дѣтства влекло меня къ колесницамъ знатныхъ. Мнѣ тогда было можетъ быть семь, можетъ быть восемь лѣтъ, я помню верблюдовъ въ золотой сбруѣ, покрытыхъ пурпурными попонами, отягощенныхъ тяжелыми ношами, помню муловъ съ золотыми бубенчиками между ушами, помню смѣшныхъ обезьянъ въ серебряныхъ клѣткахъ и чудесныхъ павлиновъ. Множество слугъ шло въ бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ; они вели ручныхъ тигровъ и барсовъ на красныхъ лентахъ. Мнѣ было только восемь лѣтъ.

— О, дитя, тебѣ тогда было только восемь лѣтъ,— сказалъ Соломонъ съ грустью.

— Ты любилъ ее больше, чѣмъ меня, Соломонъ? Разскажи мнѣ что-нибудь о ней?

И царь разсказалъ ей все объ этой удивительной женщинѣ. Наслышавшись много о мудрости и красотѣ Израильскаго царя, она прибыла къ нему изъ своей страны съ богатыми дарами, желая испытать его мудрость и покорить его сердце. Это была пышная сорокалѣтняя женщина, которая уже начинала увядать. Но тайными, волшебными средствами она достигала того, что ея рыхлѣющее тѣло казалось стройнымъ и гибкимъ какъ у дѣвушки, и лицо ея носило печать страшной, нечеловѣческой красоты. Но мудрость ея была обыкновенной человѣческой мудростью и при томъ еще мелочной мудростью женщины.

Желая испытать царя загадками, она сначала послала къ нему пятьдесятъ юношей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и пятьдесятъ дѣвушекъ. Всѣ они такъ хитроумно были одѣты въ одинаковыя одежды, что самый зоркій глазъ не распознаналъ бы ихъ пола. «Я назову тебя мудрымъ, царь,—сказала Балкисъ—если ты скажешь мнѣ, кто изъ нихъ женщина и кто мужчина».

Но царь разсмѣялся и приказалъ каждому и каждой изъ посланныхъ подать по одиночкѣ серебряный тазъ и серебряный кувшинъ для умыванія. И въ то время когда мальчики смѣло брызгались въ водѣ руками и бросали себѣ ее горстями въ лицо, крѣпко вытирая кожу, дѣвочки поступали такъ, какъ всегда дѣлаютъ женщины при умываніи. Онѣ нѣжно и заботливо натирали водою каждую изъ своихъ рукъ, близко поднося ее къ глазамъ.

Такъ просто разрѣшилъ царь первую загадку Балкисъ-Македы.

Затѣмъ прислала она Соломону большой алмазъ, величиною съ лѣсной орѣхъ. Въ камнѣ этомъ была тонкая, весьма извилистая трещина, которая узкимъ сложнымъ ходомъ пробуравливала насквозь все его тѣло. Нужно было продѣть черезъ этотъ алмазъ шелковинку. И мудрый царь впустилъ въ отверстіе шелковичнаго червя, который, пройдя наружу, оставилъ за собою слѣдомъ тончайшую шелковую паутинку.

Также прислала прекрасная Балкисъ царю Соломону многоцѣнный кубокъ изъ рѣзного сардоникса великолѣпной художественной работы.—Этотъ кубокъ будетъ твоимъ,—повелѣла она сказать царю,—если ты его наполнишь влагою, взятою ни съ земли, ни съ неба.—Соломонъ же, наполнивъ сосудъ пѣною, падавшей съ тѣла утомленнаго коня, приказалъ отнести его царицѣ.

Много подобныхъ загадокъ предлагала царица Соломону, но не могла унизить его мудрость, и всѣми тайными чарами ночного сладострастія не сумѣла она сохранить его любви. И когда наскучила она наконецъ царю, онъ жестоко, обидно насмѣялся надъ нею.

Всѣмъ было извѣстно, что царица Савская никому не показывала своихъ ногъ и потому носила длинное до земли платье. Даже въ часы любовныхъ ласкъ держала

она ноги плотно закрытыми одеждой. Много странныхъ и смѣшныхъ легендъ сложилось по этому поводу.

Одни увѣряли, что у царицы козлиныя ноги, обросшія шерстью; другіе клялись, что у нея вмѣсто ступней перепончатыя гусиныя лапы. И даже разсказывали о томъ, что мать царицы Балкисъ однажды, послѣ купанья, сѣла на песокъ, гдѣ только что оставилъ свое сѣмя нѣкій богъ, временно превратившійся въ гуся, и что отъ этой случайности понесла она прекрасную царицу Савскую.

И вотъ повелѣлъ однажды Соломонъ устроить въ одномъ изъ своихъ покоевъ прозрачный хрустальный полъ съ пустымъ пространствомъ подъ нимъ, куда налили воды и пустили живыхъ рыбъ. Все это было сдѣлано съ такимъ необычайнымъ искусствомъ, что непредупрежденный человѣкъ ни за что не замѣтилъ бы стекла и сталъ бы давать клятву, что передъ нимъ находится бассейнъ съ чистой свѣжей водой.

И когда все было готово, то пригласилъ Соломонъ свою царственную гостью на свиданіе. Окруженная пышной свитой, она идетъ по комнатамъ Ливанскаго дома и доходитъ до коварнаго бассейна. На другомъ концѣ его сидитъ царь, сіяющій золотомъ и драгоцѣнными камнями и привѣтливымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Дверь отворяется передъ царицею, и она дѣлаетъ шагъ впередъ, но вскрикиваетъ и...

Суламиѳь смѣется радостнымъ дѣтскимъ смѣхомъ и хлопаетъ въ ладоши.

— Она нагибается и приподымаетъ платье?—спрашиваетъ Суламиѳь.

— Да, моя возлюбленная, она поступила такъ, какъ поступила бы каждая изъ женщинъ. Она подняла кверху край своей одежды и, хотя это продолжалось только одно мгновеніе, но и я и весь мой дворъ увидѣли, что у прекрасной Савской царицы Балкисъ-Мâкеды обыкно-

венныя человѣческія ноги, но кривыя и обросшія густыми волосами. На другой же день она собралась въ путь, не простилась со мною и уѣхала съ своимъ великолѣпнымъ караваномъ. Я не хотѣлъ ея обидѣть. Вслѣдъ ей я послалъ надежнаго гонца, которому приказалъ передать царицѣ пучокъ рѣдкой горной травы—лучшее средство для уничтоженія волосъ на тѣлѣ. Но она вернула мнѣ назадъ голову моего посланнаго въ мѣшкѣ изъ дорогой багряницы.

Разсказывалъ также Соломонъ своей возлюбленной многое изъ своей жизни, чего не зналъ никто изъ другихъ людей и что Суламиѳь унесла съ собою въ могилу. Онъ говорилъ ей о долгихъ и тяжелыхъ годахъ скитаній, когда, спасаясь отъ гнѣва своихъ братьевъ, отъ зависти Авессалома и отъ ревности Адоніи, онъ принужденъ былъ подъ чужимъ именемъ скрываться въ чужихъ земляхъ, терпя страшную бѣдность и лишенія. Онъ разсказалъ ей о томъ, какъ въ отдаленной неизвѣстной странѣ, когда онъ стоялъ на рынкѣ въ ожиданіи, что его наймутъ куда-нибудь работать, къ нему подошелъ царскій поваръ и сказалъ:

— Чужестранецъ, помоги мнѣ донести эту корзину съ рыбами во дворецъ.

Своимъ умомъ, ловкостью и умѣлымъ обхожденіемъ Соломонъ такъ понравился придворнымъ, что въ скоромъ времени устроился во дворцѣ, а когда старшій поваръ умеръ, то онъ заступилъ его мѣсто. Дальше говорилъ Соломонъ о томъ, какъ единственная дочь царя, прекрасная, пылкая дѣвушка, влюбилась тайно въ новаго повара, какъ она открылась ему невольно въ любви, какъ они однажды бѣжали вмѣстѣ изъ дворца ночью, были настигнуты и приведены обратно, какъ осужденъ былъ Соломонъ на смерть и какъ чудомъ удалось ему бѣжать изъ темницы.

Жадно внимала ему Суламиѳь, а когда онъ замол-

калъ, тогда среди тишины ночи смыкались ихъ губы, сплетались руки, прикасались груди. И когда наступало утро, и тѣло Суламиѳи казалось пѣнно-розовымъ, и любовная усталость окружала голубыми тѣнями ея прекрасныя глаза, она говорила съ нѣжной улыбкою:

— Освѣжите меня яблоками, подкрѣпите меня виномъ, ибо я изнемогаю отъ любви.

X.

Въ храмѣ Изиды на горѣ Ватнъ-Эль-Хавъ только что отошла первая часть великаго тайнодѣйствія, на которую допускались вѣрующіе малаго посвященія. Очередной жрецъ—древній старецъ въ бѣлой одеждѣ, съ бритой головой, безусый и безбородый, повернулся съ возвышенія алтаря къ народу и произнесъ тихимъ, усталымъ голосомъ:

— Пребывайте въ мирѣ, сыновья мои и дочери. Усовершенствуйтесь въ подвигахъ. Прославляйте имя богини. Благословеніе ея надъ вами да пребудетъ вовѣки вѣковъ.

Онъ вознесъ свои руки надъ народомъ, благословляя его. И тотчасъ же всѣ посвященные въ малый чинъ таинствъ простерлись на полу и затѣмъ, вставъ, тихо, въ молчаніи направились къ выходу.

Сегодня былъ седьмой день египетскаго мѣсяца Фаменота, посвященный мистеріямъ Озириса и Изиды. Съ вечера торжественная процессія трижды обходила вокругъ храма со свѣтильниками, пальмовыми листами и амфорами, съ таинственными символами боговъ и со священными изображеніями Фаллуса. Въ серединѣ шествія на плечахъ у жрецовъ и вторыхъ пророковъ возвышался закрытый «наосъ» изъ драгоцѣннаго дерева, украшеннаго жемчугомъ, слоновой костью и золотомъ. Тамъ пребывала сама богиня, Она, Невидимая, Подаю-

щая плодородіе, Таинственная, Мать, Сестра и Жена боговъ.

Злобный Сетъ заманилъ своего брата, божественнаго Озириса, на пиршество, хитростью заставилъ его лечь въ роскошный гробъ и, захлопнувъ надъ нимъ крышку, бросилъ гробъ вмѣстѣ съ тѣломъ великаго бога въ Нилъ. Изида, только что родившая Гора, въ тоскѣ и слезахъ разыскиваетъ по всей землѣ тѣло своего мужа и долго не находитъ его. Наконецъ рыбы разсказываютъ ей, что гробъ волнами отнесло въ море и прибило къ Библосу, гдѣ вокругъ него выросло громадное дерево и скрыло въ своемъ стволѣ трупъ бога и его пловучій домъ. Царь той страны приказалъ сдѣлать себѣ изъ громаднаго дерева мощную колонну, не зная, что въ ней покоится самъ богъ Озирисъ, великій Податель жизни. Изида идетъ въ Библосъ, приходитъ туда утомленная зноемъ, жаждой и тяжелой каменистой дорогой. Она освобождаетъ гробъ изъ середины дерева, несетъ его съ собою и прячетъ въ землю у городской стѣны. Но Сетъ опять тайно похищаетъ тѣло Озириса, разрѣзаетъ его на четырнадцать частей и разсѣиваетъ ихъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ Верхняго и Нижняго Египта.

И опять въ великой скорби и рыданіяхъ отправилась Изида въ поиски за священными членами своего Мужа и Брата. Къ плачу ея присоединяетъ свои жалобы сестра ея, богиня Нефтисъ, и могущественный Тоотъ, и сынъ богини, свѣтлый Горъ, Горизитъ.

Таковъ былъ тайный смыслъ нынѣшней процессіи въ первой половинѣ священнослуженія. Теперь, по уходѣ простыхъ вѣрующихъ и послѣ небольшого отдыха, надлежало совершиться второй части великаго тайнодѣйствія. Въ храмѣ остались только посвященные въ высшія степени—мистагоги, эпопты, пророки и жрецы.

Мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ разносили на серебряныхъ подносахъ мясо, хлѣбъ, сухіе плоды и сладкое

пелузское вино. Другіе разливали изъ узкогорлыхъ тирскихъ сосудовъ сикеру, которую въ тѣ времена давали передъ казнью преступникамъ для возбужденія въ нихъ мужества, но которая также обладала великимъ свойствомъ порождать и поддерживать въ людяхъ огонь священнаго безумія.

По знаку очередного жреца мальчики удалились. Жрецъ-привратникъ заперъ всѣ двери. Затѣмъ онъ внимательно обошелъ всѣхъ оставшихся, всматриваясь имъ въ лица и опрашивая ихъ таинственными словами, составлявшими пропускъ нынѣшней ночи. Два другіе жреца провезли вдоль храма и вокругъ каждой изъ его колоннъ серебряную кадильницу на колесахъ. Синимъ густымъ пьянящимъ ароматнымъ ѳиміамомъ наполнился храмъ, и сквозь слои дыма едва стали видны разноцвѣтные огни лампадъ, сдѣланныхъ изъ прозрачныхъ камней,—лампадъ, оправленныхъ въ рѣзное золото и подвѣшенныхъ къ потолку на длинныхъ серебряныхъ цѣпяхъ. Въ давнее время этотъ храмъ Озириса и Изиды отличался небольшими размѣрами и бѣдностью и былъ выдолбленъ наподобіе пещеры въ глубинѣ горы. Узкій подземный коридоръ велъ къ нему снаружи. Но во дни царствованія Соломона, взявшаго подъ свое покровительство всѣ религіи, кромѣ тѣхъ, которыя допускали жертвоприношенія дѣтей, и благодаря усердію царицы Астисъ, родомъ египтянки, храмъ разросся въ глубину и въ высоту и украсился богатыми приношеніями.

Прежній алтарь такъ и остался неприкосновеннымъ въ своей первоначальной суровой простотѣ, вмѣстѣ со множествомъ маленькихъ покоевъ, окружавшихъ его и служившихъ для сохраненія сокровищъ, жертвенныхъ предметовъ и священныхъ принадлежностей, а также для особыхъ тайныхъ цѣлей во время самыхъ сокровенныхъ мистическихъ оргій.

Зато поистинѣ былъ великолѣпенъ наружный дворъ

съ пилонами въ честь богини Гаторъ и съ четырехсторонней колоннадой изъ двадцати четырехъ колоннъ. Еще пышнѣе былъ устроенъ внутренній подземный гипостильный залъ для молящихся. Его мозаичный полъ весь былъ украшенъ искусными изображеніями рыбъ, звѣрей, земноводныхъ и пресмыкающихся. Потолокъ же былъ покрытъ голубой глазурью, и на немъ сіяло золотое солнце, свѣтилась серебряная луна, мерцали безчисленныя звѣзды и парили на распростертыхъ крыльяхъ птицы. Полъ былъ землею, потолокъ небомъ, а ихъ соединяли, точно могучіе древесные стволы, круглыя и многогранныя колонны. И такъ какъ всѣ колонны завершались капителями въ видѣ нѣжныхъ цвѣтовъ лотоса или тонкихъ свертковъ папируса, то лежавшій на нихъ потолокъ дѣйствительно казался легкимъ и воздушнымъ какъ небо.

Стѣны до высоты человѣческаго роста были обложены красными гранитными плитами, вывезенными, по желанію царицы Астисъ, изъ Ѳивъ, гдѣ мѣстные мастера умѣли придавать граниту зеркальную гладкость и изумительный блескъ. Выше, до самаго потолка, стѣны, такъ же какъ колонны, пестрѣли рѣзными и раскрашенными изображеніями съ символами боговъ обоихъ Египтовъ. Здѣсь былъ Себехъ, чтимый въ Фаюмэ подъ видомъ крокодила, и Тоотъ, богъ луны, изображаемый какъ Ибисъ въ городѣ Хмуну, и солнечный богъ Горъ, которому въ Эдфу былъ посвященъ копчикъ, и Бастъ изъ Бубаса, подъ видомъ кошки, Шу, богъ воздуха—левъ, Пта—аписъ, Готаръ, богиня веселья—корова, Анубисъ, богъ бальзамированія, съ головою шакала, и Монту изъ Гермона, и коптскій Мину, и богиня неба Нейтъ изъ Саиса, и, наконецъ, въ видѣ овна, страшный богъ, имя котораго не произносилось и котораго называли Хентіементу, что значитъ «Живущій на Западѣ».

Полутемный алтарь возвышался надъ всѣмъ хра-

момъ, и въ глубинѣ его тускло блестѣли золотомъ стѣны святилища, скрывавшаго изображенія Изиды. Трое воротъ—большія, среднія и двое боковыхъ маленькихъ—вели въ святилище. Передъ средними стоялъ жертвенникъ со священнымъ каменнымъ ножомъ изъ эфіопскаго обсидіана. Ступени вели къ алтарю, и на нихъ расположились младшіе жрецы и жрицы съ тимпанами, систрами, флейтами и бубнами.

Царица Астисъ возлежала въ маленькомъ потайномъ покоѣ. Небольшое квадратное отверстіе, искусно скрытое тяжелымъ занавѣсомъ, выходило прямо къ алтарю и позволяло, не выдавая своего присутствія, слѣдить за всѣми подробностями священнодѣйствія. Легкое узкое платье изъ льняного газа, затканное серебромъ, вплотную облекало тѣло царицы, оставляя обнаженными руки до плечъ и ноги до половины икръ. Сквозь прозрачную матерію розово свѣтилась ея кожа и видны были всѣ чистыя линіи и возвышенія ея стройнаго тѣла, которое до сихъ поръ, несмотря на тридцатилѣтній возрастъ царицы, не утеряло своей гибкости, красоты и свѣжести. Волосы ея, выкрашенные въ синій цвѣтъ, были распущены по плечамъ и по спинѣ и концы ихъ убраны безчисленными ароматическими шариками. Лицо было сильно нарумянено и набѣлено, а тонко обведенные тушью глаза казались громадными и горѣли въ темнотѣ какъ у сильнаго звѣря кошачьей породы. Золотой священный уреусъ спускался у нея отъ шеи внизъ, раздѣляя полуобнаженныя груди.

Съ тѣхъ поръ, какъ Соломонъ охладѣлъ къ царицѣ Астисъ, утомленный ея необузданной чувственностью, она со всѣмъ пыломъ южнаго сладострастія и со всей яростью оскорбленной женской ревности предалась тѣмъ тайнымъ оргіямъ извращенной похоти, которыя входили въ высшій культъ скопческаго служенія Изидѣ. Она всегда показывалась окруженная жрецами-кастратами и

даже теперь, когда одинъ изъ нихъ мѣрно обвѣвалъ ея голову опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ,—другіе сидѣли на полу, впиваясь въ царицу безумно-блаженными глазами. Ноздри ихъ расширялись и трепетали отъ вѣявшаго на нихъ аромата ея тѣла, и дрожащими пальцами они старались незамѣтно прикоснуться къ краю ея чуть колебавшейся легкой одежды. Ихъ чрезмѣрная, никогда не удовлетворяющаяся страстность изощряла ихъ воображеніе до крайнихъ предѣловъ. Ихъ изобрѣтательность въ наслажденіяхъ Кибеллы и Ашеры переступала всѣ человѣческія возможности. И, ревнуя царицу другъ къ другу, ко всѣмъ женщинамъ, мужчинамъ и дѣтямъ, ревнуя даже къ ней самой, они поклонялись ей больше, чѣмъ Изидѣ, и любя, ненавидѣли ее какъ безконечный огненный источникъ сладостныхъ и жестокихъ страданій.

Темные, злые, странные и плѣнительные слухи ходили о царицѣ Астисъ въ Іерусалимѣ. Родители красивыхъ мальчиковъ и дѣвушекъ прятали дѣтей отъ ея взгляда; ея имя боялись произносить на супружескомъ ложѣ, какъ знакъ оскверненія и напасти. Но волнующее, опьяняющее любопытство влекло къ ней души и отдавало во власть ей тѣла. Тѣ, кто испыталъ хоть однажды ея свирѣпыя кровавыя ласки, тѣ уже не могли ея забыть никогда, и дѣлались навѣки ея жалкими, отвергнутыми рабами. Готовые ради новаго обладанія ею на всякій грѣхъ, на всякое униженіе и преступленіе, они становились похожими на тѣхъ несчастныхъ, которые, попробовавъ однажды горькое маковое питье изъ страны Офиръ, дающее сладкія грезы, уже никогда не отстанутъ отъ него и только ему одному поклоняются и одного его чтутъ, пока истощеніе и безуміе не прервутъ ихъ жизни.

Медленно колыхалось въ жаркомъ воздухѣ опахало. Въ безмолвномъ восторгѣ созерцали жрецы свою ужас-

ную повелительницу. Но она точно забыла объ ихъ присутствіи. Слегка отодвинувъ занавѣску, она неотступно глядѣла напротивъ, по ту сторону алтаря, гдѣ когда-то изъ-за темныхъ изломовъ старинныхъ златокованныхъ занавѣсокъ показывалось прекрасное, свѣтлое лицо Израильскаго царя. Его одного любила всѣмъ своимъ пламеннымъ и порочнымъ сердцемъ отвергнутая царица, жестокая и сладострастная Астисъ. Его мимолетнаго взгляда, ласковаго слова, прикосновенія его руки искала она повсюду и не находила. На торжественныхъ выходахъ, на дворцовыхъ обѣдахъ и въ дни суда, оказывалъ Соломонъ къ ней почтительность, какъ къ царицѣ и дочери царя, но душа его была мертва для нея. И часто гордая царица приказывала въ урочные часы проносить себя мимо дома Ливанскаго, чтобы хоть издали, незамѣтно, сквозь тяжелыя ткани носилокъ, увидѣть среди придворной толпы гордое, незабвенно-прекрасное лицо Соломона. И давно уже ея пламенная любовь къ царю такъ тѣсно срослась съ жгучей ненавистью, что сама Астисъ не умѣла отличить ихъ.

Прежде и Соломонъ посѣщалъ храмъ Изиды въ дни великихъ празднествъ и приносилъ жертвы богинѣ, и даже принялъ титулъ ея верховнаго жреца, второго послѣ египетскаго фараона. Но страшныя таинства «Кровавой жертвы Оплодотворенія» отвратили его умъ и сердце отъ служенія Матери боговъ.

— Оскопленный по невѣдѣнію или насиліемъ, или случайно, или по болѣзни—не униженъ передъ Богомъ,—сказалъ царь.—Но горе тому, кто самъ изуродуетъ себя.—И вотъ уже цѣлый годъ ложе его въ храмѣ оставалось пустымъ. И напрасно пламенные глаза царицы жадно глядѣли теперь на неподвижныя занавѣски.

Между тѣмъ вино, сикера и одуряющія куренія уже оказывали замѣтное дѣйствіе на собравшихся въ храмѣ.

Чаще слышались крикъ и смѣхъ и звонъ падающихъ на каменный полъ серебряныхъ сосудовъ. Приближалась великая таинственная минута кровавой жертвы. Экстазъ овладѣвалъ вѣрующими.

Разсѣяннымъ взоромъ оглядѣла царица храмъ и вѣрующихъ. Много здѣсь было почтенныхъ и знаменитыхъ людей изъ свиты Соломоновой и изъ его военачальниковъ: Бенъ-Геверъ, властитель области Арговіи, и Ахимаасъ, женатый на дочери Соломона Васемаѳ, и остроумный Бенъ-Декеръ, и Зовуфъ, носившій, по восточнымъ обычаямъ, высокій титулъ «друга царя», и братъ Соломона отъ перваго брака Давидова—Далуіа, разслабленный, полумертвый человѣкъ, преждевременно впавшій въ идіотизмъ отъ излишествъ и пьянства. Всѣ они были—иные по вѣрѣ, иные по корыстнымъ расчетамъ, иные изъ подражанія, а иные изъ сластолюбивыхъ цѣлей—поклонниками Изиды.

И вотъ глаза царицы остановились долго и внимательно, съ напряженной мыслью, на красивомъ юношескомъ лицѣ Эліава, одного изъ начальниковъ царскихъ тѣлохранителей.

Царица знала, отчего горитъ такой яркой краской его смуглое лицо, отчего съ такою страстной тоской устремлены его горячіе глаза сюда, на занавѣски, которыя едва движутся отъ прикосновенія прекрасныхъ бѣлыхъ рукъ царицы. Однажды, почти шутя, повинуясь минутному капризу, она заставила Эліава провести у нея цѣлую длинную блаженную ночь. Утромъ она отпустила его, но съ тѣхъ поръ уже много дней подъ рядъ видѣла она повсюду—во дворцѣ, въ храмѣ, на улицахъ—два влюбленныхъ, покорныхъ, тоскующихъ глаза, которые повсюду провожали ее...

Темныя брови царицы сдвинулись, и ея зеленые длинные глаза вдругъ потемнѣли отъ страшной мысли.

Едва замѣтнымъ движеніемъ руки она приказала кастрату опустить внизъ опахало и сказала тихо:

— Выйдите всѣ. Хушай, ты пойдешь и позовешь ко мнѣ Эліава, начальника царской стражи. Пусть онъ придетъ одинъ.

XI.

Десять жрецовъ въ бѣлыхъ одеждахъ, испещренныхъ красными пятнами, вышли на середину алтаря. Слѣдомъ за ними шли еще двое жрецовъ, одѣтыхъ въ женскія одежды. Они должны были изображать сегодня Нефтисъ и Изиду, оплакивающихъ Озириса. Потомъ изъ глубины алтаря вышелъ нѣкто въ бѣломъ хитонѣ, безъ единаго украшенія, и глаза всѣхъ женщинъ и мужчинъ съ жадностью приковались къ нему. Это былъ тотъ самый пустынникъ, который провелъ десять лѣтъ въ тяжеломъ подвижническомъ искусѣ на горахъ Ливана и нынче долженъ былъ принести великую добровольную кровавую жертву Изидѣ. Лицо его, изнуренное голодомъ, обвѣтренное и обожженное, было строго и блѣдно, глаза сурово опущены внизъ, и нечеловѣческимъ ужасомъ повѣяло отъ него на толпу.

Наконецъ вышелъ и главный жрецъ храма, столѣтній старецъ съ тіарой на головѣ, съ тигровой шкурой на плечахъ, въ парчевомъ передникѣ, украшенномъ хвостами шакаловъ.

Повернувшись къ молящимся, онъ старческимъ голосомъ, кроткимъ и дрожащимъ, произнесъ:

— Сутонъ-ди-готпу. (Царь приноситъ жертву).

И затѣмъ, обернувшись къ жертвеннику, онъ принялъ изъ рукъ помощника бѣлаго голубя съ красными лапками, отрѣзалъ птицѣ голову, вынулъ у нея изъ груди сердце и кровью ея окропилъ жертвенникъ и священный ножъ.

Послѣ небольшого молчанія, онъ возгласилъ:

— Оплачемте Озириса, бога Атуму, великаго Унъ-Ноферъ-Онуфрія, бога Она!

Два кастрата въ женскихъ одеждахъ—Изида и Нефтисъ—тотчасъ же начали плачъ гармоничными тонкими голосами:

«Возвратись въ свое жилище, о, прекрасный юноша. Видѣть тебя блаженство.

«Изида заклинаетъ тебя, Изида, которая была зачата съ тобою въ одномъ чревѣ, жена твоя и сестра.

«Покажи намъ снова лицо твое, свѣтлый богъ. Вотъ Нефтисъ, сестра твоя. Она обливается слезами и въ горести рветъ свои волосы.

«Въ смертельной тоскѣ разыскиваемъ мы прекрасное тѣло твое, Озирисъ, возвратись въ домъ свой!»

Двое другихъ жрецовъ присоединили къ первымъ свои голоса. Это Горъ и Анубисъ оплакивали Озириса, и каждый разъ, когда они оканчивали стихъ, хоръ, расположившійся на ступеняхъ лѣстницы, повторялъ его торжественнымъ и печальнымъ мотивомъ.

Потомъ съ тѣмъ же пѣніемъ старшіе жрецы вынесли изъ святилища статую богини, теперь уже не закрытую наосомъ. Но черная мантія, усыпанная золотыми звѣздами, окутывала богиню съ ногъ до головы, оставляя видимыми только ея серебряныя ноги, обвитыя змѣей, а надъ головою серебряный дискъ, включенный въ коровьи рога. И медленно подъ звонъ кадильницъ и систръ, со скорбнымъ плачемъ двинулась процессія богини Изиды со ступенекъ алтаря, внизъ, въ храмъ, вдоль его стѣнъ, между колоннами.

Такъ собирала богиня разбросанные члены своего супруга, чтобы оживить его при помощи Тота и Анубиса:

«Слава городу Абидосу, сохранившему прекрасную голову твою, Озирисъ.

«Слава тебѣ, городъ Мемфисъ, гдѣ нашли мы правую руку великаго бога, руку войны и защиты.

«И тебѣ, о, городъ Саисъ, скрывшій лѣвую руку свѣтлаго бога, руку правосудія.

«И ты будь благословенъ, городъ Ѳивы, гдѣ покоилось сердце Унъ-Нофера-Онуфрія».

Такъ обошла богиня весь храмъ, возвращаясь назадъ къ алтарю, и все страстнѣе и громче становилось пѣніе хора. Священное воодушевленіе овладѣвало жрецами и молящимися. Всѣ части тѣла Озириса нашла Изида, кромѣ одной, священнаго Фаллуса, оплодотворяющаго материнское чрево, созидающаго новую вѣчную жизнь. Теперь приближался самый великій актъ въ мистеріи Озириса и Изиды.

— Это ты, Эліавъ?—спросила царица юношу, который тихо вошелъ въ дверь.

Въ темнотѣ ложи онъ беззвучно опустился къ ея ногамъ и прижалъ къ губамъ край ея платья. И царица почувствовала, что онъ плачетъ отъ восторга, стыда и желанія. Опустивъ руку ему на курчавую жесткую голову, царица произнесла:

— Разскажи мнѣ, Эліавъ, все, что ты знаешь о царѣ и объ этой дѣвочкѣ изъ виноградника.

— О, какъ ты его любишь, царица!—сказалъ Эліавъ съ горькимъ стономъ.

— Говори...—приказала Астисъ.

— Что я могу тебѣ сказать, царица? Сердце мое разрывается отъ ревности.

— Говори!

— Никого еще не любилъ царь, какъ ее. Онъ не разстается съ ней ни на мигъ. Глаза его сіяютъ счастьемъ. Онъ расточаетъ вокругъ себя милости и дары. Онъ, авимелехъ и мудрецъ, онъ какъ рабъ лежитъ около ея ногъ и какъ собака не спускаетъ съ нея глазъ своихъ.

— Говори!

— О, какъ ты терзаешь меня, царица! И она... она— вся любовь, вся нѣжность и ласка! Она кротка и стыдлива, она ничего не видитъ и не знаетъ, кромѣ своей любви. Она не возбуждаетъ ни въ комъ ни злобы, ни ревности, ни зависти...

— Говори!—яростно простонала царица, и, вцѣпившись своими гибкими пальцами въ черные кудри Эліава, она притиснула его голову къ своему тѣлу, царапая его лицо серебрянымъ шитьемъ своего прозрачнаго хитона.

А въ это время въ алтарѣ, вокругъ изображенія богини, покрытой чернымъ покрываломъ, носились жрецы кругомъ, въ священномъ изступленіи, съ криками, похожими на лай, подъ звонъ тимпановъ и дребезжаніе систръ.

Нѣкоторые изъ нихъ стегали себя многохвостыми плетками изъ кожи носорога, другіе наносили себѣ короткими ножами въ грудь и въ плечи длинныя кровавыя раны, третьи пальцами разрывали себѣ рты, надрывали себѣ уши и царапали лица ногтями. Въ серединѣ этого бѣшенаго хоровода, у самыхъ ногъ богини, кружился на одномъ мѣстѣ, съ непостижимой быстротой, отшельникъ съ горъ Ливана въ бѣлоснѣжной развѣвающейся одеждѣ. Одинъ верховный жрецъ оставался неподвижнымъ. Въ рукѣ онъ держалъ священный жертвенный ножъ изъ эфіопскаго обсидіана, готовый передать его въ послѣдній страшный моментъ.

— Фаллусъ! Фаллусъ! Фаллусъ!—кричали въ экстазѣ обезумѣвшіе жрецы. — Гдѣ твой Фаллусъ, о, свѣтлый богъ! Приди, оплодотвори богиню! Грудь ея томится отъ желанія! Чрево ея какъ пустыня въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы!

И вотъ страшный, безумный, пронзительный крикъ на мгновеніе заглушилъ весь хоръ. Жрецы быстро раз-

ступились, и всѣ, бывшіе въ храмѣ, увидѣли ливанскаго отшельника, совершенно обнаженнаго, ужаснаго своимъ высокимъ костлявымъ желтымъ тѣломъ. Верховный жрецъ протянулъ ему ножъ. Стало невыносимо-тихо въ храмѣ. И онъ, быстро нагнувшись, сдѣлалъ какое-то движеніе, выпрямился и съ воплемъ боли и восторга вдругъ бросилъ къ ногамъ богини безформенный кровавый кусокъ мяса.

Онъ шатался. Верховный жрецъ осторожно поддержалъ его, обвивъ рукою за спину, подвелъ его къ изображенію Изиды и бережно накрылъ его чернымъ покрываломъ и оставилъ такъ на нѣсколько мгновеній, чтобы онъ втайнѣ, невидимо для другихъ, могъ запечатлѣть на устахъ оплодотворенной богини свой поцѣлуй.

Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ его положили на носилки и унесли изъ алтаря. Жрецъ-привратникъ вышелъ изъ храма. Онъ ударилъ деревяннымъ молоткомъ въ громадный мѣдный кругъ, возвѣщая всему міру о томъ, что свершилась великая тайна оплодотворенія богини. И высокій, поющій звукъ мѣди понесся надъ Іерусалимомъ.

Царица Астисъ, еще продолжая содрогаться всѣмъ тѣломъ, откинула назадъ голову Эліава. Глаза ея горѣли напряженнымъ краснымъ огнемъ. И она сказала медленно, слово за словомъ:

— Эліавъ, хочешь, я сдѣлаю тебя царемъ Іудеи и Израиля? Хочешь быть властителемъ надъ всей Сиріей и Мессопотаміей, надъ Финикіей и Вавилономъ?

— Нѣтъ, царица, я хочу только тебя...

— Да, ты будешь моимъ властелиномъ. Всѣ мои ночи будутъ принадлежать тебѣ. Каждое мое слово, каждый мой взглядъ, каждое дыханіе будутъ твоими. Ты знаешь пропускъ. Ты пойдешь сегодня во дворецъ и убьешь ихъ. Ты убьешь ихъ обоихъ! Ты убьешь ихъ обоихъ!

Эліавъ хотѣлъ что-то сказать. Но царица притянула

его къ себѣ и прильнула къ его рту своими жаркими губами и языкомъ. Это продолжалось мучительно долго. Потомъ, внезапно оторвавъ юношу отъ себя, она сказала коротко и повелительно:

— Иди!

— Я иду,—отвѣтилъ покорно Эліавъ.

XII.

И была седьмая ночь великой любви Соломона.

Странно тихи и глубоко нѣжны были въ эту ночь ласки царя и Суламиѳи. Точно какая-то задумчивая печаль, осторожная стыдливость, отдаленное предчувствіе окутывали легкою тѣнью ихъ слова, поцѣлуи и объятія.

Глядя въ окно на небо, гдѣ ночь уже побѣждала догорающій вечеръ, Суламиѳь остановила свои глаза на яркой голубоватой звѣздѣ, которая трепетала кротко и нѣжно.

— Какъ называется эта звѣзда, мой возлюбленный?— спросила она.

— Это звѣзда Сопдитъ,—отвѣтилъ царь.—Это священная звѣзда. Ассирійскіе маги говорятъ намъ, что души всѣхъ людей живутъ на ней послѣ смерти тѣла.

— Ты вѣришь этому, царь?

Соломонъ не отвѣтилъ. Правая рука его была подъ головой Суламиѳи, а лѣвою рукою онъ обнималъ ее, и она чувствовала его ароматное дыханіе на себѣ, на волосахъ, на вискѣ.

— Можетъ быть, мы увидимся тамъ съ тобою, царь, послѣ того, какъ умремъ?—спросила тревожно Суламиѳь.

Царь опять промолчалъ.

— Отвѣтъ мнѣ что-нибудь, возлюбленный, — робко попросила Суламиѳь.

Тогда царь сказалъ:

— Жизнь человѣческая коротка, но время безконечно и вещество безсмертно. Человѣкъ умираетъ и утучняетъ гніеніемъ своего тѣла землю, земля вскармливаетъ колосъ, колосъ приноситъ зерно, человѣкъ поглощаетъ хлѣбъ и питаетъ имъ свое тѣло. Проходятъ тьмы и тьмы-тьмъ вѣковъ, все въ мірѣ повторяется, — повторяются люди, звѣри, камни, растенія. Во многообразномъ круговоротѣ времени и вещества повторяемся и мы съ тобою, моя возлюбленная. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что если мы съ тобою наполнимъ большой мѣшокъ до верху морскимъ гравіемъ и бросимъ въ него всего лишь одинъ драгоцѣнный сапфиръ, то, вытаскивая много разъ изъ мѣшка, ты все-таки, рано или поздно, извлечешь и драгоцѣнность. Мы съ тобою встрѣтимся, Суламиѳь, и мы не узнаемъ другъ друга, но съ тоской и съ восторгомъ будутъ стремиться наши сердца навстрѣчу, потому что мы уже встрѣчались съ тобою, моя кроткая, моя прекрасная Суламиѳь, но мы не помнимъ этого.

— Нѣтъ, царь, нѣтъ! Я помню. Когда ты стоялъ подъ окномъ моего дома и звалъ меня: «Прекрасная моя, выйди, волосы мои полны ночной росою!»—я узнала тебя, я вспомнила тебя, и радость и страхъ овладѣли моимъ сердцемъ. Скажи мнѣ, мой царь, скажи, Соломонъ: вотъ, если завтра я умру, будешь ли ты вспоминать свою смуглую дѣвушку изъ виноградника, свою Суламиѳь?

И, прижимая ее къ своей груди, царь прошепталъ, взволнованный:

— Не говори такъ никогда... Не говори такъ, о, Суламиѳь! Ты избранная Богомъ, ты настоящая, ты царица души моей... Смерть не коснется тебя...

Рѣзкій мѣдный звукъ вдругъ пронесся надъ Іерусалимомъ. Онъ долго заунывно дрожалъ и колебался въ воздухѣ, и когда замолкъ, то долго еще плыли его трепещущіе отзвуки.

— Это въ храмѣ Изиды окончилось таинство,—сказалъ царь.

— Мнѣ страшно, прекрасный мой!—прошептала Суламиѳь.—Темный ужасъ проникъ въ мою душу... Я не хочу смерти... Я еще не успѣла насладиться твоими объятіями... Обойми меня... Прижми меня къ себѣ крѣпче... Положи меня какъ печать на сердцѣ твоемъ, какъ печать на мышцѣ твоей!..

— Не бойся смерти, Суламиѳь! Такъ же сильна, какъ и смерть, любовь... Отгони грустныя мысли... Хочешь, я разскажу тебѣ о войнахъ Давида, о пирахъ и охотахъ фараона Суссакима? Хочешь ты услышать одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя складываются въ странѣ Офиръ?.. Хочешь, я разскажу тебѣ о чудесахъ Вакрамадитья?

— Да, мой царь. Ты самъ знаешь, что когда я слушаю тебя, сердце мое растетъ отъ радости! Но я хочу тебя попросить о чемъ-то...

— О, Суламиѳь,—все, что хочешь! Попроси у меня мою жизнь—я съ восторгомъ отдамъ ее тебѣ. Я буду только жалѣть, что слишкомъ малой цѣной заплатилъ за твою любовь.

Тогда Суламиѳь улыбнулась въ темнотѣ отъ счастія и, обвивъ шею царя руками, прошептала ему на ухо:

— Прошу тебя, когда настанетъ утро, пойдемъ вмѣстѣ туда... на виноградникъ... Туда, гдѣ зелень и кипарисы, и кедры, гдѣ около каменной стѣнки ты взялъ руками мою душу... Прошу тебя объ этомъ, возлюбленный... Тамъ снова окажу я тебѣ ласки мои...

Въ упоеніи поцѣловалъ царь губы своей милой.

Но Суламиѳь вдругъ встала на своемъ ложѣ и прислушалась.

— Что съ тобою, дитя мое?.. Что испугало тебя?—спросилъ Соломонъ.

— Подожди, мой милый... сюда идутъ... Да... Я слышу шаги...

Она замолчала. И было такъ тихо, что они различали біеніе своихъ сердецъ.

Легкій шорохъ послышался за дверью, и вдругъ она распахнулась быстро и беззвучно.

— Кто тамъ?—воскликнулъ Соломонъ.

Но Суламиѳь уже спрыгнула съ ложа, однимъ движеніемъ метнулась навстрѣчу темной фигурѣ человѣка съ блестящимъ мечомъ въ рукѣ. И тотчасъ же, пораженная насквозь короткимъ быстрымъ ударомъ, она со слабымъ, точно удивленнымъ, крикомъ упала на полъ.

Соломонъ разбилъ рукой сердоликовый экранъ, закрывавшій свѣтъ ночной лампады. Онъ увидалъ Эліава, который стоялъ у двери, слегка наклонившись надъ тѣломъ дѣвушки, шатаясь, точно пьяный. Молодой воинъ подъ взглядомъ Соломона поднялъ голову и, встрѣтившись глазами съ гнѣвными, страшными глазами царя, поблѣднѣлъ и застоналъ. Сверхъестественный ужасъ исказилъ его черты. И вдругъ, согнувшись, спрятавъ въ плащъ голову, онъ робко, точно испуганный шакалъ, сталъ выползать изъ комнаты. Но царь остановилъ его, сказавъ только три слова:

— Кто принудилъ тебя?

Весь трепеща и щелкая зубами, съ глазами, побѣлѣвшими отъ ужаса, молодой воинъ уронилъ глухо:

— Царица Астисъ...

— Выйди,—приказалъ Соломонъ.— Скажи очередной стражѣ, чтобы она стерегла тебя.

Скоро по безчисленнымъ комнатамъ дворца забѣгали люди съ огнями. Всѣ покои освѣтились. Пришли врачи, собрались военачальники и друзья царя.

Старшій врачъ сказалъ:

— Царь, теперь не поможетъ ни наука, ни Богъ.

Когда извлечемъ мечъ, оставленный въ ея груди, она тотчасъ же умретъ.

Но въ это время Суламиѳь очнулась и сказала со спокойною улыбкою:

— Я хочу пить.

И, когда напилась, она съ нѣжной, прекрасной улыбкою остановила свои глаза на царѣ и уже больше не отводила ихъ; а онъ стоялъ на колѣняхъ передъ ея ложемъ, весь обнаженный, какъ и она, не замѣчая, что его колѣни купаются въ ея крови, и что руки его обагрены алою кровью.

Такъ, глядя на своего возлюбленнаго и улыбаясь кротко, говорила съ трудомъ прекрасная Суламиѳь:

— Благодарю тебя, мой царь, за все: за твою любовь, за твою красоту, за твою мудрость, къ которой ты позволилъ мнѣ прильнуть устами, какъ къ сладкому источнику. Дай мнѣ поцѣловать твои руки, не отнимай ихъ отъ моего рта до тѣхъ поръ, пока послѣднее дыханіе не отлетитъ отъ меня. Никогда не было и не будетъ женщины счастливѣе меня. Благодарю тебя, мой царь, мой возлюбленный, мой прекрасный. Вспоминай изрѣдка о твоей рабѣ, о твоей, обожженной солнцемъ, Суламиѳи.

И царь отвѣтилъ ей глубокимъ, медленнымъ голосомъ:

— До тѣхъ поръ, пока люди будутъ любить другъ друга, пока красота души и тѣла будутъ самой лучшей и самой сладкой мечтой въ мірѣ, до тѣхъ поръ, клянусь тебѣ, Суламиѳь, имя твое во многіе вѣка будетъ произноситься съ умиленіемъ и благодарностью.

Къ утру Суламиѳи не стало.

Тогда царь всталъ, велѣлъ дать себѣ умыться и надѣлъ самый роскошный пурпуровый хитонъ, вышитый золотыми скарабеями, и возложилъ на свою голову вѣ-

нецъ изъ кроваво-красныхъ рубиновъ. Послѣ этого онъ подозвалъ къ себѣ Ванею и сказалъ спокойно:

— Ванея, ты пойдешь и умертвишь Эліава.

Но старикъ закрылъ лицо руками и упалъ ницъ передъ царемъ.

— Царь, Эліавъ—мой внукъ!

— Ты слышалъ меня, Ванея?

— Царь, прости меня, не угрожай мнѣ своимъ гнѣвомъ, прикажи это сдѣлать кому-нибудь другому. Эліавъ, выйдя изъ дворца, побѣжалъ въ храмъ и схватился за рога жертвенника. Я старъ, смерть моя близка, я не смѣю взять на свою душу этого двойного преступленія.

Но царь возразилъ:

— Однако, когда я поручилъ тебѣ умертвить моего брата Андонію, также схватившагося за священные рога жертвенника, развѣ ты ослушался меня, Ванея?

— Прости меня! Пощади меня, царь!

— Подними лицо твое,—приказалъ Соломонъ.

И когда Ванея поднялъ голову и увидѣлъ глаза царя, онъ быстро всталъ съ пола и послушно направился къ выходу.

Затѣмъ, обратившись къ Ахиссару, начальнику и смотрителю дворца, онъ приказалъ:

— Царицу я не хочу предавать смерти, пусть она живетъ, какъ хочетъ, и умираетъ, гдѣ хочетъ. Но никогда она не увидитъ болѣе моего лица. Сегодня, Ахиссаръ, ты снарядишь караванъ и проводишь царицу до гавани въ Іаффѣ, а оттуда въ Египетъ, къ фараону Суссакиму. Теперь пусть всѣ выйдутъ.

И, оставшись одинъ, лицомъ къ лицу съ тѣломъ Суламиѳи, онъ долго глядѣлъ на ея прекрасныя черты. Лицо ея было бѣло, и никогда оно не было такъ красиво при ея жизни. Полуоткрытыя губы, которыя всего часъ тому назадъ цѣловалъ Соломонъ, улыбались зага-

дочно и блаженно, и зубы, еще влажные, чуть-чуть поблескивали изъ-подъ нихъ.

Долго глядѣлъ царь на свою мертвую возлюбленную, потомъ тихо прикоснулся пальцами къ ея лбу, уже начавшему терять теплоту жизни, и медленными шагами вышелъ изъ покоя.

За дверями его дожидался первосвященникъ Азарія, сынъ Садокіи. Приблизившись къ царю, онъ спросилъ:

— Что намъ дѣлать съ тѣломъ этой женщины? Теперь суббота.

И вспомнилъ царь, какъ много лѣтъ тому назадъ скончался его отецъ и лежалъ на пескѣ, и уже началъ быстро разлагаться. Собаки, привлеченныя запахомъ падали, уже бродили вокругъ него съ горящими отъ голода и жадности глазами. И, какъ и теперь, спросилъ его первосвященникъ, отецъ Азаріи, дряхлый старикъ:

— Вотъ лежитъ твой отецъ, собаки могутъ растерзать его трупъ... Что намъ дѣлать? Почтить ли память царя и осквернить субботу, или соблюсти субботу, но оставить трупъ твоего отца на съѣденіе собакамъ?

Тогда отвѣтилъ Соломонъ:

— Оставить. Живая собака лучше мертваго льва.

И когда теперь, послѣ словъ первосвященника, вспомнилъ онъ это, то сердце его сжалось отъ печали и страха.

Ничего не отвѣтивъ первосвященнику, онъ пошелъ дальше, въ залу судилища.

Какъ и всегда по утрамъ, двое его писцовъ, Елихоферъ и Ахія, уже лежали на цыновкахъ по обѣ стороны трона, держа наготовѣ свертки папируса, тростникъ и чернила. При входѣ царя они встали и поклонились ему до земли. Царь же сѣлъ на свой тронъ изъ слоновой кости съ золотыми украшеніями, оперся локтемъ на спину золотого льва и, склонивъ голову на ладонь, приказалъ:

— Пишите!

«Положи меня какъ печать на сердцѣ твоемъ, какъ перстень на рукѣ твоей, потому что крѣпка какъ смерть любовь и жестока какъ адъ ревность; стрѣлы ея—стрѣлы огненныя».

И, помолчавъ такъ долго, что писцы въ тревогѣ затаили дыханіе, онъ сказалъ:

— Оставьте меня одного.

И весь день, до первыхъ вечернихъ тѣней, оставался царь одинъ-на-одинъ со своими мыслями, и никто не осмѣлился войти въ громадную пустую залу судилища.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

На переломѣ (Кадеты) 1

Олеся 90

Морская болѣзнь. 185

Суламиѳь. 217

Листок срока возврата книг

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

500:00 19д-1

Цѣна 4 руб.

Г-2, 09, 80
Допас. 4-98
Сегодня с 8 г.
Комн 172
Сверовьем

Центр Белова (РФ)